

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1969

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБИШЕВА

Учебные записки, № 75

1969

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1969

Сборник включает исследования по сравнительно-историческому языкознанию. Работы, построенные на материале древних языков (латинского, греческого, древнеанглийского и некоторых других), поднимают вопросы этимологии, морфологии, синтаксиса и топонимики.

Ряд статей посвящен вопросам истории языков Сибири. Работы представляют интерес для студентов и преподавателей вузов, занимающихся вопросами романстики, германистики, классической филологии и вопросами языков народов Сибири.

Редактор — доцент Э. Ф. Молина

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. П. Бычков (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), доц. В. Е. Томилов (ученый секретарь), директор издательства М. С. Змазнев, проф. Р. Н. Щербаков, проф. И. А. Александров, проф. В. Н. Кессених, проф. К. В. Савицкий, доц. М. А. Кривов, ст. науч. сотр. В. П. Тарасенко, проф. А. В. Положий, проф. И. В. Прикладов, проф. В. А. Хахлов, доц. В. В. Хахлов, проф. М. В. Тронов, ст. преподаватель Ф. И. Терлугов, проф. В. В. Серебrenников, проф. А. И. Ким, доц. С. М. Лисовик, проф. И. М. Разгон, доц. А. А. Говорков, проф. Н. Ф. Бабушкин, проф. В. С. Флеров, проф. К. П. Ярошевский, директор научной библиотеки М. Р. Филимонов, секретарь парткома проф. В. Н. Щеглов.

А. П. ДУЛЬЗОН

ОПЫТ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИВЯЗКИ ТОПОНИМОВ СУБСТРАТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В исследованиях по проблеме происхождения аборигенов Сибири и их языков, проводящихся в Томске с 1944 г., широко привлекаются различные географические названия этой территории в целях их этнической привязки и установления по ним ареалов бывшего расселения различных народов и их миграций.

Как известно, проблема происхождения любого народа по самой природе своей может быть разрешена только комплексным путем, т. е. с привлечением данных и методов исследования целого ряда наук (лингвистики, антропологии, этнографии, истории). Однако это вовсе не означает, что можно пользоваться этими разнообразными данными и методами произвольно; только полностью исчерпав возможности одной науки, можно обратиться за подтверждением к другой.

Привлечение данных топонимии в указанных целях предполагает наличие строго научной методики изучения и анализа топонимов и наличие надежной методики проверки полученных выводов. Особенностью предложенных нами методов изучения топонимов субстратного происхождения¹⁾ является то, что они предполагают в качестве обязательного условия ретрогрессивный ход исследования, при котором напластования топонимии данной территории, относящиеся к разному времени, «снимаются» в последовательном порядке, начиная с последнего по времени и отсюда дальше вглубь прошлого. Наши работы в области археологии Западной Сибири, имевшие целью произвести этническую привязку отдаленных от нас большим промежутком времени археологических культур, показали, что надежные результаты можно получить и в этой области только при ретрогрессивном ходе исследования²⁾. То же самое, очевидно, относится также и к этнографии и к антропологии.

Методика проверки полученных выводов имеет свою специфику в каждой области знания. Проверка выводов по изучению топонимов субстратного происхождения производится по тем же этапам (современный язык, субстрат, субсубстрат), по которым производился анализ названий, с применением тех же приемов и учетом всех соответствий при

¹⁾ См.: ВЯ, т. 8, вып. 4, 1959, стр. 35 сл.; Всесоюзная конференция по топонимике С СР, Ленинград, 1965, стр. 32 сл.

²⁾ А. П. Дульзон. Чулымские татары и проблема их происхождения. УЗ Томского пед. ин-та, т. IX, 1952, стр. 76 сл.; Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. УЗ Томского пед. ин-та, т. X, 1953, стр. 127 сл.; Остяцкие могильники XVI и XVII вв. у с. Молчанова на Оби. УЗ Томского пед. ин-та, т. XIII, 1955, стр. 97 сл. и др.

переходах слоев из одного языка или диалекта в другой, но в обратном порядке: начиная с определенной ступени прошлого, например, с языка субсубстрата, производится антегрессивное исследование с использованием топонимов или других известных из этого языка слов. Такая процедура не только позволяет подтвердить (проверить) имеющиеся выводы, но и дает возможность получить добавочно новые. Так именно, например, мною был получен вывод о том, что хак. юл, чул «речка», встречающееся уже в древнетюркских надписях, восходит к ассанскому слову «и-ул»³⁾.

Наличие большого фактического материала (гидронимов) позволило определить былые места расселения кетов и их миграции в Сибири за последние две тысячи лет⁴⁾ и установить пути продвижения после них конкретных групп тюрков в различные области юга Сибири и среднего Приобья⁵⁾.

Исходным местом для расселения енисейцев (кетов, ассанов, аринов, коттов и пумпоколов), по данным топонимики, является юг Западно-Сибирской низменности, между верховьями Иртыша и Енисея, где, по свидетельству китайских летописей, в это время кочевали гунны. А так как ряд слов, приведенных в китайских источниках как гунские, хорошо раскрываются из кетского и других енисейских языков⁶⁾, то можно предположить, что какая-то часть гуннского племенного союза говорила на енисейском языке. Это позволяет нам связывать более раннюю историю енисейских народов с предшествующей историей гуннов и, в частности, с динлинами (по-кит. динг-линг); кеты называют себя динг, а слово линг означает «светлый», что, по-видимому, отмечало их расовую особенность по сравнению с монголами.

Самодийские народности в Западной Сибири хорошо прослеживаются по типичным для них топонимам, в особенности по названиям рек и озер, которые составляют плотные замкнутые ареалы, более или менее совпадающие с местами их исторического проживания. Ненецкие топонимы отделены от селькупских клином хантыйских топонимов. Однако на хантыйской территории встречаются отдельные названия, иногда и островки названий ненецкого происхождения, а на юге хантыйские топонимы перекрывают селькупские⁷⁾. Эти вкрапления самодийских топонимов говорят в пользу того, что самодийцы распространялись в Западной Сибири из районов Средней Оби. Вопрос о том, откуда они сюда пришли, остается нерешенным. Тот факт, что на Средней Оби встречаются все типы самодийских гидронимов (нен. -јаха, селькуп. -га, южно-сам. -ба,- ча), говорит в пользу того, что эта территория являлась местом, где когда-то проживали все известные нам группы самодийцев (за исключением энцев и нганасанов); они сюда пришли по Оби и ее истокам с юга Сибири. Однако наличие к западу от Урала, на той же широте, одинаковых или однотипных с селькупскими названий⁸⁾ позволяет думать, что селькупы пришли на современные места жительства из-за Урала.

³⁾ А. П. Дульзон. Древние передвижения кетов по данным топонимики. Известия ВГО, т. 94, 1962, стр. 480.

⁴⁾ А. П. Дульзон. Кетские топонимы Западной Сибири. УЗ Томского пед. ин-та, т. XVIII, 1959.

⁵⁾ А. П. Дульзон. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири. Актуальные проблемы тюркологии. Москва (в печати).

⁶⁾ А. П. Дульзон. Гунны и кеты. Известия СО АН, № 11, вып. 3, стр. 137.

⁷⁾ Л. И. Калинина. Хантыйские топонимы. (Канд. диссерт.), 1962.

⁸⁾ Э. Г. Беккер. Селькупские топонимы. (Канд. диссерт.), 1965.

Для решения вопроса об исходной территории для распространения самодийцев в Сибири важное значение имеют некоторые данные их языка. Самодийцы, в особенности же селькупы, имеют в своем языке много общего с кетами (слов и различных особенностей морфологии)⁹). Эти общности могли появиться только в результате длительного контакта в древности. Особенно важным является то обстоятельство, что многие из этих общностей возникли не путем заимствования кетами слов и словоформ из самодийских языков, как принято думать, а, наоборот, путем заимствования их самодийцами из кетского языка. Вот почему мы должны предположить, что самодийцы две тысячи лет тому назад проживали в соседстве с кетами на указанной выше территории, между верховьями Оби и Енисея, где компактно встречаются гидронимы на -ча или -чага.

Данные топонимики позволяют высказать некоторые предположения о догуннском населении юга Западно-Сибирской низменности и прилегающей части Центральной Азии. На востоке этой территории проживали индоевропейцы, оставившие о себе воспоминание в виде многочисленных гидронимов на -дон, -дан, -кем, -об, -дари¹⁰), большей частью иранского происхождения, как и топонимы с компонентом «ир» и некоторые другие в западной части этой территории. Здесь же повсеместно встречаются гидронимы на -ман, которые, как подстилающий слой, узкой полосой простираются дальше на восток от Енисея и дальше на запад от Иртыша¹¹). Гидронимы на -ман увязываются с языками итало-кельто-германскими. Так как гидронимы этого типа наиболее густо встречаются в районе Прииртышья в пределах Казахстана, то следует думать, что эта территория представляла собой место длительного пребывания носителей этих языков в древности. По-видимому, с тохарским следует связывать встречающиеся на севере Казахстана и юге Сибири гидронимы, содержащие компонент теке (зап. тох. таке «река») и чага (вост. тох. цаке «река»), например: Чага, Ачага, Двачага, Камарчага, Учага; Теке, Алыктеке, Келтеке.

Большое количество названий озер севера Казахстана с компонентом -сор, совпадающим с хантыйским, делает вероятным вывод о том, что в указанное время к северо-западу от индоевропейцев между Ишимом и Иртышом, в пределах современной Кокчетавской области и на севере Павлодарской к западу от Иртыша проживали угры.

Приведенные данные топонимики позволяют предположить, что ряд словарных общностей енисейских языков с индоевропейскими (ен. герм. һу:с «дом», кет. лобет, робет «работа», ен. һуш, нем. һуч. «лошадь») и некоторые сходства в области морфологии («м, б» — показатель неодушевленного объекта, «с» — показатель субъекта, «к» — показатель фактивного отношения) возникли не во время пребывания гуннов в Европе, а появились гораздо раньше при их контакте с индоевропейцами на севере Центральной Азии.

⁹) K. Bouda. Die Sprache der Jenissejer. *Anthropos*, Bd. 52, 1957, s. 70—74; В. Н. Топоров. О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях. Вопросы структуры языка, М., 1964, стр. 120 сл.; P. Hajdu. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojuden und den jenisseischen Völkern, «Acta orientalia 2, t. III, fasc. 1—2, Budapest, 1953, s. 73 ff.

¹⁰) См.: Топонимика Востока, новые исследования. М., 1964, стр. 14 сл.

¹¹) См.: Топонимика Востока. М., 1962, стр. 22 сл.

П. М. КОПТЕЛОВ

О СЕМАНТИКЕ ТАЙМЫРСКИХ ГИДРОНИМОВ НГАНАСАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В работе использованы записи, сделанные автором в 1965 и 1966 годах на территории колхозов им. Калинина и им. Гагарина Таймырского национального округа. Задачей работы является выделение семантических типов нганасанской гидронимии, охватывающей территории бассейнов рек Пясины и Верхней Таймыры. В основу анализа положены названия рек и озер, принятые в живом употреблении нганасанов.

Для рассматриваемых названий типичным в структурном отношении является так называемый полный гидроним, составленный по схеме: определяющая часть + определяемая часть. Первый компонент (слово или словосочетание) является определением конкретного географического объекта, второй компонент указывает на вид объекта, то есть представляет собой слово со значением «река», «озеро», «протока» и т. д. Нередки, однако, и такие случаи, когда название вида объекта в речевой практике опускается и гидроним, называемый в этом случае неполным или усеченным, выступает в виде отвлеченного определения.

В совокупности наименований видов водных объектов наиболее употребительны в качестве второго компонента три слова: бигай — «река», тари — «река» и турку — «озеро». Часто в этой роли выступают названия-метафоры нгойбу, нгойбуа «голова» и д'аму° «горло»; первым словом называют озеро — исток известной реки, вторым — реку, вытекающую из озера, ср. аналогичный тип в ненецком языке: сё «горло»,... «пищевод»,... река, вытекающая из озера¹⁾. Реже употребительны: тарида «река», «река большая», бикакү (уменьшительн. от бигай) «речка», турка?а (увеличительн. от турку) «озерище»; туркакү (уменьшительн. от турку) «озерко». Ряд нарицательных названий, например, бала «протока», «рукав», х'ет'ч'о, х'ет'ч'арà «речка», «речушка», х'ет'аку «продолговатая речная бухта», н'аро?а «большая вода в низинах», лънтабу «бухта» и некоторые другие, хотя и широко бытуют в языке, в этой роли выступают очень редко.

Слова или сочетания слов, употребляемые в качестве определяющей части гидронимов, несут на себе основную семантическую нагрузку. Они отражают своеобразие водных объектов, характерные особенности природных условий данной местности; часто названия связаны с историей местного населения, разнообразной деятельностью человека и т. д.

Рассмотрим основные группы водных объектов.

¹⁾ Ненецкие слова, приведенные в статье, взяты из книги «Ненецко-русский словарь». Сост. Н. М. Терещенко, М., 1965. По техническим причинам заднеязычный согласный н передается сочетанием нг.

НАЗВАНИЕ РЕК

Среди названий рек можно выделить следующие типы:

1) названия, содержащие указания на вид рыбы, например: н'й'н'й'дà — р. Ньююда, «налимья», от н'й'н'й «налим»; бакунату (или бакунату) бигай — р. Боганида, приток р. Хета, от бакуну «осётр», ср. в ненецком ехэна «осётр»; часто на Таймыре встречаются названия со значением «обильный», «жирный» без указания на определенный вид рыбы, например, нгукаГач'ера, нгукаГат'ч'ера — р. Нгукагачера, приток р. Быстрая, «обильная», буквально «многое содержащая», от нгукаГà «многое», т'ч'ера «содержание», «содержимое», ср. в ненецком тер «содержимое», нгока «много»;

2) названия, содержащие указание на вид птицы, например: д'епта°-раму°, д'а°пта°раму° — реки Депторама, Дептурама, «место линьки гусей», от д'епту, д'а°пту «гусь», -раму° — морфема со значением места, по-видимому, соответствует морфеме -рма с тем же значением в ненецком языке, ср. ябтарма «место, на котором водоплавающие птицы останавливаются на время линьки»; мядырма «постоянное чумовище» (место, на котором постоянно останавливаются во время перекочёвок), от мя" (д) «чум»; недарма «постоянная дорога», в нганасанском — нгута-раму° «дорога, проложенная аргишами», «постоянная дорога»; имя Депторама или Дептурама носят несколько рек в разных районах Таймыра: левый приток р. Янгода, правый приток протоки Старица, правый приток р. Пура, левый приток р. Дудыпта (на картах р. Гусиха), правый приток р. Пясины (на картах р. Гусиха);

б'агой бигай — р. Бягой-бигай, от б'аго (вид куропатки);

кула?ай бигай — р. Тундровая, приток р. Дудыпта, «река ворона», от кула: «ворон»;

сона: бигай — р. Сона-бигай, приток р. Верхняя Таймыра, с тем же названием приток р. Быстрая и др., «чаячья река», от сона: «чайка»;

3) названия, содержащие указания на различные виды млекопитающих животных, например:

х'иед'и бобу, х'иед'и бобъ — р. Фиедибобу, приток р. Фудему, р. Фиедибоба, приток р. Пясины, «горностая место», от х'иедà, х'иадà «горностай», бобу, бобъ «место» (в разных значениях, например, бобъ-ма «моё место», бобъра «твое место»);

с'енгка сатàрà бигай — р. Сенкаساتари (на карте землепользования колхоза им. Гагарина ошибочно записано Сенкаса-Тари), «черного песка река», с'енгка сатàрà «черный песок» (в русском языке песцы этого вида называются голубыми; как в том, так и в другом случае наименование цвета дано условно, ср. в русском языке «черный хлеб»; по свидетельству нганасанов с'енгка «не совсем черный» в отличие от х'енгка «совсем черный»), сатàрà «песец», ср. в ненецком языке сэр" нохо «белый песок», сенг нохо «голубой песок», сенг ябто «черный гусь»;

нгйладà бигай — р. Бол. Волчья, приток р. Горбита, «волчья река», от нгуладà «волк», «волчий»;

д'ама°дылà бигай, другой вариант д'ама°ды бигай «медвежья река» от д'ама°дà «медведь», «медвежий»;

4) названия, связанные с флорой данной местности, например:

саНитие — р. Бол. Сонитэ, приток р. Янгода, и р. Мал. Сонитэ, приток р. Бол. Сонитэ, «кустарниковая», от саНие, сеНие «кустарник»; энцы ту і другую реку, называют саНийте д'аУа с тем же значением; д'аУа «река»;

нирката?à бигай, нирка?туь бигай, «белого тальника река», от н'ир-ку «белый тальник»; со словом н'ирку «белый тальник» связано название

реки Митыринирку, притока реки Верхняя Таймыра, по-нганасански — миттыры н'ирку «Дмитрия белый тальник», миттыры «Дмитрий» (собственное имя одного из долган);

д'иене бигай — р. Диене-бигай, приток р. Луктак, «моховая река», от д'ие «мох», «ягель»;

д'ие д'ирàГà бигай — р. Диедирага, приток р. Тэнкэн, «толстого ягеля река», от д'ие «мох», «ягель», д'ирàГà «толстый» (в разных значениях);

УоттаГà бигай, левый приток р. Пясины, «луковая река», УоттаГà «луковый» (встречается в сочетании с другим именем, ср. УоттаГà н'оттá «лук», буквально «луковая трава»;

кйа°над'и тари «березняковая река», от кйа° «береза»;

Уайт'ураму° — р. Пайтурма, левый приток р. Дудыпта, нганасаны это название связывают с Уа° «дерево», -раму° — морфема со значением места; название Пайтурма возможно ненецкого происхождения, ср. ненцк. пя «дерево», -рма — морфема со значением постоянного места;

5) названия, отражающие постоянные физико-географические особенности рек, например:

сйдабе?а тари — р. Сюдавей-тари, правый приток р. Пясины, «большая река», от сйдабе: «большой», «огромный» (по отношению к различным предметам);

ма°ка°рйттйã — р. Мокоритто, левый приток р. Пясины, ма°ка°рйттйã «сильно изогнутый», «искривленный» (о разных предметах, например, ма°ка°рйттйã «сильно изогнутый», «искривленный» (о разных предметах, например, ма°ка°рйттйã кйма «сильно изогнутый нож»), ср. по-энецки маГари?а с тем же значением;

с'игйо бигай — р. Гольчиха, «река с узкими местами», от с'икй, множеств. число с'игй?, «узкое место на реке, озере»;

буотынкàГà, буотынкьГà, бо:тынкьГà — р. Буотанкага, приток р. Верхняя Таймыра, р. Ниж. Буотанкага, правый приток р. Пура, «течение сильное», от буо, бо: «течение», тынкьГà «сильный» (в разных значениях, например, тынкьГà нгана?са «сильный человек»);

тыра?а д'аму° «мелкое горло (озера)», от тыра «мелкий», д'аму° «горло»;

сэруту, сэруту — р. Сыруту, лев. приток р. Пясины, «постоянно покрытая льдом»; определение сэруту, сэруту, производное от сэр «лед», «снег», применимо только по отношению к водным объектам, ср. другие производные от сэр «лед»; сэрсабте?а «ледяной», сэрубалà «леденитый», «богатый льдом», сэрада «подземный лед»;

6) названия, указывающие на рельеф местности, характерные особенности берегов, почвы:

куод'ã бигай, ко:д'ã бигай — р. Кодя-бигай, лев. приток р. Мал. Пура, р. Кодя, лев. приток р. Пясины «горного хребта река», от куод'ã, ко:д'ã «горный хребет»;

тамн'а д'аму° «маленького горного хребта, горло (озера)», от тамн'а «маленький хребет», д'аму° «горло (озера)»;

хиромàку бигай — р. Хиромяку-бигай, прав. приток р. Диринга, «сопки река», от хиромàку «небольшая горная вершина», «сопка» (уменьшительн. от хирàмэ «сопка», ср. хирàмэ?а, хиромэ?а «сопка большая»);

д'икàрà бигай — р. Кыстыктак (в верховье), «крутых, высоких яров река», от д'икà «крутой яр», д'акàрà «крутой высокий яр»;

толбы бигай с крутыми обрывистыми берегами река», от толбы «обрывистый берег», «обрыв»;

х°алà бигай — р. Фала-бигай, прав. приток р. Верхняя Таймыра,

лев. приток р. Янгода с тем же названием «каменная река», от х^оалà «камень», «каменный»;

сунта тари — р. Сунта-Тари, прав. приток р. Луктак, «река горы с голой вершиной», от сочетания сунта хиромàку; это небольшая горная вершина, на которой даже зимой не задерживается снег; словом сунта нганасаны называют новую шерсть оленя, освободившуюся от старой шерсти;

ба^орàngанку тари, «река, на берегах которой небольшие каменные горки, камни»; ба^орàngанку, бърýнганку «горка», уменьшительное от ба^орàngа, бърýнга «гора»;

саду тари — приток р. Верх. Таймыра, «песчаной сопки река», от сату «глина, песок», «сопка из глины или песка»;

д'уртáраГà?, д'уртáрагу^о — р. Юртарáга, прав. приток р. Дептумала, «юртоподобной (сопки) река», от д'уртá «юрта», -рагу^о (варианты: -раку', -лаку, -лагу) — суффикс уподобительного имени;

малагу бигай — р. Малагу-Бигай, приток р. Верх. Таймыра, «чумоподобной (сопки) река», от ма? «чум»;

н'аГà х^оалà бигай — приток р. Верх. Таймыра, «красивого камня (гальки) река», от н'аГà «хороший, красивый», х^оалà У^оалà «камень»; сатудà бигай — р. Сатудабигай, лев. приток р. Оншоктах-Юрэх, «глинистая река»; сатудà «глинистый», от сату «глина»;

х^оал'уранку тари — р. Халиранго-Тари, «мелкого камня река»; х^оал'уранку — уменьшительное от х^оалà «камень»;

л'унг^оУ^оàдà?а — р. Бол. Люнгфада, лев. приток р. Пяси́на, р. Мал. Люнгфада, лев. приток р. Бол. Люнгфада, «топкоглинистая (река)», от л'унг^оУ^оà «топкая, вязкая глина, песок», ср. ненецк. лымбад «вязкий песок на берегу реки, песок с примесью глины...»;

7) названия, отражающие различные события, случаи, имевшие место на берегах рек, например:

х^оа д'ангу бигай — р. Пастниковая, прав. приток р. Пяси́на; х^оа д'ангу — определение от х^оа д'ангуй «пасть», х^оа, х^оуа «дерево» деревянный», д'ангуй «ловушка», ср. баса д'ангуй «капкан», от баса «железо, металл», ср. в ненецком пя янго «пасть», от пя «дерево», янго «ловушка», в энецком фе д'агу «пасть», от фе «дерево», д'агу «ловушка»;

торудей? тари — р. Торудейтари, лев. приток р. Янгода, «река, на берегу которой происходили состязания по борьбе», от торудà «борец», ср. ненецк. р. Тарояха с тем же значением, от тароць «бороться врукопашную», яха «река»;

?ин'áку^о тари, ин'áку^о тари — р. Инекутари, прав. приток р. Горбита, «старушки река», от ?ин'áку^о «старушка», ср. ?ини?а «старуха»;

мангкà тари — р. Угарная, «бедняка река», от мангкà «бедный», «бедняк»;

кауланг^оУ^оу — р. Колоу, лев. приток р. Верх. Таймыра, «рога сохатого река», от кáу, кáуйкà «лось сохатый», ланг^оУ^оу «рог (сохатого)»;

барус'и бигай, барус'и тари — р. Баруси-Бигай, прав. приток р. Би́нюда, р. Баруси-Тари, лев. приток р. Пяси́на, от барус'и «Баруси» (сказочное одноглазое, одноногое и однорукое злое существо с железными когтями);

8) названия, содержащие собственные имена людей, например:

арки тари — р. Аркитари, «Арки река»; арки — собственное имя нганасана;

миттыры н'ирку — р. Миттыринирку (см. выше);

тонкайд'инг' бигай — приток р. Дептумала, «дочери Тонкàя река»; тонкай — собственное имя нганасана, -д'инг' — суффикс, присоединяемый к собственному имени;

9) названия, содержащие этнонимы, например:

н'а:ʔ бигай — р. Самоедская Речка, приток р. Кыстыктах, «нганасанская речка»; н'а: (единств. число), н'а:ʔ (множеств. число) фактическое самоназвание нганасанов;

ад'аʔ тари или ад'аʔ бигай — р. Ая-Тари, ад'аʔ тарида — р. Ая Тарида, «долганская река»; ас'а (единств. число), ад'аʔ (множеств. число) — нганасанское название долган; с этим же этнонимом название ад'аʔ туркуд'аму° — р. Ая Туркудымо, «долганского озера горло-река».

Названия озёр можно свести к следующим группам:

1) названия, содержащие указание на вид рыбы, например: н'уора турку, н'о:ра турку — оз. Нюра-турку, «кумжевое озеро», от н'уора, н'о:ра «кумжа»;

У°айкидàʔа турку «муксунное озеро», от У°айкà «муксун»; с'итти баУу:аʔ туркуʔ или с'итти бакунуʔ туркуʔ «два осетровых озера»; баУу:а или бакуну (единств. число), баУу:аʔ или бакунуʔ (множеств. число) «осётр», с'итти, с'ити «два»;

2) названия, содержащие указание на вид птицы, например:

сона:ʔа турку — оз. Сонатурку, «чайчье озеро», от сона: «чайка»;

нгеры турку «совиное озеро», от нгеру «сова»;

3) названия, отражающие постоянные физико-географические особенности озёр, например:

тыраʔа туркуʔ — оз. Тра «мелкие озёра», от тыра «мелкий», ср. ненецк. тора «мелкий, неглубокий»;

эЛгаку, эЛьУаку — оз. Эльгак, «маленькое (озеро)»; эЛгаку, эЛУаку «малый, маленький»;

с'игато: турку «озеро, богатое перешейками», от с'икй «узкое место», «перешеек» (см. выше);

нгуарàгу° турку «двереподобное озеро» (озеро имеет перешеек между двумя возвышениями, напоминающими дверь), от нгуа «дверь, проход в чуме»;

4) названия, указывающие на характер окружающей местности, берегов, почвы:

л'унг°У°àдàʔ моу — оз. Люнгфадамоу, «(озеро) вязкоглинистой местности»; л'унг°У°à «вязкая, топкая глина» (см. выше), моу «земля», «местность»;

ма°руптуму — оз. Моруптума, «(озеро) с обрывистыми берегами», точнее «безбережное»; ма°ру «берег (у воды)», -птуму — послелог, указывающий на отсутствие чего-либо, ср. х°аптуму «безлесный, бестальниковый»;

бърънга турку — оз. Баррангатурку, «горное озеро», от бъранга, бърънга «гора» (множеств. число бърънга?);

тамн'а турку «маленького хребта озеро», от тамн'а «маленький хребет»;

д'ал'идарàму° — оз. Дялидараму, «(озеро) места с мелким пёстрым камнем»; д'ал'ида — относительное прилагательное от д'ал'иʔе «мелкий пестрый камень»;

5) названия, отражающие различные события, случаи, имевшие место на берегах озёр, например:

ба:нг турку — оз. Собачье, «собаки озеро», от ба:нг «собака», уменьшительное банаку, ср. в ненецком взнеко «собака»;

нгàдà турку «шамана озеро», от нгáʔ «шаман»;

быдурбаʔ турку — оз. Быдурба, «мертвеца озеро», быдурбаʔ «мертвый, мертвец»;

6) названия, содержащие собственные имена людей, например:

с'ангка турку; с'ангка — собственное имя одного из нганасанов;

нг'енгаме?а турку; нг'енгаме — собственное имя одного из нганасанов;

7) названия, содержащие этнонимы, например, ад'а? турку или ад'а? турка?а, «долганское озеро» или «долганское озеро»; ад'а? — форма множественного числа от ас'а (см. выше);

Следует отметить, что некоторые общие названия водных объектов могут выступать в качестве собственного имени. Так, например, слово н'амэ?а, обозначающее понятие «великая река», может употребляться наряду с принятым собственным именем; этим словом нганасаны называют центральные реки в районах постоянного кочевания, например, Пясину, Гольчиху, Дудыпту и др. Как правило, в значении собственных имен употребляются нарицательные названия небольших водных объектов, расположенных вблизи стойбища. Иногда эти названия выступают в роли определяющей части гидронима, например балà турку «рукав-озеро», то есть озеро, напоминающее рукав реки.

Обычны в нганасанской гидронимии переносы названий с одного объекта на другой, например, ма°ка°рйттйã — озеро Мокоритто (о реке ма°ка°рйттйã см. выше).

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРАНСКРИПЦИИ

- á — широкий гласный переднего ряда;
- ä — неширокий переднего ряда низкого подъема;
- ÿ — лабиализованный переднего ряда;
- а° — лабиализованный гласный;
- э — гласный, совпадающий с русским «е» во второй позиции после твердого согласного;
- ь — сверхкраткий гласный;
- у° — средний между «у» и «о»;
- д — межзубной, звонкий согласный;
- с — межзубной, глухой согласный;
- У — фрикативный, звонкий, заднеязычный согласный;
- У° — фрикативный, звонкий, заднеязычный, лабиализованный согласный;
- нг — носовой, сонорный, заднеязычный согласный;
- нг° — носовой сонорный, заднеязычный лабиализованный согласный;
- Г — глубокий заднеязычный согласный;
- к — глубокий заднеязычный согласный;
- Л — альвеолярный согласный;
- Н — альвеолярный согласный;
- х° — лабиализованный согласный;
- ? — гортанный смычный;
- h — придыхание;
- с' — шепелявый согласный, близкий польскому «s»;
- ' — обозначает палатализацию согласного;
- : — обозначает долготу предшествующего гласного.

Г. М. ШАТРОВ

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ТИПЕ ГЛАГОЛОВ *INCESSERE*, *VISERE*, *IUSSERE*

Рассмотрение фреквентативно-интенсивных глаголов типа *dictâre* «диктовать» показывает, что со словообразовательной точки зрения они являются деноминативами, полученными от основы перфектного причастия на **-to-s* (отглагольного прилагательного на **-to-s*) с помощью суффикса *â*¹⁾.

В данной статье мы рассматриваем глаголы *incessere*, *visere*, *iussere* и пытаемся выяснить, в каком отношении находятся они к глаголам типа *dictâre*.

Глагол *incesso*, *incessi*, —, *incessere* имеет значения: «1) наступать, бросаться, нападать, атаковать; 2) выступать против, порицать, обвинять, поносить»²⁾.

А. Вальде и И. Б. Гофман, объясняя происхождение этого глагола, отмечают, что его презенс является поздним, впервые встречается у Вергилия и Овидия и поэтому должен рассматриваться как вторичное образование к перфекту *incessi* глагола *incêdo*, *incessi*, *incessum*, *incêdere*³⁾ «выступать, шествовать, ходить, ступать» etc.

Они указывают также, что *incesso* под влиянием глаголов *invâdo* «устремляться, нападать» и *laccio* «дразнить, не давать покоя, совершать нападения» имеет «постоянно (выделено нами.— Г. Ш.) переходную конструкцию», «вопреки *incêdere* *in* или с дательным падежом»⁴⁾.

Начнем с последнего замечания. Такое резкое разграничение и противопоставление глаголов *incesso* и *incêdo* с синтаксической стороны является вряд ли оправданным. Так, глагол *incêdo* в значении «идти, выступать, продвигаться» заключает в себе следующие синтаксические возможности: 1) *per* + *accusativus*, например: *Quando incedat per vias*,

1) Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Изд. Ленинградского ун-та, 1967, стр. 78—108; Г. М. Шатров. Становление и развитие фреквентативно-интенсивных глаголов (словообразовательный анализ). Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Томск, 1967, стр. 29—96, 187—188; Его же. Становление и развитие фреквентативно-интенсивных глаголов (словообразовательный анализ). Автореферат канд. диссертации. Томск, изд. Томского ун-та, 1967, стр. 2—12, 18.

2) И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Латинско-русский словарь. Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР проф. С. И. Соболевского. М., Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1949, стр. 438.

3) А. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3, neubearbeitete Auflage von J. V. Hofmann. 2 Bde. Heidelberg, 1938—1954. Здесь см.: т. 1, стр. 689. — В дальнейшем в тексте сокращенно: Вальде, с указанием тома, страницы, а в необходимых случаях — и словарной статьи.

4) Там же.

Contemplant, conspiciant omnes (Plautus, Merc., 406) «Когда она пойдет по улице, все начнут разглядывать, глазеть»;

At mediâ socios incédens nave per ipsos Hortatur Mnestheus (Vergilius, Aen., 5, 188—189) «Но посреди, проходя меж товарищей самых, Мнесфей их увещает»⁵⁾;

Utque per urbem Incédât donis conspicienda meis (Tibullus, 2, 3, 51—52) «И чтобы она шла по Риму, вызывая восхищение, в моих подарках»;

Per haec suburbana incedit (Tacitus, Ann. 14, 53) «ходит по этим загородным виллам»;

2) in + ablativus, например: Vagus incedit tota tibicen in urbe (Ovidius, Fast., 6, 653) «Бродячий музыкант ходит по всему Риму»;

3) управляет дательным падежом, например: Quód gnarum duci, incessitque itineri et proelio (Tacitus, Ann. 1, 51). «Полководец, узнавши об этом, двинулся в поход так, что можно было идти и сражаться»^{5а)});

4) управляет творительным падежом, например: Cautè ut incedas viâ (Plautus, Curs., 32) «Чтобы ты осторожно ходил по улице».

Следует уточнить и приведенное выше положение А. Вальде и И. Б. Гофмана о том, что *incedo* — непереходный глагол. Так, у Тацита в его «Анналах» мы встречаем: ...*incedunt maestos locos visuque ac memoria deformes* (1, 61) «(и вот) они подвигаются вперед по печальным местам, отвратительным по виду и по воспоминаниям»⁶⁾; *Postremus ipse scaenam incedit* (14, 15) «Сам Нерон появился на сцене после всех»⁷⁾; ...*quia fontem aquae Marciae ad urbem deductae pando incesserat* (14, 22) «Так как он вошел для купания в источник Марциевой воды, проведенной в Рим»⁸⁾.

Переходная конструкция возможна у этого глагола и тогда, когда он выступает в значении «нападать на ..., охватывать, объять», например: ... *inopia gursus ambos incessit* (Sallustius, Epist. Mithrid., 15) «обоих опять застигла нужда в съестных припасах»; ... *tacita cura animum incessit* (Livius, 22, 12, 5) «большие заботы охватили душу»; *Timor deinde patres incessit* (Liv., 1, 17, 4) «Затем сенаторов охватил страх»; *animos militum desperatio incessit* (Curtius, 4, 2, 16) «отчаяние охватило души солдат»; *animos formido incesserat* (Curt., 3, 8, 25) «страх объят души»; ...*cum Pannonicas legiones seditio incessit* (Tac., Ann. 1, 16) «когда восстание охватило Паннонские легионы».

Однако и для данного значения глагола это лишь одна из возможностей. Наряду с аккузативом при *incedo* употребляются:

1) *dativus*, например: *Exercitui ... omni tantus incessit ex incommodo dolor ...* (Caesar, Bell. civ., 3, 74, 1) «вследствие поражения такая печаль охватила все войско...»; ... *gravior cura patribus incessit* (Liv., 4, 57, 10) «мучительные заботы охватили сенаторов»; *cupido incessit animo* (Curt., 3, 1, 16) «душу охватило страстное желание»;

2) *in + accusativus*, например: *Nova nunc religio in te istaec incessit* (Terentius, Andria, 730) «Необычная совестливость! Что это нашло на тебя?»; *timor in exercitum incederet* (Liv., 29, 24, 4) «страх мог овладеть войском»; *tanta incesserit in ea castra vis morbi, ut ...* (Liv., 29, 10, 3) «такая сильная болезнь поразила эти лагеря, что...».

⁵⁾ Вергилий. Энеида. Перевод В. Брюсова и С. Соловьева. М.-Л., Academia, стр. 140.

^{5а)} Корнелий Тацит. Сочинения. Русский перевод В. И. Модестова. Т. II, Летопись. Разговор об ораторах. СПб., 1887, стр. 46.

⁶⁾ Там же, стр. 55.

⁷⁾ Там же, стр. 427.

⁸⁾ Там же, стр. 432.

Как видно из сказанного, управление глагола *incedo* представляет довольно сложную картину и не столь единообразно, как говорят об этом А. Вальде и И. Б. Гофман.

Вызывает сомнения и доказательство вторичности *incesso* путем указания на употребление его впервые у Вергилия и Овидия. Регистрацию той или иной лексической единицы в памятниках нельзя считать решающим аргументом в пользу появления слова именно в данный период, ибо на многих примерах можно показать, сколь случаен момент фиксации слова у авторов и, следовательно, сколь зыбкую почву имеют основанные на этом выводы о времени возникновения слова.

Дело осложняется тем, что в ряде случаев трудно установить, являются ли формы *incessit* и *incessimus* совершенными или презентными. Решать это тем труднее, что иногда можно говорить о *praesens historicum*. Но даже в том случае, если форму нужно признать несомненно совершенной, не всегда является бесспорным, какой глагол она представляет: *incedo* или *incesso*, в силу того, что их совершенств совпадают. Поэтому иногда случается, что одну и ту же форму в одном и том же контексте одни лексикографы выводят из *incedo*, другие — из *incesso*. Например, у Ливия (9, 21, 5) форму *incessit* в контексте «*infestior tamen in erumpentes incessit*» мы встречаем в словаре Форчеллини под рубрикой *incedo*⁹⁾, а в словаре Клотца — под рубрикой *incesso*¹⁰⁾. В уже приводимых нами словах Мисиды из комедии Теренция «Девушка с Андроса» «*nova nunc religio in te ista incessit*» форму *incessit* и Форчеллини, и Клотц единодушно относят к *incedo*. Однако она может быть понята и как презент, и доводом в пользу этого могло бы служить наречие *nunc* «теперь, в настоящее время, ныне», предшествующее этому глаголу: «*nunc incessit*». Таким образом, отнюдь не исключено, что *incessit* в данном контексте является презентом. Если же с этим согласиться, то отсюда вытекает, что глагол *incesso* в презенте употребляется не со времени Вергилия и Овидия, но гораздо раньше, с Теренция, а это серьезно подрывает вывод о вторичности презента *incesso*.

А. Эрну и А. Мейе в «Этимологическом словаре латинского языка» для объяснения *incessere* выдвигают другую точку зрения, а именно: *incessere* — это дезидеративный глагол, образованный суффиксом **so/*se*. А. Вальде и И. Б. Гофман не соглашаются с таким толкованием, и мы присоединяемся к их мнению. Глагол *cedo*, который происходит из **ce-zdô* < **ce* + корень *sed-* «идти» (ср. греч. *ὁδός* «путь», ст.-сл. *ходъ*, совершенное причастие действительного залога *шедъ* «шедший» и др.), не имеет, по-видимому, в индоевропейских языках точно совпадающих в этимологическом отношении и исторически связанных с ним форм и является, вероятно, латинским (италийским?) новообразованием¹¹⁾. Следовательно, и глагол *incesso* не может быть дезидеративом на **so/*se*, идущим из индоевропейского, то есть он также должен быть специфически латинским фактом.

Вместе с тем трудно допустить, что это дезидератив, возникший на латинской (италийской?) почве, между прочим и потому, что в глаголе *incesso* гласный *e* краток, в то время как в глаголе *viso*, объясняемом А. Эрну и А. Мейе, тоже как дезидеративное образование, гласный *i* долгот. Между тем оба гласных находятся в одинаковых фонети-

⁹⁾ Ae. Forcellini. Totius latinätatis lexicon. T. III. Prati, 1865, str. 426, *incedo*, § 7.

¹⁰⁾ R. Klotz. Handwörterbuch der lateinischen Sprache. 5. Auflage. 3. Halbband. Braunschweig, 1874, стр. 74, *incesso*, § 1.

¹¹⁾ A. Walde. Указ. соч., т. 1, стр. 193—194, 2. *cedo*.

ческих условиях: *cêd-s->cess-, а *vid-s->*vîs-s->vîs-. Чем вызвано это несовпадение в развитии гласных? С точки зрения дезидеративного происхождения этих глаголов различие в трактовке гласных не может быть объяснено (подробнее об этом см. ниже).

Нам представляется, что *incesso* — это фреквентативный с точки зрения словообразовательной и интенсивный с семантической стороны глагол: если *incedo* имеет значения: 1) выступать (вперед), идти, подходить и 2) наступать, нападать на ... (ср. Sall., Jug., 101, 7: Barbari in percussos Romanos acrius incedere «Враги сильнее напали на упавших духом римлян»; Liv., 7, 33, 10: quacumque incessero in aciem hostium «Где бы я ни напал на строй врагов»), то усилительным значением будет «стремительно наступать, энергично нападать», то есть «наступать, бросаться, атаковать»¹²). Семантически он близок к глаголу *cessâre*, имеющему интенсивное значение «переставать, прекращать» при *cedere* «уходить; уступать, давать место», отличаясь от него лишь тем, что глагол *cessâre* наряду с интенсивным соединяет в себе и демутивное значение «медлить, мешкать» (собственно «медленно идти») при *cedere* «идти, ступать».

Итак, допустим, что по происхождению *incessere* — это фреквентативный (итеративный) глагол. Следовательно, в основе его лежит перфектное причастие *incessus*. Если это так, то в силу того, что нормой в латинском языке было образование фреквентативных глаголов от перфектного причастия с помощью суффикса *-â-*, в нем могла существовать и форма **incessâre*. Доводом в пользу реального бытования этого глагола в языке может быть сообщение Евтихия о том, что у Стация (Theb., 11, 361) слова *tecta incessentem* читаются как *tecta incessantem*¹³), где *incessantem* является производным от **incessâre* (в изданиях текстов канонизировано чтение *tecta incessentem*). Поэтому не является безусловно необходимым предположение о том, что Евтихий пользовался неисправной рукописью¹⁴). Таким образом, для данного глагола мы имеем засвидетельствованной не только форму *incessere*, но и **incessâre*.

В тесной связи с *incesso* находится глагол *vîsô, vîdî, —, visere* «1) рассматривать, разглядывать, осматривать, обозревать, исследовать; 2) глядеть, смотреть; 3) посещать, навещать»¹⁵) (со времени Плавта, например, Mostell., 793).

А. Вальде¹⁶), Эрну-Мей¹⁷) и многие другие рассматривают *viso* как дезидеративное образование с суффиксом **so/*se*. Это вызывает возражения как со словообразовательной, так и с семантической стороны.

В глаголе *viso* гласный *i* долог. Чем это объясняется? Если обратиться к дезидеративам других и.-е. языков, то в древнеиндийском, например, от корня **weid-* «видеть» дезидеративный глагол имеет форму *vi-vit-sa-ti*, где корень выступает в нулевой ступени чередования. Другой пример: *darç-* «видеть, смотреть» (<**derk'-*), дезидератив *dî-drk-sha-te* «желает видеть»¹⁸). Следовательно, от корня **weid-* гла-

¹²) И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Указ. соч., стр. 438, *incesso*, § 1.

¹³) Ae. Forcellini. Указ. соч., т. III, стр. 430, *incesso*, § 3.

¹⁴) Там же.

¹⁵) И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Указ. соч., стр. 939.

¹⁶) A. Walde. Указ. соч., т. II, стр. 785.

¹⁷) A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3 éd. T. II. Paris, 1951, стр. 1298.

¹⁸) K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Auflage. II. Bd. 3. T. Strassburg, 1913, стр. 344; H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873, стлб. 626, 627.

гол *vīso* должен вытекать из **wid-s-*, но при упрощении сочетания согласных не может возникнуть долготы предшествующего гласного¹⁹).

Рассмотренный выше глагол *incesso* является полной противоположностью глагола *vīso*. Если *incesso* образовалось от *cedo*, то почему в *-cesso* из **cēd-s-* происходит *сокращение* гласного, тогда как у глагола *vīso* гласный, наоборот, *удлиняется*? Если же образование *incesso*

шло от **cē-zd-*, то тогда кратность гласного *e* может быть понята: **ce-zd-s* > *-cesso*, ср. перфект *cessi* < **ce-zd-sai*²⁰). Но в этом случае неясно, почему удлиняется находящееся в таком же фонетическом положении *i* в глаголе *vīso*.

Нельзя, однако, не отметить, что древнеиндийские desiderativы не точно соответствуют латинскому *vīso*, ибо они характеризуются удвоением. Может быть в нередуплицированных образованиях использовалась иная ступень корня? Сравнение с глаголами, содержащими суффикс **so/*se*, показывает, что при их производстве могла быть использована и нулевая ступень (ср. корень **jōu-*: лит. *jūosmi* «опоясываю»; корень **ten-*: др.-инд. *tansa-ti* «дергает», аорист *á-tasa-t* < **e-tñse-t*²¹); корень **aweq-* (ср. лат. *augeo* «умножать, расширять»): др.-инд. *úksha-ti* «усиливается, крепнет»²²); греч. *κλαω* из **κλασω* < **qlsō*²³) «плакать»), и полная ступень корня (ср. к корню **k'leu-* «слушать, слушаться» др.-инд. *çrosha-ti* «подслушивает»²⁴).

В доказательство того, что латинские образования восходят к desiderativам с полной ступенью корня, обычно приводится *quaeso* «искать, просить» из **quais-so*, сравниваемое с *quaero* из **quais-o*²⁵) «искать, добиваться, расспрашивать» и с гот. *ga-weison*²⁶). Однако *quaeso* не может быть примером такого desiderativa, содержащего в корне дифтонг, пользуясь которым можно было бы решить вопрос о типе корневой базы глаголов данного класса в латинском языке, ибо *quaeso* — это во многих отношениях необычный глагол: во-первых, у исходного глагола *quaero* и перфект *quaesivi*, и супин *quaesitum* — вторичные образования²⁷), во-вторых, его древнее перфектное причастие **quaestus*²⁸) также содержит в корне дифтонг, а не нулевую ступень огласовки, которая свойственна данным причастиям. Дело осложняется тем, что *quaero* не имеет надежной этимологии²⁹). По А. Вальде *quaeso* не является desiderativом и содержит *s* под влиянием перфекта **quaes-si*³⁰).

Но даже если допустить, что *quaeso* — desiderativ к *quaero*, то и это не может быть бесспорным свидетельством в пользу того, что в латинском языке desiderativы образовывались от полной ступени

¹⁹) И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., изд. лит-ры на иностранных языках, 1960, § 251.

²⁰) К. Brugmann. Grdr.², II, 3, 399; А. Walde. Указ. соч., т. I, стр. 193, 2. *cedo*.

²¹) К. Brugmann. Grdr.², II, 3, 338.

²²) Там же, стр. 339.

²³) Там же, стр. 342.

²⁴) Там же, стр. 338.

²⁵) И. М. Тронский. Указ. соч., § 519.

²⁶) А. Ernout et A. Meillet. Указ. соч., 3 изд., т. II, стр. 1298.

²⁷) А. Walde. Указ. соч., т. II, стр. 397.

²⁸) Там же.

²⁹) Там же, стр. 396.

³⁰) Там же, стр. 397.

корня, так как в *quaeso* могло произойти восстановление дифтонга под влиянием *quaego*, во избежание разрыва этимологической связи обоих глаголов, подобно тому, как этот дифтонг проник из презенса *quaego* в перфектное причастие **quaestus*, причем даже производные от него засвидетельствованы в весьма давнее время, например: *quaestus, i, m.* и *quaestus, us, m.* «стяжание, добывание; прибыль, выгода» — с Плавта, *quaestuusus* «прибыльный, доходный» — с Плавта и Катона³¹⁾.

Для доказательств того, что *viso* является дезидеративом, содержащим полную ступень корня, приводят умбр. *ge-ves-tu* «*revisito*» и гот. *ga-weison*. Но для обоснования этого положения *revestu* является ненадежной опорой, ибо в умбрском языке буква *e* может отражать также и краткий гласный *i*. Например, от корня **ei-* «идти» в умбрском засвидетельствованы, во-первых, формы *da-etom* «*demptum*» или «**de-itom*», *per-etom* «*peremptum*» или «*peritum*», обе из **-itom*, ср. лат. *-itus*, др.-инд. *i-tà-s*, греч. *αμαξ-ιτός*³²⁾ «проезжий», во-вторых, глагол *eta-tu* «*itatote*», ср. лат. *itā-re* «хаживать». Что же касается *s* в *ge-ves-tu*, то оно может восходить к **-d-t-*.

Готский глагол *ga-weison*, видимо, иного типа. Во всяком случае не исключено, что он вытекает из **weid-tāi*³³⁾ и поэтому на нем строить далеко идущие выводы рискованно.

Таким образом, перед нами по-прежнему стоит вопрос: к корням с какой ступенью чередования восходят дезидеративы в латинском языке?

К этому вопросу мы вернемся несколько позднее, а сейчас перейдем к рассмотрению того, почему глагол *viso* не может быть с достаточной категоричностью отнесен к дезидеративам по семантическим причинам.

1. Глаголы *video* и *viso* часто не различаются существенно в значении. Так, *viso* может, подобно *video*, иметь значение «смотреть, рассматривать», например: *Ex muris visite agros vestros, ferro ignique vastatos* (Liv., 3, 68, 2) «Смотрите со стен на ваши поля, опустошенные огнем и мечом»; *hi apud me aderunt, me curabunt, visent, quid agam, ecquid velim* (Plautus, Mil. glorios., 708) «они придут ко мне, будут обо мне заботиться, следить за тем, чем я занимаюсь и чего мне хочется».

Нередко они употребляются в сходном контексте, например: *Neque insomnia visunt* (Plinius, Hist. nat., 5, 8, 3) «и они не видят снов»; *videre somnia* (Cicero, Divin., 2, 71 ad fin.) «видеть сны». Поэтому порой трудно различить, какой глагол употреблен в контексте — *video* или *viso*, например: *primo mulieres et pueri, qui visum processerant fugere* (Sall., Jug., 94, 5) «сначала побежали женщины и дети, которые вышли посмотреть»; ср.: *qui e castris visundi aut spoliandi gratia processerant* (Sall., Catil., 61) «которые вышли из лагеря посмотреть или грабить убитых». Лишь отсутствие в прочих случаях супина у глагола *viso* (если с этим согласиться) позволяет решить, что в первом примере из Саллюстия *visum* представляет глагол *video*, а не *viso*.

2. Глагол *viso* означает обычно не «хотеть увидеть», а «пойти посмотреть», а отсюда «посещать», то есть речь идет не о желании увидеть что-либо, а о том, что для осуществления этого нужно пройти

³¹⁾ Там же, стр. 396.

³²⁾ Там же, т. I, стр. 408.

³³⁾ Там же, т. II, стр. 785, с литературой.

некоторый путь, преодолеть известное расстояние, например: *vise ad portum* (Plautus, *Capt.*, 894) «пойди посмотри в гавань»; *idque adeo visam, si domi est* (Terentius, *Eun.*, 545) «так я пойду посмотрю, не дома ли он»; *Omnes Quirites! Illicium visite huc ad iudices* (Varro, *L. lat.*, 6, 88) «Квириты! Все приходите сюда, к судьям, послушать объявление о созыве народного собрания» (относительно *video*, а следовательно, и *viso*, в значении «слушать» ср.: *mugire videbis Sub pedibus terram* (Vergilius, *Aen.*, 4, 490) «ты услышишь, как будет гудеть земля под ногами»).

Это значение глагола *viso* часто подчеркивается лексически: *eximus intus ludos visere huc in viam nuptiales* (Plaut., *Cas.* 856). «выйдем на улицу посмотреть на свадебные игры»; *abi, vise, redieritne iam an pondum domum* (Terent., *Phorm.*, 445) «пойди посмотри, вернулся ли он домой или еще нет».

Видимо, из подобных сочетаний и развилось значение «пойти посмотреть», «посетить», «навестить».

Шагом вперед по пути выработки этого значения были, возможно, конструкции типа: *vise ad portum* (Plaut., *Capt.*, 894) «пойди посмотри в гавань», *vise ad me intro, iam scies* (Plaut., *Mil. glorios.* 520) «Зайди ко мне домой навестить меня, тогда узнаешь», в которых явно чувствуется присутствие глагола *ire, venire* и т. д.

Примечательно, что значение «посещать, встречаться, увидаться» засвидетельствовано и у глагола *video*, например, Цицерон употребляет однажды глаголы *convenire* и *videre* как синонимы: *Othonem, si Romae est, convenias pervelim* (Cic., *Att.*, 12, 37, 2) «Я очень хотел бы, чтобы ты *повидал* Отона, если он в Риме», а ниже, в § 4, Цицерон говорит: *Loco valde opus est; quare etiam Othonem vide* «Очень нужно место: поэтому *повидай* также Отона»; *Rogo, mane videas Plinium domi, et quoquo modo efficias, ne mihi irascatur* (Plin., *Epist.*, 1, 5 ante med.) «Прошу, утром *посети* дома Плиния и любым образом убеди, чтобы он на меня не гневался».

Развитие у глагола *viso* значения «пойти посмотреть» и т. д. не должно вызывать недоумения. В определенных контекстах можно обнаружить, например, у глагола *scire* «знать» значение «пойти узнать», у глагола *audire* «слушать» значение «пойти послушать, ходить слушать», ср.: *Cleanthes autem, qui Zenonem audivit, dicit...* (Cic., *Nat. deorum*, 1, 14, 37) «Клеанф же, который ходил слушать Зенона^{33 а)}, говорит...», хотя эти глаголы никак не связаны с дезидеративами (ср. в русском языке глаголы «ведать» и «проведать», наведаться»).

В некоторых случаях (ср. приводимый проф. И. М. Тронским³⁴⁾ пример из Плавта, *Pseud.*, 1063; *visso quid rerum meus Ulixes egerit* «пойду посмотрю, как дела у моего Улисса») в *viso* можно выделить значение желания, что иногда подчеркивается и лексически: *Undique visendi studio Troiana iuventus... ruit* (Verg., *Aen.*, 2, 63—64) «Отовсюду валит из стремления посмотреть троянская молодежь». Однако трудно всякий раз видеть в глаголе *viso* это значение. Иногда, напротив, посредством его обозначаются визиты, наносимые вопреки желанию: *Aegram esse simulant mulierem; nostra illico It visere ad eam* (Terent., *Hesug.* 188—189) «Они делают вид (отговариваются), что женщина больна; и наша тотчас идет навестить ее».

Таким образом, семантический анализ показывает, что *viso* не является собственно дезидеративом, или точнее: он имеет интенсивное

^{33 а)} Клеанф — ученик древнегреческого философа Зенона.

³⁴⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., § 519.

значение, усложненное в процессе развития, и как одно из значений, возможно, содержит воспринятое им значение дезидеративного глагола (**visso*).

А теперь вернемся к поставленному выше вопросу о том, к какой ступени чередования корня восходят в латинском языке дезидеративные образования.

Нам кажется, что ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к помощи глагола *iusso* = *iussero*, производного от глагола *iubeo* «приказывать», который, подобно **weid-*, также содержит в корне **jeudh*³⁵) дифтонг, ср. др.-лат. *ioubeatis*. Будучи образованием с суффиксом **so*/**se*, который имеет значение будущего времени и восходит к дезидеративам³⁶), глагол *iusso* содержит «и» краткое и, следовательно, получен от нулевой ступени корня **jeudh-*: **judh-s-* > *iusso*. Отсюда и глагол **viso* как дезидератив должен был бы содержать нулевую ступень корня **weid-*: **wid-s-* > **visso*, в котором после краткого гласного не могло произойти упрощения двойного *s*³⁷) (ср. *iu-ss-o*, а не **iu-s-o*). Следовательно, **viso* не может быть объяснено как дезидератив не только семантически, но и со словообразовательной точки зрения.

Мы приходим, таким образом, к выводу что **viso* — это интенсивный в семантическом отношении глагол, образованный от основы перфектного причастия. Этим и объясняется долгое *i*, которое возникло в причастии под влиянием перфекта *vidi*³⁸).

Обратимся в заключение к любопытному примеру употребления глагола *iusso* в «*de agri cultura*» Катона. 14-я глава этого сочинения начинается следующими словами: *Villam aedificandam si locabis novam ab solo, faber haec faciat oportet: parietes omnes, uti iussitur, calce et caementis, pilas ex lapide angulari, tigna omnia quae opus sunt, limina, postes, iugumenta, asseres...* «Если тебе нужно строиться заново, от фундамента, и ты сдаешь постройку с подряда, то вот такие работы должен произвести строитель: поставить все стены, как ему приказано, из мелкого щебня на известковом растворе, со столбами из квадратного камня...»³⁹).

Обратим внимание на выражение «*uti iussitur*» (М. Е. Сергеевко переводит его: «как ему приказано»). Глагол *iusso*, в том числе и в данном контексте, толкуется как сигматическое будущее время⁴⁰). Следовательно, эту часть контекста нужно понимать так: «...мастеру надлежит сделать следующее: [поставить] все стены, как будет приказано, из мелкого щебня на известковом растворе...». Однако слова *uti iussitur* в значении «как будет приказано» кажутся нам не вполне уместными и недостаточно ясными. Вряд ли Катон берет здесь на себя роль отгадчика того, что может быть сказано мастеру насчет строительства. Неумест-

³⁵) А. Валде. Указ. соч., т. 1, стр. 725; И. М. Тронский. Указ. соч., § 507.

³⁶) П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. Перевод Я. М. Боровского. М., изд. иностранной литературы, 1953, § 294.

³⁷) М. Нидерман. Историческая фонетика латинского языка. Перевод Я. М. Боровского. М., Изд. иностр. литературы, 1949, § 65; И. М. Тронский. Указ. соч., § 225, г.

³⁸) А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. Перевод М. А. Бородиной. Под редакцией проф. И. М. Тронского. М., Изд. иностр. литературы, 1950, стр. 263.

³⁹) Марк Порций Катон. Земледелие. Перевод и комментарии М. Е. Сергеевко. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 18.

⁴⁰) F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1948, стр. 585.

ность слов *uti iussitur* в таком понимании проявляется особенно отчетливо, если отнести их к следующим далее словам: *parietes omnes, uti iussitur, calce et caementis, pilas (uti iussitur) ex lapide angulari...* поставить все стены, как ему будет приказано, из мелкого щебня на известковом растворе, столбы (как будет приказано) из квадратного камня...». Если же принять глагол *iussitur* за дезидератив, то это будет еще более заметно противоречить содержанию текста: «поставить все стены, как он пожелает приказать, из мелкого щебня..»

Однако, если понимать этот контекст как *совет*, то слова *uti iussitur* будут звучать в устах Катона вполне естественно. Тогда общее содержание отрывка можно представить себе так: стены ставить *рекомендуется* из мелкого щебня на известковом растворе, столбы лучше всего из квадратного камня и т. д. Именно таким развернутым наставлением о том, как лучше вести дела, что нужно делать, как *полагается*, как *требуется* поступить рабовладельцу наилучшим образом в данном случае, и является все сочинение Катона. О том, что слова *uti iussitur* означают здесь «как требуется, как положено, как полагается»⁴¹⁾, подтверждает и выражение «*quae opus sunt*», употребленное Катонем в этом же предложении применительно к поделкам из дерева. Мысль о *необходимости* определенных действий и требований, предъявляемых к строительству, Катон настойчиво вбивает в сознание своих читателей⁴²⁾ и здесь ему понадобилось подчеркнуть ее трижды на протяжении двух строк. Вполне естественно, что он варьирует ее, прибегая к помощи *синонимов*: *oportet* «следует, надлежит», *iussitur* «требуется», *opus sunt* «нужно, необходимо». Так поступил бы всякий даже не очень строгий стилист. Катон же был большим мастером слова, причем это свое творение он обдумывал самым тщательным образом⁴³⁾.

Как показывает семантический анализ, катонено *iussitur* не укладывается в рамки будущего времени и стоит совершенно особняком. Кстати сказать, это было замечено (и правильно, как нам кажется) в лексикографических работах по меньшей мере еще прошлого века: *iussitur Cato, de agri cultura, 14* вместо *iubetur*⁴⁴⁾.

Можно констатировать, таким образом, что перед нами два самостоятельных образования, различные по происхождению:

1) *iusso* из **judh-s-*, являющееся формой будущего времени с суффиксом **so/*se*, например, у Вергилия (Aen., 11, 467) и у Силия (12, 175);

2) глагол *iusso*, образованный, как и *фреквентативы*, от перфектного причастия **judh-to-s* > *iussus*. Однако этот глагол имеет основу на

⁴¹⁾ Еще менее вероятным мы считаем понимание слов «*uti iussitur*» как уточнения к прилагательному *omnes* «все»: «все, какие будет приказано», ибо, во-первых, те стены, какие не будет приказано ставить, вообще, видимо, не появятся в имени рабовладельца — не только в щебне, но и другом материале; во-вторых, — и это главное — труд Катона должен был служить руководством и для начинающих хозяев, и весьма странной была бы ситуация, когда молодой землевладелец стал бы читать о том, что он прикажет и чего пожелает, но не нашел бы здесь ответа на животрепещущий вопрос о том, что нужно пожелать, как требуется взяться за дело; наконец, в-третьих, если бы Катон хотел выразить именно эту мысль, то вместо *uti* он прибегнул бы к помощи относительного местоимения *qui* «которые», как это имеет место в данной главе в остальных случаях: *tigna omnia, quae opus sunt* (§ 1) «все деревянные части, какие необходимы», *iugumenta et antepagmenta, quae opus erunt* (§ 5) «притолоки и облицовку, какие потребуются».

⁴²⁾ М. Е. Сергеевко. Катон и его «Земледелие». — См. в кн.: «Марк Порций Катон». Указ. соч., стр. 116.

⁴³⁾ Там же, стр. 94—116, особенно стр. 104, 116, 120.

⁴⁴⁾ Ае. Forcellini. Указ. соч., т. III, стр. 638, *iubeo*, § b; R. Klotz. Указ. соч., полумом 3, стр. 196, *iubeo*.

согласный звук + тематический гласный и тем самым совпадает с формой будущего времени.

Изложенную выше точку зрения на словообразовательную структуру глаголов *incesso, viso, iusso* можно подкрепить и конкретизировать исходя из идей, развитых в книге Ю. В. Откупщикова «Из истории индоевропейского словообразования».

Ю. В. Откупщиков в своей работе показал, что действие закона Лахмана вступает в силу на латинской почве (например, *lego — lēctus*, но греч. *λεχτός*) и протекает на определенном хронологическом отрезке при весьма сложных фонетических условиях⁴⁵). Наличие причастий, не подвергшихся воздействию этой закономерности, объясняется тем, что они возникли еще в индоевропейский период⁴⁶), например, и.-е.

**sed-tos* > **settòs* (ср. др.-инд. *sattás*) > лат. **séssos* > *sessus*.

Судьба образований с суффиксальным *-s-*, которому предшествует звонкий смычный, удивительно напоминает в фонетическом отношении историю перфектных причастий в латинском языке. Индоевропейские формы сигматического презенса (дезидеративы) трансформируются в отдельных и.-е. языках в сигматический аорист и сигматическое будущее время⁴⁷). В латинском языке к и.-е. сигматическому презенсу восходят формы сигматического перфекта и сигматического будущего, которые складывались в латинском языке в период, совпадающий по времени с действием фонетического закона, нашедшего выражение в удлинении гласного в перфектных причастиях⁴⁸).

Посмотрим с этой точки зрения на глаголы *incesso, viso, iusso*.

Глагол (*in*)*cesso* в фонетическом отношении может быть удовлетворительно объяснен как дезидератив, то есть как образование, сложившееся до действия латинского закона удлинения вследствие оглушения звонкого смычного: **cesed-so* > **ceset-so* > *cesso* см., однако, стр. 14). *In-cesso* можно истолковать со словообразовательной точки зрения и как латинское образование, в котором, как и в перфекте *cessi*⁴⁹), удлинения не происходит потому, что гласный *e* перед сочетанием *-ds-* находится в безударной позиции (**cé-sedso* > **cé-setso* > *-cesso*). Но последнему объяснению противоречит значение глагола (*in-cesso* не является сигматическим будущим, равно как и дезидеративом). Что же касается глагола *viso*, то он не поддается истолкованию как дезидератив. Действительно, и.-е. **vid-so* дало бы **vit-so*, лат. **visso*, а не *viso*. Это убедительно подтверждается глаголом *iusso*, который является несомненным дезидеративом (**iudh-so* > **iut-so* > лат. *iusso*), воспринятым латинским языком как сигматическое будущее; если бы форма *iusso* как собственно сигматическое будущее сложилась в недрах латинского языка в период действия указанной выше фонетической закономерности, то гласный *-u-* удлинился бы и эта форма приняла бы вид **iúso*: **iudhso* > **iútso* > **iúso* > **iúso*, ср. *âxim* при *ago*.

⁴⁵) Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Изд. Ленинградского ун-та, 1967, стр. 40.

⁴⁶) Там же, стр. 35, 26.

⁴⁷) Там же, стр. 52—53.

⁴⁸) Там же, стр. 58—59.

⁴⁹) Там же, стр. 56, 40.

Однако все эти образования могут быть без затруднений объяснены как производные от основы перфектного причастия: *in-cesso* от *cessus* (*cedo*), в котором удлинение гласного -e- не происходит вследствие безударности e, предшествующего согласному d, в данном двусоставном корне (**cé-sed-tos* > **césettos* > *cessus*) или по причине древности суффикса *-to⁵⁰) (нам кажется более предпочтительным первое объяснение); *víso* от *vísus* (*video*), в котором, как доказано Ю. В. Откупщиковым, удлинение гласного происходит на латинской почве в соответствии с законом Лахмана⁵¹); *iusso* (*iussitur*, Cato, *De agri cultura*, 14) от *iussus* (*iubeo*), которое как отглагольное прилагательное возникло в индоевропейский период: и.-е. **iudh-tós* > **iuthtós* > лат. *iussus* (ср. др.-инд., с прогрессивной ассимиляцией, *yuddhá-* < **iudh-tós*).

Итак, рассматриваемые изолированно глаголы *incesso*, *viso* и *iusso* послужили источником различных толкований, которые, однако, вызывают возражения как в семантическом, так и в словообразовательном отношении. Если же рассматривать эти глаголы с точки зрения общности их структуры, то можно дать им удовлетворительное объяснение и избежать противоречий лишь в том случае, если в словообразовательном плане понимать их как глаголы, образованные от основы перфектного причастия. С этой точки зрения ясными становятся, например, долгота *i* в *viso*, своеобразное употребление *iusso* у Катона, наличие варианта в виде презентной основы с суффиксом -*â-* при глаголе *incessere* и т. д.

В морфологическом отношении эти глаголы, имея основу на согласный звук + тематический гласный, становятся в один ряд с глаголами *flectere* «гнуть», «сгибать», *nectere* «вязать, сплетать», *pectere* «чесать, причесывать», *plectere* «плести, сплетать», омонимичным ему *plectere* «наказывать, карать», *vertere* (*vortere*) «поворачивать, обращать», с которыми они составляют, таким образом, единую группу.

⁵⁰) Там же, стр. 32—33.

⁵¹) Там же, стр. 25—30.

Г. М. ШАТРОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ГЛАГОЛОВ INCESSERE, FLECTERE, VERTERE И ДР.

В статье «О словообразовательном типе глаголов *incessere, visere, iussere*»¹⁾ мы пришли к заключению, что в словообразовательном отношении эти глаголы весьма близки к фреквентативам, ибо и они возникли на базе перфектных причастий, и что они не стоят изолированно в латинском языке, вливаясь в число таких глаголов, как *flectere* «гнуть, сгибать», *nectere* «вязать, сплетать», *pectere* «чесать, причесывать», *plectere* «плести, сплетать», его омоним *plectere* «наказывать, карать», *vertere* (арх. *vortere*) «поворачивать, обращать». Однако по основе инфекта все глаголы этой группы относятся к так называемому третьему спряжению.

Чем же объясняется принадлежность их к глаголам с основой на согласный звук?

Рассматривая вопрос о возникновении вариантных глагольных основ в латинском языке, мы пришли к выводу о том, что при глаголах с *â*-основой закономерно возникали варианты, совпадающие по форме с тематическими глаголами с основой на согласный звук (например, *stâ-s: si-sti-s*, ср. *leg-î-s*)²⁾.

В связи с тем, что при обычном морфологическом типе фреквентативных глаголов, характеризуемых суффиксом *-â* (*dictâ-re*), выявляются глаголы иной морфологической структуры, причем именно глаголы, содержащие тематический гласный (*vert-e-re*), представляется возможным объяснить морфологическое своеобразие второго типа глаголов как следствие существования в латинском языке при глаголах с *â*-основой фонетически вариантных глаголов с основой на согласный звук.

Этим объяснением морфологической стороны глаголов *incessere, iussere, visere, vertere* и др. можно было бы ограничиться, если бы глаголы этой модели были известны только латинскому языку. Дело, однако, в том, что они встречаются также в греческом (например, *αυτο* «совершать, исполнять»), древнеиндийском (например, *vartate* «вертится»), балтославянском (например, ст.-слав. *плететь, плести*, ср. лат. *plectere* «плести») и некоторых других языках. Поэтому объяснение, затрагивающее факты только латинского языка, является недостаточным. При решении этого вопроса мы должны исходить из более широкого материала, опираясь на данные других индоевропейских языков.

Как известно, в индоевропейском существовало отглагольное прилагательное на **-tos*. Но так как тематизация основ является сравнительно поздним процессом индоевропейского, то имена на **-tos* следует рас-

¹⁾ См. настоящий сборник

²⁾ Г. М. Шатров. О причинах глагольной вариантности в латинском языке. — Вопросы лингвистики («Ученые записки Томского государственного университета», № 59, 1966), Томск, стр. 115—128.

смагивать как более позднюю тематизованную форму имен на *-t-*, ср. *comes, com-i-t-is* «спутник» при глаголе *i-ge* «идти», *locu-ples, locu-plē-t-is* «богатый» при глаголе *-plē-ge* «наполнять», греч. *α-γνώς, α-γνώ-τ-ος* «незнающий, неведомый» при глаголе *γί-γνώ-σχω* «знать», др.-инд. *hru-t* «враг» при глаголе *hru-* «мешать, вредить», *ḡ-t-* «текущий» при глаголе *ḡ-* «оставлять свободным, заставляя бежать, мед.: течь, струиться».

Глаголы типа лат. *verto* «поворачивать, обращать», греч. *αἰῶ-τω* «совершать, исполнять», др.-инд. *vártate* «вертится» (Ригведа, 416, 4 и др.) являются также тематическими образованиями (лат. *vert-it,* др.-инд. *várt-a-te*) на **-to/te-*. Поэтому предшествующее им звено должны были составлять атематические глаголы с суффиксом **-t-*. Как отмечает К. Бругман, в древнеиндийском они засвидетельствованы. Это: медиальное причастие *dyu-t-âná-s* (Ригведа, 301, 10 и др.) глагола *dyut-* «сиять, светить, блестеть», 3 л. ед. ч. медиального залога *ci-t-é,* 3 л. ед. ч. аориста медиального залога *á-ce-t-i,* причастие *ci-t-âna-s* глагола *cit-* «увидеть, намереваться, знать, понимать» (все в Ригведе: 969, 4; 583, 2; 813, 11), *yat-âná-s* и *yá-t-âna-s*³⁾ глагола *yat-* «связывать, объединять, соединять» (Ригведа, 809, 30; 242, 9 и др.), *vart-ti* (Ригведа, 626, 38) глагола *vart-* «вертеться» при тематических формах *cé-ta-ti* «обращает внимание, замечает» (Ригведа, 562, 2 и др.), *yá-ta-te* «объединяется» (Ригведа, 250, 4 и др.), *vár-ta-te* «вертится» (Ригведа, 625, 34 и др.), *dyó-ta-te* «светится».

Следовательно, как при атематических именах на **-t-* возникают тематические имена на **-to-*, так существование атематических глаголов на **-t-* с неизбежностью вызывает появление тематических форм на **-to/te-*. К. Бругман по поводу этого параллелизма замечает, что связь данных глагольных суффиксов с именными суффиксами **-t-* и **-to-* очевидна⁴⁾.

Это положение можно было бы переформулировать следующим образом: как атематические глаголы связаны с атематическими именами на *-t-*, так глаголы на **-to/te-* связаны с тематическими именами на **-to/te-*⁵⁾.

Правильно ли это положение?

Думаем, что да.

Глаголам на **-o/e-* соответствуют глаголы более позднего типа на **-jo/je-*, причем оба типа форм одного и того же глагола нередко существуют наряду друг с другом, например: греч. *δεῖρω* (с Гомера и Аристофана⁶⁾) «сдирать шкуру» — *δεῖρω* < **δεῖρ-ḡω* (с Геродота и Аристофана, по L.—Sc.), то же; лат. *iung-o* «соединять» — лит. *jùng-iù* «соединяю»; др.-инд. *ish-a-ti* «приводит в быстрое движение, посылает, побуждает» (Ригведа, 319, 6 и др.) — *ish-ya-ti*, то же (Ригведа, 742, 1 и др.); др.-инд. *tans-a-ti* «тащит, гонит, толкает» (основа *tans-a-* в форме 2 л. dual. aor. *atatsa-tam* еще в Ригведе, 120, 7) — лит. *tes-iù* «тяну»; др.-инд. *trás-a-nti*

³⁾ К. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. II. Bd. Strassburg, 1892, S. 1038.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Ср.: В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Санскрит. М., изд. восточной литературы, 1960, стр. 123.

⁶⁾ H. G. Liddel and R. Scott. A Greek-English Lexicon. A New Edition Revised and Augmented throughout by H. St. Jones with the Assistance of Roderick Mc Kenzie M. A. T. 1—2. Oxford, 1940. — В дальнейшем в тексте сокращенно: L.—Sc.

«дрожат, боятся» (Ригведа, 455, 4), греч. τρε(σ)ω «дрожать, бояться» — др.-инд. tras-ya-ti, лит. tres-iù. Иногда встречаются все три основы: атематическая, основа на *-o/e и основа на *-jo/je-. Так, у глагола др.-инд. gam- «идти» засвидетельствованы основы gam-a- (gám-a-nti, gám-a-ntu и др., Ригведа, 550, 20; 331, 1 и др.), gam-ya (gam-yá-te) и атематическая gam-(gan-tu, 2 л. dual. imperativi gan-tám, Ригведа, 397, 8; 696, 4 и др.).

Но так как среди глаголов на *-jo/je- индоевропейские языки знают и отыменные глаголы на *-jo/je [например: deva-yá-ti «поклоняется богам» (в форме причастия в Ригведе, 217, 1 и мн. др.) от devá-, м. «бог»; pámas-yá-nti «почитают, поклоняются» (Ригведа, 296, 12 и др.) от pámas-, п. «почитание, поклонение»; r̥tanâ-yá-ti «ведет борьбу» (в форме причастия один раз в Ригведе, 169, 7) от r̥tanâ-, í. «борьба, сражение»; греч. τελω из *τελεσ-jo «оканчивать, совершать» (с Гомера, по L.—Sc.) от τέλος, εος, п «совершенство, исполнение»; ἀγγέλλω из *ἀγγελ-jo «извещать» (с Гомера, по L.—Sc.) от ἀγγελος, ου, м. «вестник»; τιμάω из *τιμα-jo (с Гомера, по L.—Sc.) от τιμή, дор. τιμα, í. «честь, почет»; лат. суро из *суро-jo «заботиться» (с Энния, по Вальде, I, 314, сур) от сур, í «забота»; sortio(г) из *sorti-jo(г) «бросать жребий» (с Энния и Плавта, по Вальде, II, 564, sors) от sors (из *sortis), í. «жребий»], то из отмеченного выше параллелизма глагольных основ на *-o/e- и *-jo/je- можно заключить, что и отыменным глаголам был известен не только суффикс *-jo/je-, но также и суффикс *-o/e-.

Этот вывод можно подтвердить следующими фактами из индоевропейских языков:

1) ἀντ-ο-μαι «встречаюсь, схожусь, сталкиваюсь» (с Гомера, по L.—Sc.) от древнего корневого имени *αντ-, ср. его аккузатив ἀντα «прямо, против» и локатив ἀντι⁷⁾ «вместо, ради, кроме»;

αχθ-ο-μαι «быть нагруженным, удручаться, печалиться, страдать» (с Гомера, по L.—Sc.) от αχθος, п. «тяжесть, бремя, печаль»;

σθεν-ω «быть сильным, обладать властью» (с Софокла, по L.—Sc.) от σθενος, п. «сила, мощь»;

θερμ-ω «греть, согревать» (с Гомера, θ 426: императив θερ-μ-ε-τε, θ 437: имперфект θερμ-ε-το) от прилагательного θερμός «теплый»⁸⁾. Полагают⁹⁾, что этот глагол образован посредством *-jo/je-. Однако никаких следов *-j- нет. Что же с необходимостью заставляет предполагать его здесь? Ясно, что *-j- выводится чисто дедуктивно, из того априорного представления, что производство отыменного глагола возможно будто бы только с помощью *-jo/je-, но не *-o/e-;

⁷⁾ H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. I. Bd. Lief. 2. Heidelberg, C. Winter, 1954 —, S. 112—113. — В дальнейшем в тексте сокращенно: Фриск, с указанием тома, выпуска и страницы словаря.

⁸⁾ Там же, I, 7, стр. 664—665.

⁹⁾ См.: K. Brugmann. Griechische Grammatik, 3. Auflage. München, 1900, стр. 279, примеч.

2) ст.-слав. жив-е-тъ от прилагательного живъ¹⁰); *-j- в производстве глагола не участвует, иначе бы возникло сочетание -вл-, ср. русск. ловлю при ловить;

3) др.-инд. jîv-a-ti «живет» (Ригведа, например, 859, 9) от прилагательного jîvâ-s¹¹) «живой»;

pâty-a-te «господствует» (Ригведа, например, 463, 1) от существительного pati- m.¹²) «защитник, господин, властитель» (ср. более поздние глаголы от имен с основой на -i: др.-инд. agâti-yâ-ti «замышляет недоброе» от agâti-, f. «несчастье», лат. finio из *fini-jo «оканчивать» от fini-s,

и. «конец», греч. μέτρον и лат. mētiōr «мерить, измерять, оценивать, судить» из *mēti-jo-, ср. др.-инд. mâtī-, f., греч. μῆτις, f. «мудрость, разум, замысел»).

Э. Бенвенист считает отыменными¹³) также глаголы др.-инд. tud-â-ti «колет, мучит» (tuda ví, Ригведа, 494, 6), duh-â-nti «доят, выдавливают» (Ригведа, 270, 7), srj-â-ti «освобождает, отправляет, бросает» (srjâti ví, Ригведа, 48, 6; srjânti ura, Ригведа, 192, 16 и др.);

4) лат. viv-e-ge «жить» (с Плавта, по Вальде, II, 808) от прилагательного vivus из *vivo-s «живой»¹⁴);

consul-e-ge «совещаться, обсуждать» (с Плавта и Senatus consultum de Bacchanalibus, по Вальде, I, 264, consilium) от consul, consul-is, m. «консул»;

vann-e-ge «веять (зерно)» (с Луцилия, по Вальде, II, 731) от существительного vannus, i, f. «веялка»¹⁵);

evann-e-ge «веять, просеивать» (с Варрона, по Вальде, I, 422; II, 731, vannus);

evall-e-ge «очищать от шелухи, шелушить; просеивать, веять» (с Плиния, по Вальде, I, 422; II, 731, vannus) от vallus, i, f. «маленькая веялка».

Видимо, такими же отыменными образованиями являются и глаголы с суффиксом *-t-o-/t-e-, типа лат. verito, греч. ἀνύτω, др.-инд. vârtate.

О связи их с именной основой, именно с основой отглагольного прилагательного на *-tos, говорят следующие факты.

I. В греческом языке можно назвать пять типов образования отыменных глаголов: 1) производство с помощью суффикса *-o/e-; 2) с помощью суффикса *-jo/je- от имен с различными основами, в том числе с основами на *-o/e-, причем глагольный суффикс *-jo/je- занимает место именного тематического суффикса *-o/e-; 3) с помощью суффикса *-jo/je-, присоединяемого к е-основе имен с основой на *-o/e-, то есть тип на -εω; 4) с помощью суффикса *-jo/je-, присоединяемого к о-основе имен с основой на *-o/e-, то есть тип на -οω, специфически греческое новообразование, и, наконец, 5) с помощью суффикса *-jo/je- от имен с основой на *-â-, то есть тип на -αω.

Все они известны и у глаголов, содержащих -t-:

1) суффикс *-o/e-представлен в следующих глаголах:

¹⁰) Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., Изд. иностранной литературы, 1955, стр. 197.

¹¹) Там же.

¹²) Н. Grassman. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873, стр. 763, 2. pat.

¹³) Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 198.

¹⁴) Там же, стр. 197; А. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neu bearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. II. Bd. Heidelberg, 1954, стр. 810.

¹⁵) А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. Перевод М. А. Бородиной. Под ред. проф. И. М. Тронского. М., изд. иностр. литературы, 1950, стр. 168.

πλέκω¹⁶) «стричь» (у Аристофана, по Фриску, II, 16, 492) при простом πλέω (с Гомера, по Фриску, там же) «чесать, расчесывать, стричь». Прилагательное на -τος не засвидетельствовано, однако ср. близкий по форме глагол πλέω (с Гомера, по Фриску, II, 16, 557) «плести, вить» с отглагольным прилагательным πλεκτός (с Гомера, по Фриску, там же) «плетеный»;

ἀνύω, атт. ἀνύω (с Эсхила, по L.—Sc.) «совершать, исполнять» при ἀνύμι, ἀνύω, ἀνύω (с Гомера, по L.—Sc.), с тем же значением; относительно прилагательного на -τος ср. ἀν-ήνυτος (с Софокла, по L.—Sc.) «нескончаемый, беконечный, бесцельный» и ἀνύσις, f. из *ἀνύσις «исполнение, завершение», встречающееся с Гомера, по L.—Sc. (ср. λυ-σι-ς «развязывание, освобождение» из *λυ-τι-ς при отглагольном прилагательном λυ-το-ς «разложимый»); глубокую древность глагола ἀνύω удостоверяет его производное ἀν-ήνυσ-τος «нескончаемый, бесконечный»; зафиксированное у Гомера, π 111, с сочетанием -σ-τ- из *-τ-τ-.

ἀρύω (у Платона, Phaedrus 253 a; однако причастие ἀρυτήμενοι засвидетельствовано по Фриску, I, 2, 157, 1. ἀρύω — у лесбосского поэта Алкея, ст. 47 — VII в. до н. э.) «черпать» при простом ἀρύω (с Гесиода, см. там же) «черпать»; относительно прилагательного на -τος ср. ἀρυτήσιμος (Anthologia Palatina, см. там же) «могущий быть зачерпнутым» и ἀρυταίνα, f. (с Аристофана, см. там же) «ушат, лейка»;

2) суффикс *-jo/je- находим в глаголах:

ἀρύσομαι «черпать себе», у Геродота, 6, 119; причастие ἀρυσάμενος засвидетельствовано тремя веками раньше, у Гесиода, Opera et dies, 550 (VIII в. до н. э.) (ср. выше ἀρύω);

ερέσσω (с Гомера, по L.—Sc.), атт. ερέττω «грести» из *ερέτ-jo¹⁷), которое предполагает глагол *ερέ-, сохранившийся в других и.-е. языках (например, лит. irti «грести»); относительно незасвидетельствованного прилагательного на -τος ср. еρέτης, m. (с Гомера, по L.—Sc.) «гребец», еρέτ-ικη, f. (Платон, см. там же) «гребля» (ср. отношение λυτός: λυτικός), еρέτμον, n. (с Гомера, см. там же) «весло»; возможно¹⁸), образование

¹⁶) K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Auflage. II. Bd. 3. T. Strassburg, 1913, стр. 295; A. Walde. Указ. соч., II (1954 г.), стр. 270. H. Frisk (указ. соч., II, 16, стр. 492) отрицает эту форму у Аристофана, ссылаясь на работу Peruzzi (1946). Впрочем, как указывает E. Schwyzer (Griechische Grammatik. I. Bd. München, 1939, стр. 704, 1), πλέω засвидетельствовано позднее у Геродиана.

¹⁷) Я. М. Боровский. Краткий очерк греческой фонетики. — См. в кн.: П. Шантрэн. «Историческая морфология греческого языка». Перевод Я. М. Боровского. М., изд. иностр. литературы, стр. 298, § 43.

¹⁸) H. Frisk. Указ. соч., I, 6, стр. 554.

с суффиксом -то- представлено в лешб. $\tau\epsilon\rho\rho\eta\tau\omicron\nu$ « $\tau\rho\iota\eta\rho\eta\varsigma$ », если оно возникло, по К. Бругману («Indogermanische Forschungen», 13, 152 сл.), в результате гаплогонии вместо $*\tau\epsilon\rho\rho\text{-}\epsilon\rho\eta\tau\omicron\nu < * \tau\rho\iota\text{-}\epsilon\rho\eta\tau\omicron\nu$;

латосω (с Гомера, по Фриску, II, 15, 478), атт. $\lambda\alpha\tau\omega$ «посыпать, насыпать» из $*\lambda\alpha\tau\text{-}j\omega$ к дор. $\lambda\eta\text{-}v^{19}$ «посыпать, рассыпать», с закономерным чередованием $*\hat{\epsilon}(*\epsilon\text{H}) : * \text{э}(*\text{H}) >$ греч. $\eta : \alpha$ (краткое); отсюда прилагательное $*\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$.

В отношении способа образования данных глаголов ср.: от прилагательного $\alpha\iota\acute{o}\lambda\text{-o-}\varsigma$ «проворный, пестрый, переменчивый» глагол $\alpha\iota\acute{o}\lambda\lambda\omega$ из $*\alpha\iota\omicron\lambda\text{-}\omega$ «поворачивать на огне, обжаривать» (с Гомера, по L.—Sc.), мед.-пасс. «становиться пестрым» (Гесиод, см. там же); от $\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\text{-o-}\varsigma$, м. «вестник» глагол $\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\lambda\omega$ из $*\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\text{-}j\omega$ «извещать» (с Гомера, по L.—Sc.);

3) глаголы на -εω из $*\text{-}\epsilon\text{-}j\omega/\epsilon\text{-}$:

λεχτέω (у Аристофана, Aves, 714 и Lys. 685) «стричь» при простом $\lambda\epsilon\chi\omega$ «чесать, расчесывать, стричь»;

δατέομαι (с Гомера, по L.—Sc.) «делить между собой, разделять; разрывать; уделять»; с ним родственным др.-инд. $d\acute{a}\text{-}t\acute{i}$ «отрезает, делит», греч. $\delta\eta\text{-}\mu\omicron\varsigma$, м., дор. $\delta\alpha\text{-}\mu\omicron\varsigma$ «земля, страна, население, народ» (отношение «делить: страна» ср. семантически со ст.-сл. дЕлити и др.-русск. удЕль» доля, надел, удел», например: «А вь вотчину ти, господине, вь мою и вь удЕль данщиковъ ... не всылати» (1370 год)²⁰), «да спокойно в свой удел через море полетел» (А. С. Пушкин); отглагольное прилагательное $*\delta\alpha\text{-}\tau\omicron\text{-}\varsigma$ (ср. скр. $di\text{-}t\acute{a}\text{-}s$, др.-инд. $di\text{-}n\acute{a}\text{-}s$ (Ригведа, 356, 7 и др.) «разделенный», из и.-е. $*d\acute{a}\text{-}$) в греческом не засвидетельствовано;

ευ-εχτέω (у Эзопа²¹), VI в. до н. э., и у Плутарха, по L.—Sc.) «быть здоровым», $\lambda\epsilon\omicron\nu\text{-}\epsilon\chi\tau\epsilon\omega$ (с Геродота) «требовать многого, получать или иметь большую долю; обладать преимуществом» и более позднее $\kappa\alpha\chi\text{-}\epsilon\chi\tau\epsilon\omega$ «быть в плохом состоянии»; ср. к глаголу $\epsilon\chi\omega$ «держат, иметь» прилагательное на $\text{-}\tau\omicron\varsigma$ $\epsilon\chi\tau\omicron\varsigma$ «могущий быть предметом обладания» (засвидетельствовано поздно, в I в. н. э., ср., однако у Платона $\epsilon\nu\text{-}\epsilon\chi\tau\text{-}\iota\kappa\omicron\varsigma$ «здоровый, крепкий» — IV в. до н. э.);

πατέομαι (с Эсхила, по L.—Sc.) «вкушать, есть или пить», того же корня, что и лат. $p\acute{a}\text{-}v\acute{i}$, $p\acute{a}\text{-}sco^{22}$ «пасти, кормить, съесть»; образованием от прилагательного на $\text{-}\tau\omicron\varsigma$ хорошо объясняется, как и в $\delta\alpha\tau\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$, чередование \hat{a} (лат. $p\acute{a}\text{-}v\acute{i}$): a краткое (греч. $*\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$, отсюда $\lambda\alpha\tau\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$).

Относительно способа образования глаголов данного типа ср.: от прилагательного $\alpha\iota\acute{o}\lambda\omicron\varsigma$ «проворный, пестрый» наряду с глаголом $\alpha\iota\acute{o}\lambda\lambda\omega$

¹⁹) Там же, II, 15, стр. 478; W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. 2. Auflage. Göttingen, 1905, стр. 367.

²⁰) И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1903, слб. 1158.

²¹) Słownik grecko-polski. Pod redakcją Zofii Abramowiczówny. Tom II. E—K. Warszawa, 1960, стр. 336.

²²) H. Frisk. Указ. соч., II, 14, стр. 480.

также αιολεω «пестро расписывать, испещрять» (с Платона, Crat., 409 A), от φίλος «любимый, милый, дорогой» φίλεω «любить» (с Гомера, по L.—Sc.), от σχολός, m. «наблюдатель» σχολεω «наблюдать, следить» (с Пиндара, по L.—Sc.) и т. д.;

4) один глагол на -οω из *-o-jo/e-:

ευχετοομαι «обращаться с мольбами, восхвалять, хвалиться» в форме ευχετοωντο (Гомер, Λ 761) к глаголу ευχομαι «обращаться с мольбой, просить» при отглагольном прилагательном *ευχετος в ал-ευχετος «проклятый, ненавистный, ужасный» (у Эсхила, по L.—Sc.) и в πολυ-ευχετος «долгожданный» (в Гомеровских гимнах), ср. гом. δηιοωντο, δηιοωντες (Ilias, 13, 675 и 11, 153) от δηιοω.

В отношении способа образования ср.: от прилагательного δηιος «губительный, вражеский» (у Гомера, по L.—Sc.) глагол δηιοω «убивать, растерзывать» (с Гомера, по L.—Sc.), от δηλος «видимый, заметный» (с Гомера, по L.—Sc.) деноминатив δηλωω²³ «показывать, являть» (с Эсхила, по L.—Sc.);

5) глаголы на -αω из *-a-jo/e-:

ευχεταομαι (с Илиады, по Фриску, I, 7, 596) «обращаться с мольбами, восхвалять, хвалиться» к глаголу ευχομαι «обращаться с мольбой, просить» с отглагольным прилагательным *ευχετος (см. выше пункт 4);

αρταω (ионич. αρτεω) из *αΓερταω²⁴ (с Геродота, по L.—Sc.) «вешать, подвешивать, привязывать»; к первичному αειρω «привязывать, вешать» относится так же, как, например, лат. gestare к gerere²⁵;

vaietaω (с Гомера, по L.—Sc.) «жить, проживать; населять» к глаголу vaiω «жить, проживать; селить», с производными μετα-vaietaω (в Гомеровских гимнах) «жить вместе» и περι-vaietaω (у Гомера) «обитать вокруг»; с vaietaω ср. ευχεταομαι (см. выше);

олтаω, ионич. олтеω (с Гомера) «жарить, печь» от отглагольного прилагательного²⁶ олтоω (с Гомера) «жареный, печеный»;

σχιρταω (с Гомера, по L.—Sc.) «прыгать, скакать» к глаголу σκαιρω (с Гомера, см. там же) «прыгать, подпрыгивать, скакать» при имени на -τος σχιρτος, m. «прыгун (о сатире)» (например, в Anthologia Palatina, 7, 707);

ιταω при глаголе ειμι «идти», представленное в отглагольном прилагательном ιτη-τεον (ι краткое) (у Аристофана, Nubes. 131) «нужно

²³ Там же, I, 4, стр. 377, 378.

²⁴ Там же, I, 2, стр. 153.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, II, 15, стр. 406.

идти», в перфектном причастии *ελαν-ιτα-κωρ* (Elis)²⁷⁾ «поднявшийся, восшедший», в прилагательном *εξ-ιτη-λος* (с Эхила, *Fragmenta*, 42) «преходящий, исчезнувший» (к отношению глагола на *-αω* и отглагольного прилагательного на *-λος* ср. *σιγαω* «молчать» и *σιγη-λος*, дор. *σιγα-λος* «молчащий»). По К. Бругману, *ιταω* сохранилось, вероятно, в *φοιταω* (с Гомера, по L.—Sc) «носиться взад и вперед; приходиться, уходить» (при *φοιτέω* у Геродота, I, 37, ср.: *φοιτης* «ο *ζηρυξ*» (Гесихий) наряду с *ιτης* «смелый, отважный»²⁸⁾).

К ним следует отнести и глаголы на *-ταζω*, которые возникли, несомненно, при незасвидетельствованных глаголах на *-ταω* (относительно связи глаголов на *-αζω* с глаголами на *-αω* ср.: *ανιαω*, с Гомера, «огорчать, мучить» и *ανιαζω*, с Гомера, «докучать, мучить» *σκελαω*, с Гомера, «защищать, прикрывать» и *σκελαζω*, с Анакреонта, «служить защитой, защищать и др.):

ελκυσταζω (у Гомера, Ψ 187 и Ω 21) — «тащить, волочить» к *ελκω* и *ελκωω* (с Гомера) «тянуть, тащить» от **ελκυστος* (Гесихий), ср. *ελκυσ-τεος* «тот, которого нужно тащить» (относительно *-τος*: *-τεος* ср. прилагательные *λεχ-τος* «могущий быть сказанным» и *λεχ-τεος* «тот, который должен быть сказан» к глаголу *λεγω* «говорить»);

νευσταζω (у Гомера, Υ 162 и др.) «качать, раскачивать, мигать, делать знак» при *νεωω* (из **νευσω*²⁹⁾) «делать знак, кивать»; относительно исходного прилагательного *νευστος* (Лукиан, *Lexiph.* 13) ср. при глаголе *σειω* из **σεισω*³⁰⁾ «трясти» отглагольное прилагательное *σειστος* «вытрянутый» (Аристофан, *Acharn.* 346);

νυσταζω (с Платона) «сонно покачиваться, опускать в дремоте голову», ср. *νυστα-λος* «сонливый»;

ρυσταζω (у Гомера, Ω 755 и π 109) «(долго) волочить (по земле), таскать» к глаголу *ερωω* из **Fe-Frw*³¹⁾ «тащить, волочить, влечь» с отглагольным прилагательным *ρυτος* «притащенный»; *ρυσταζω* возникло из *ερωω*, видимо, через **ρυτω* или **ρυταω* с отглагольным прилагательным **ρυσ-τος* из **ρυτ-τος* (ср. *ερυστος* «извлеченный», у Софокла, по Фриску, I, 6, 571).

²⁷⁾ К. Brugmann. *Grdr.*, II, 3, стр. 212; Н. Frisk. *Указ. соч.*, I, 5, стр. 463.

²⁸⁾ К. Brugmann. Там же, примеч.

²⁹⁾ К. Brugmann. *Griechische Grammatik*, стр. 277.

³⁰⁾ Там же.

³¹⁾ Н. Frisk. *Указ. соч.*, I, 6, стр. 571.

О том, что глаголы на $-ταζω$ связаны с отглагольными прилагательными на $-τος$, говорит в своей «Греческой грамматике» К. Бругман³²⁾.

В заключение приведем глагол на $-ταζω$, при котором сохранился глагол на $-ταω$: $ουταζω$ (у Гомера, Н 273 и др.) «разить, поражать, ранишь» и $ουταω$ (с Гомера, χ 356) «поражать, ранишь»; исходное прилагательное $*ουτος$ засвидетельствовано в виде $α-ουτος$ (с Гомера) «не раненный, невредимый».

Относительно возможности связи глаголов на $-ταω$ с отглагольными прилагательными на $-τος$, а также вариантов $ευχεταιομαι$ и $ευχεταιομαι$ ср.: деноминатив³³⁾ $ρουταω$ (см., например, Аристофан, Aves, 1282) «быть грязным» при варианте $ρουλοω$ (у Гомера, τ 27 и др.), с тем же значением, от существительного $ρουλος$, м. (с Эсхила) «грязь» и $ρουλα$, п. pl.³⁴⁾ (у Гомера) «нечистоты, грязь» и деноминатив $ατιταω$ (с Гомера) «не уважать, не почитать» при варианте $ατιτοω$ (с Эсхила), с тем же значением, от прилагательного $ατιτος$ (с Гомера) «малоценный, неуважаемый», $νεαω$ (с Гесиода) «поднимать пар» от прилагательного $νεφος$ «новый»³⁴⁾, причем $νεαω$ точно соответствует хетт. $newah-$ «обновлять» и лат. $novare$ ³⁵⁾ «обновлять, освежать» и т. д., в том числе «вторично вспахивать».

Таковы в греческом языке пять групп глаголов, содержащих в основе $*-t-$.

II. В древнеиндийском из глаголов на $-t-$, снабженных тематическим суффиксом $*-o/e-$, мы нашли в Ригведе лишь один глагол, имеющий при себе вариант типа отыменных образований. Этим глаголом является $prt-$ «танцевать, плясать, исполнять пьесу, танец», имеющий основу $prt-a-$ в причастии $prtá-māna-s$ (Ригведа, 387, 6) и основу $prt-ya-$ в причастии $prtya-tām$ (Ригведа, 898, 6). Последнюю можно сопоставить с основами таких отыменных глаголов, как др.-инд. $prtān-yá-ti$ «борется, относится враждебно» (Ригведа, 765, 3 и мн. др.) от существительного $prtān-ā-$,

і. «борьба, сражение, враждебное войско» и греч. $ιπειρω$ из $*ιπειρ-jō$ «желать, стремиться, жаждать» (с Гомера) от существительного $ιπειρ-ος$, м. «желание».

III. Подобная же вариантность в области глаголов на $-t-$ свойственна и италийским языкам, материал которых будет рассмотрен ниже. Сейчас достаточно указать на то, что латинский язык наряду с глаголами типа $flectere$ «гнуть, сгибать», $vertere$ «поворачивать, обращать» знает:

- 1) глаголы типа $dictāre$ «диктовать»;
- 2) глаголы на $-ēre$, например: $fatēri$ «признавать, соглашаться»

³²⁾ К. Brugmann. Griechische Grammatik, стр. 468.

³³⁾ W. Prellwitz. Указ. соч., стр. 402.

³⁴⁾ Там же, стр. 307, 308. E. Schwyzer. Указ. соч., т. I, стр. 727, 3.

³⁵⁾ A. Walde. Указ. соч., II, стр. 181, novus.

(с Энния и Плавта, по Вальде; Ног. Serm. 2, 4, 4 etc.) от перфектного причастия *^Ufatos (= греч. φάτος) к глаголу fâri «говорить», latêre «скрываться» (с Энния, по Вальде, и Плавта; Verg. Aen. 6, 136 etc.) «от именной основы *lât- или от перфектного причастия *lâ-to-»³⁶) к корню *lâ- «быть скрытым»; относительно образования суффиксом *-je/jo- деноминативных глаголов от основ на *-e/o- ср.: albêre «быть белым» (Sisenna ap. Quint. 8, 3, 35; Caes. B. civ. 1, 68 etc.) от прилагательного albus «белый», clarêre «быть ясным, сиять» (Enn. ap. Cic. Sen. 4, 10 etc.) от прилагательного clarus «ясный»;

3) глагол на -îre ineptîre «говорить нелепости» (с Теренция, по Вальде (Adelph. 934)) от in-eptus «негодный; нелепый, глупый»; aptus относится к ар-еге «связывать, прилаживать, соединять» (Paul. Diac., см. сл. арех); по способу образования ср.: in-sanîre «безумствовать» (с Теренция, по Вальде (Adelph. 197)) от in-sanus «безрассудный, безумный».

На примере греческого, древнеиндийского и итальянских языков видно, что в них развитие глаголов на -t- происходит в структурно разных, особенно в греческом языке, формах. Однако на них лежит ясно видимая печать отыменности. На основании того, что во всех случаях имеет место сходство в направлении развития, поскольку это развитие шло в русле тех продуктивных типов, которые были выработаны в данных языках для отыменных глаголов, что является особенно очевидным в греческом языке,— на этом основании можно заключить, что исходная основа глаголов на *-to/te- в этих языках, видимо, еще воспринималась

как именная, а глаголы типа flectere, vertere, ἀνῶτω как ее производные. Этим и можно объяснить параллелизм последующего развития глаголов на *-to/te- и глаголов деноминативных.

Таким образом, существование в латинском языке глаголов типа flectere, vertere объясняется возможностью производства деноминативов, исходящих в данном случае из основы отглагольного прилагательного на *-tos, с помощью тематического суффикса -o/e-.

Чем объяснить появление в латинском языке наряду с типом flectere-vertere глаголов типа dictâre?

Для решения этого вопроса вновь обратимся к латинским отыменным глаголам с основой на согласный звук consulere «совещаться, обсуждать», vivere «жить», vannere «веять (зерно)», evannere «веять, просеивать», evallere «очищать от шелухи, шелушить; просеивать, веять». Последние два представляют для нас особый интерес, так как, наряду с формами evannere (Varro, De re r., 1, 52, 2) и evallere (Plinius, Hist. nat., 18, 98 и 99) от существительных на *o/e-основе vannus, f. «веялка» и vallus, f. «маленькая веялка», были также образованы варианты формы evannâre (Помпоний, у Нония, р. 19, 23) и evallâre (Титиний у Нония, 102, 5 и Варрон [sat. Men. 109] у Нония, 102, 6).

Это говорит о том, что не только от имен с основой на -â-, но и от имен с другими основами деноминативы стали образовываться с помощью суффикса -â-. Тем самым они имели регулярное образование перфекта, перфектного причастия и супина. Этот способ образования деноминативов получил в латинском языке доминирующее положение. Так, уже в Законе XII таблиц от существительных с основой на согласный звук засвидетельствованы глаголы lêgâre (XII tab., 5, 3) «отдавать распоряжение, имеющее законную силу; завещать; отправлять послом» от lêx, lêgis, f. «закон» и iûdicâre (XII tab., 3, 1 и 3, 3) «судить» от iûdex,

³⁶ Там же, I, 768. О связи глагола fateri с перфектным причастием см. там же, стр. 463, fateor.

iudicis, m «судья», а от существительного на i-основу testis, testis, m., f. «свидетель, свидетельница» — глаголы testâri (XII tab., 4, 2) «свидетельствовать» и antestâri (XII tab., 1, 1) «приводить в свидетели». От существительного ius, iur-is, n. (из *jowos³⁷) «право» произведен глагол на â-основу iurâre «клясться», засвидетельствованный впервые в надписи Дуэноса (IV в. до н. э.) в форме iovesat³⁸.

Из числа глаголов, образованных от существительных с основой на *-o/e-, назовем: donare (с Энния, по Вальде, I, 361) «дарить (от donum, n. «дар»», locare (с Энния, по Вальде, I, 817) «помещать» и collocare (с Ливия Андроника, по Вальде, там же) «помещать» (от locus, m. «место»), somniare (с Энния и Плавта, по Вальде, II, 558) «видеть сон, грезить» (от somnium, n. «сон»).

* Глаголы этого типа образовывались и от прилагательных с основой на *-o/e-, например: aequâre (с Плавта, Cas., 387 и др.) «выравнивать» (aequus «ровный, равный»), firmare (с Плавта, включая и приставочные confirmo, offirmo, по Вальде, I, 505) «укреплять» (firmus «прочный, крепкий»).

Образованиями точно такого же характера являются и глаголы типа dictâre, полученные от отглагольных прилагательных на *-tos. Продуктивность этой модели глагола была, бесспорно, лишь усилена тем обстоятельством, что суффикс -â- мог выражать и значение интенсивности³⁹.

В определенный период развития латинского языка оказалось поэтому, что в нем существовали два способа образования глаголов: первый — образование с помощью суффикса *-o/e- (flectere, vertere), второй — образование с помощью суффикса -â- (dictâre).

Наличие при глагольных формах на -â- вариантных форм на *-o/e- не было новым явлением в языке. Оно было известно и раньше. Таковы например, др.-лат. *pacâre⁴⁰) «связывать, соединять», засвидетельствованное в форме pacari в надписи Дуэноса (IV век до н. э.), и *pacere, засвидетельствованное еще раньше, в середине V в. до н. э., в Законе XII таблиц в форме pacit (8.2) «paciscitur» и pacunt (1,6 и 7) «paciscuntur»; *dâre «давать» и ad-dere «добавлять, придавать», впервые встречающееся в Законе XII таблиц (10, 8); stâre «стоять» и si-istere «ставить» и т. д. Это обстоятельство поддерживало глаголы типа vertere.

В силу наличия в латинском языке параллельных типов на -tere и -tare можно предположить, что не исключено сосуществование у одних и тех же глаголов вариантных форм с основами на согласный звук и на -a-. И такие пары, действительно, встречаются. Назовем, например, следующие:

1) incessere «наступать, бросаться» и incessare, о котором мы уже говорили (см. настоящий сборник, стр. 15). К сказанному можно добавить, что написание incessantem (Stat. Theb. 11, 361) содержит отнюдь не одна та рукопись, которой пользовался Евтихий. Форму с суффиксом -a- дают нам codex Parisinus (Q) X в., codex Cheltoniensis (N) X или XI вв.⁴¹) codex Leidensis (Gronovianus) (g¹) XI в.⁴²), codex Monacensis (Frisingensis) (f) XI в., codex Bernensis (Danielis) (b) XI в., codex

³⁷) Там же, I, стр. 733.

³⁸) Там же; И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., изд. лит-ры на иностранных языках, 1960, § 211—212.

³⁹) И. М. Тронский. Указ. соч., § 498.

⁴⁰) A. Walde. Указ. соч., II, стр. 231; И. М. Тронский. Указ. соч., § 570.

⁴¹) P. Papini Stati, Thebais. Edidit Alfr. Klotz. Lipsiae Teubner, 1908,

⁴²) Там же, 420 и LXXVIII.

Roffensis (r) XI в.⁴³). Codex Lipsiensis (L) XI в. содержит форму *incessantem*, исправленную на *incessentem* поздней рукою схолиаста⁴⁴). Наконец, об *incessantem* говорит еще одна рукопись — codex Monacensis (Schedeli) (μ)⁴⁵, где *incessentem* заменено на *incessantem* лицом, правившим данный манускрипт на основании другой рукописи⁴⁶). Форму *incessare* подтверждают и глоссарии⁴⁷);

2) *пехâге* «крепко связывать, сплетать» (с Ливия Андроника, по Вальде, II, 155) от глагола *necto, nexi (nexui), nexum, nectere* «вязать, связывать, соединять» и параллельное ему *пехеге*, например, у Акция, по свидетельству Диомеда, р. 366 Putsch;

3) поздно засвидетельствованные *amicârî* «надевать, накидывать на себя» (у грамматика начала III в. н. э. Досифея — *Dositheus Magister*, 61, 19 К.) и *amicô*, «третьего спряжения» (*Char. lib. V*, р. 476, 25 Barwick), глаголы, образованные от *amicio, -ui (и-ixi), -ctum (и -citum), amicige* «набрасывать, накидывать, окутывать, обертывать»;

4) глагол *taxâге* (с Сенеки, например, *Epist.*, 24 и 81; существительное *taxâtio, f.* «оценка, определение стоимости» засвидетельствовано раньше, с Цицерона, *Or. pro Tull.*, 7) «ощупывать, осязать, трогать», являющийся фреквентативом к *tango, tetigi, tactum, tangere*⁴⁸) «трогать, касаться». Из этого следует, что некогда язык должен был иметь перфектное причастие **taxus*. О существовании причастия **taxus* говорит также и другое его производное — наречие на *-im*⁴⁹) *taxim* «касаясь, трогая» (ср. *sensus: sensim, passus: passim, perplexus: perplexim* наряду с наречием *perplexo* и др.). Но причастие **taxus* может вытекать лишь из **tact-tos*, которое могло появиться только у глагола **tactere, подобно* причастиям *пехус* «связанный» и *рехус* «расчесанный» от глаголов *nectere* и *pectere*.

5) глагол *vexâге* (с Катона; *devexâге* «дергать, рвать», с Плавта, по Вальде, II, 778) «швырять, кидать; сотрясать, колебать; беспокоить», соотносящийся с *veho, vexi, vectum, vehere* «носить, тянуть, везти», образован от перфектного причастия **vexus*. Оно, как и причастие в выше рассмотренном случае, может возникнуть лишь в результате присоединения суффикса **-tos* к дентальному согласному глагольной основы, иначе говоря, мы должны предположить существование глагола с основой на *-t* **vect-e-re*. Ряд *veho (vexi, vectum, vehere): *vectere: vexâге* отличается от ряда *tango (tetigi, tactum, tangere): *tactere: taxâге* лишь тем, что наряду с **vectere* латинский язык знает и глагол *vectâге* «нести, везти; мед. ехать» (с Катона, по Вальде, II, 742, *veho*).

В италийских языках варианты такого рода мы находим от глагола **ei-* «идти»: основу на *-â-* представляют лат. *itâге* «ходить, хаживать» (с Цицерона; *ad-itâге* с Энния, по Вальде, I, 408) и умбрский императив *etatu* «*itâtôte*», основа же на согласный звук засвидетельствована в осском инфинитиве $\text{it-}\omega\mu$ [=it-um] «*ige*» (ср. осск. *deic-um* «dic-ere», *ac-um* «ag-ere»), которому в латинском языке соответствовало бы **it-ere*.

⁴³) Там же, 420 и LXXVII.

⁴⁴) Там же.

⁴⁵) Там же, 420, LXXVIII.

⁴⁶) Там же, XXVIII—XXIX.

⁴⁷) Maximilian. Schamberger. *De P. Papinio Statio verborum novatore* («*Dissertationes philologicae Halenses*», vol. XVII, р. 3). Halis Saxonum, 1907, р. 296.

⁴⁸) A. Walde. Указ. соч., II, стр. 652.

⁴⁹) Л. В. Доровских. К вопросу об образовании наречий в латинском языке. — III Всесоюзная конференция по вопросам классической филологии (тезисы докладов). Секция латинского языка. (Киевский орден Ленина государственный университет им. Т. Г. Шевченко). Киев, 1966, стр. 19—20.

Из названных выше двух способов образования глаголов будущее было за тем, который давал возможность простого и ясного регулярного⁵⁰⁾ образования всех глагольных основ, в чем и состояло его преимущество. Поэтому модель *flectere*—*vertere* (*flecto*, *flexi*, *flexum*, *flectere*; *verto*, *verti*, *versum*, *vertere*) со временем уступила место более продуктивному способу глагольного словообразования с помощью суффикса *-â-* (*dicto*, *dictâvi*, *dictâtum*, *dictâre*).

Однако глаголы с основой на *-t-* не исчезли бесследно. В процессе развития языка нередко происходила утрата примарных глаголов. Формы на *-tere* оказывались поэтому в ряде случаев изолированными и *-t-* уже не вычленилось как элемент основы перфектного причастия (соответственно отглагольного прилагательного на **-tos*). Их основа стала в силу ее опрощения непроемкой. Так, глагол *vertere* (*vortere*) «поворачивать» с падением **vego* дает повод к выделению *-t-* только при сравнении с *vergere* «клониться, склоняться» (по Вальде, II, 760), однако их единство вряд ли живо ощущалось. *Plectere* «плести» могло бы сопоставляться с глаголом *plicâre* «складывать, свертывать», однако последний выделен, несомненно, из сложных глаголов, например, *applicâre* «прикладывать» (с Энния), *complicâre* «складывать, свертывать», *explicâre* «развертывать», *implicâre* «вплетать» (все три с Плавта, по Вальде, II, 323) и, хотя зафиксирован впервые лишь у Лукреция, бытовал в языке во всяком случае уже во время Плавта, ср. *plicatrix*, f. «плиссировщица» (по Вальде, там же). Таким образом, глагол *plectere* не может вытекать непосредственно из *plicâre* (*plico*, *plicâvi* и *plicui*, *plicâtum* и *plicitum*, *plicâre*). В глаголах *plectere* «наказывать, карать» и *rectere* «чесать, причесывать» *-t-* можно выделить лишь путем сравнения с формами других и.-е. языков, а именно с лит. *pliekiu* «бью, колочу»⁵¹⁾ и греч. *λέγω* «чесать, расчесывать, стричь», ибо связь их в латинском языке с *plangere* «бить, ударять» и с *pecu*, п. «скот» и *pecus*, п. «скот; мелкий скот, преимущественно овцы» практически отсутствовала. Для глагола *flectere* «гнуть, сгибать» основа **flec-* не засвидетельствована, видимо, ни одним из и.-е. языков⁵²⁾. Что касается *nectere* «вязать, сплетать», то этимология его и способ образования, судя по «Латинскому этимологическому словарю» А. Вальде и И. Б. Гофмана⁵³⁾, не вполне ясна до сих пор. Естественно поэтому, что с семантической стороны их нельзя считать в латинском языке, в силу отсутствия сравнения, глаголами, выражающими значение итеративности или интенсивности.

Одиночность этих глаголов, отсутствие живых связей с другими словами были главной причиной того, почему при них не возникли морфологически варианты формы на *-a-* и почему сохранились они в облике глаголов с основой на согласный звук (точнее: с основой на тематический гласный, которому предшествует согласный звук).

Таким образом, наличие в латинском языке немногочисленной группы глаголов на *-tere* (*-sere*) объясняется совокупным действием ряда причин:

возможностью образования деноминативов тематическим суффиксом **-o/e-*;

возможностью сосуществования глаголов с основами на *-a-* и на согласный звук в связи с закономерным возникновением при глаголах на *a-* основу фонетически вариантных глаголов, совпадающих по своей форме с тематическими глаголами, имеющими основу на согласный звук;

⁵⁰⁾ Ср.: И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 25 и стр. 217 (§ 503).

⁵¹⁾ А. Walde. Указ. соч., II, стр. 321.

⁵²⁾ Там же, I, стр. 514—515.

⁵³⁾ Там же, II, стр. 155—156.

Г. А. ЧУПИНА

КОНЪЮНКТИВ В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

и, наконец, изолированностью в латинском языке ряда глаголов на *-tere*, что вело к опрошению их основы и утрате говорящими осознания производности этих глаголов.

Относительно причин проникновения конъюнктива в сферу побуждения в лингвистической литературе единого мнения нет: одни отстаивают точку зрения, утверждающую первичность побудительного значения независимого сослагательного наклонения¹⁾, другие квалифицируют такое значение конъюнктива как вторичное, полученное в результате употребления его в качестве сказуемого дополнительного придаточного предложения²⁾.

Согласно теории Дельбрюка и его последователей, на первоначальном этапе развития индоевропейских языков конъюнктив являлся синонимом императива и употреблялся лишь в независимых предложениях. С развитием языка и мышления эти простые предложения соединялись друг с другом, образуя сложноподчиненные предложения.

Противники гипотезы Дельбрюка, напротив, считают, что конъюнктив обретает потенциальную способность выражать побуждение, лишь будучи сказуемым придаточного предложения, а так как «такие фразы обладают высокой избыточностью в плане выражения», то в речи опускается главное предложение, и, таким образом, конъюнктив оказывается в независимом побудительном предложении. Следовательно, конъюнктив сам по себе не обладает способностью выражать побуждение, а, как и другие синонимы императива, получает эту возможность лишь в определенной конкретной ситуации.

Коль скоро способность конъюнктива выражать побуждение непременно связывается с гипотаксическими образованиями и коль скоро объектом нашего исследования является не современный язык, где действительно могут уже быть образования, подобные тем, о которых говорят противники предположения о былом существовании независимого побудительного конъюнктива, обратимся к истории формирования сложноподчиненных предложений, с одной стороны, и морфологическим показателям конъюнктива, — с другой.

¹⁾ В. Delbrück. Der Gebrauch des Konjunktivs und Optativs im Sanskrit und Griechischen. Halle, 1871, стр. 12 и сл., стр. 90 и сл.; S. A. Handford. The Latin Subjunctive. Its usage and development from Plautus to Tacitus. London. 1947, стр. 22, 49; A. Meillet. Linguistique historique et linguistique generale. V. 1, 1921, стр. 191. Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 57.

²⁾ Ch. Bennet. Critique of some recent subjunctive theories. Cornell studies in classical philology, 1898, № 9, стр. 67. Г. Моignet. Essai sur le mode subjunctif Alger, v. 1, 1959, стр. 35; Р. В. Пазухин. Об «исходном» значении сослагательного наклонения в романских языках. — Вопросы теории и истории языка. ЛГУ, 1963, стр. 220—229.

Попытаемся прежде всего рассмотреть, какой процесс мог совершиться в языке раньше: появление ли таких морфологических форм, как конъюнктив, или весьма сложных образований, отражающих высокую степень в развитии человеческого мышления, какими являются гипотаксические соединения.

Давно замечено, что латинский конъюнктив уходит своими корнями в эпоху индоевропейской общности и тесно связан с опативом, не случайно Варрон выделяет *species optandi* (Varro, *De lingua latina*, X, 31), ничего не говоря о сослагательном наклонении³).

О том, что латинский конъюнктив предстает собой сплав опатива и собственно конъюнктива, свидетельствуют как его морфологические показатели, так и его семантика. О наличии собственно опативных образований, как известно, говорят такие формы древних атематических глаголов, как *sim, edim, duim, velim, nolim, malim* или такие архаические перфектные, а точнее аористные формы, как *faxim, dixim, amassim, curassim* и, наконец, суффикс конъюнктивного перфекта классического периода *-eri- < *isi-*. Во всех этих образованиях наблюдается наличие характерного индоевропейского суффикса опатива **-jê-/-î-*. По мнению И. М. Тронского и Ф. Зоммера, суффикс конъюнктива *praesentis* глаголов I спряжения *-ê-* из *-â(j)ê-* может восходить и к конъюнктиву тематических основ на **-â(j)ê-* (ср. греч. **τιμα-η-τε*) и к опативу атематических основ на **-â(j)ê-* (ср. гр. *σταην*)⁴). Что же касается семантики этих образований с опативным суффиксом, то дошедшие до нас письменные памятники латинского языка не дают материала, который бы иллюстрировал различие в значении образований с конъюнктивным суффиксом и образований с показателем опатива; что говорит о полном слиянии на латинской почве двух древних наклонений⁵). Поскольку в их образовании имелся общий элемент (*-j-*), то, надо думать, и между функциями опатива и конъюнктива было много общего, что позволяло этим наклонениям заменять друг друга. Впоследствии грамматическая абстракция, которая вела к созданию более отвлеченных и обобщенных форм, способствовала сведению этих наклонений в единое, которое должно было выполнять функции как того, так и другого наклонения.

В этом плане латинский не одинок, слияние опатива и конъюнктива в единое наклонение наблюдается в ряде индоевропейских языков. Четкое морфологическое и семантическое различие между этими наклонениями сохранили лишь древнеиндийский язык и древнегреческий, но и в греческом языке опатив имел тенденцию к отмиранию уже в койнэ и совершенно исчез в среднегреческом и новогреческом языках, передав свои функции конъюнктиву⁶).

Если в латинском и греческом более устойчивыми оказались конъюнктивные формы, то в таких языках, как готский, славянский и древнепрусский, напротив, и.-е. конъюнктив уступил свои функции опативу, который, как свидетельствуют факты, обладает способностью самостоятельно выражать побуждение.

³) Подробно об этом: В. В. Каракулаков. У истоков учения о грамматической категории наклонения. — *Іноземна філологія*, вип. 9, питання класичної філології. № 5. Изд-во Львовского университета, 1966, стр. 55; Р. М. Оленич. Терміни — назви десливних способів у римській граматиці. *Ibidem*, стр. 68.

⁴) И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 236; F. Sommer. *Handbuch der Lateinischen Laut- und Formenlehre*. Heidelberg, 1948, стр. 116.

⁵) Не случайно в лингвистической литературе в последнее время утвердился термин субъюнктив, призванный отличать латинский конъюнктив от индоевропейского конъюнктива.

⁶) П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка. М., стр. 219.

Так, в готском языке оптатив, образованный из *-ai-*, получившегося из слияния двух морфем: тематического гласного **-ai-* и показателя оптатива **-ī- < u, -e. *oī* (ср. от глагола *nim-an* «братъ», 2 л. *sing praes. оптатива nim-ai-s* (1 л. pl. *nim-ai-ma*), нередко выполнял функции императива. Свидетельством этого является тот факт, что от некоторых групп глаголов совсем не засвидетельствован императив, вместо него при передаче греческих текстов употреблялся оптатив, напр., *thiusthjaith thans wrikandans izwis* (Р. XII, 14) «Благословляйте преследующих вас»; *Waila taujaid thaim fijandam izwis* (L., VI, 27) «Добро делайте ненавидящим вас». Что касается запрещения, то оно в готском выражается исключительно оптативом, напр., *Ni filu waurdjais* (M., VI, 7) «Не будьте многоречивы»; *Ni huzdjaith izwis huzda* (M., IV, 19) «Не собирайте сокровищ»⁷⁾.

Формы оптатива с побудительным и запретительным значением засвидетельствованы в древнепрусском языке, напр.: *jeis* «иди», *ny wedais* (*ni wedeys*) «не веди»⁸⁾.

Но наиболее показателен в этом плане славянский императив. Общеизвестна гипотеза о генетическом родстве славянского повелительного наклонения с индоевропейским оптативом. Уже в праславянском языке преобладающими формами побуждения были оптативы⁹⁾.

На генетическую связь славянского императива и оптатива указывали крупнейшие исследователи славянских языков, например А. Потебня, Г. А. Ильинский, А. Мейе, Н. Ван-Вейк. При этом отмечалось, что некоторые формы славянского повелительного наклонения оптативного происхождения сохранили остатки былого и.-е. конъюнктива. Так, по мнению А. Мейе, тип *вѣямъ, вѣяте* является, по существу, отражением конъюнктивных форм, где *-a-*, возможно, представляет *ó* и *ê* (после *j*) конъюнктивов типа *фероѣев, ферѣте*¹⁰⁾. Реликты конъюнктива в славянских языках обнаруживает и Г. А. Ильинский¹¹⁾. По мнению А. А. Потебни, функция форм, из которых развилось славянское повелительное наклонение, было сослагательно-желательным¹²⁾. А Мейе представлял процесс развития славянского повелительного наклонения из оптатива следующим образом. Известно, что часть и.-е. языков, например греческий и индоиранский, имела в оптативе вторичные окончания: в ед. ч. *-m, -s, -t*, во мн. ч.: *-te, -nī*. В славянских языках тенденция редуцировать конечные согласные в соответствии с общим стремлением к открытости слога привела к исчезновению конечных согласных, поэтому окончания 2 и 3 л. ед. ч. свелись к нулю, например, БЕРИ означало «ты можешь брать», «Я желаю, чтобы ты брал» и «Он может брать, я желаю, чтобы он брал»; НЕСИ — «Ты можешь нести, я желаю, чтобы ты нес» и «Он может нести, я желаю, чтобы он нес». Это совпадение форм 2 и 3 л. ед. ч. и явилось, вероятно, одной из причин раннего исчезновения оптатива в славянских языках. В качестве параллели А. Мейе приводит прошедшие времена, имевшие те же окончания, что и оптатив, и потерявшие их, подобно последнему, и очень рано исчезнувшие¹³⁾. Следовательно, действие закона открытого слога, вследствие которого каждое самостоятельное слово могло оканчиваться только на гласный звук, и привело

7) М. М. Гухман. Готский язык. М., 1958, стр. 134, 180—183.

8) А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 178.

9) Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. — Известия историко-филологического института. Нежин. 1919—1920 гг. т. XXXIII, стр. 488.

10) А. Мейе. Указ. соч., стр. 117.

11) Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 489.

12) А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV. М.-Л., 1940, стр. 178.

13) А. Мейе. Указ. соч., стр. 117.*

к оттеснению императива оптативом. Не случайно даже обломки первого, сохранившиеся в виде частиц и восклицательных слов, оканчиваются на гласный. Ср.: «да», «ста», «ну», «ке», «чу», которые в силу своего звукового оформления дольше, чем другие, не уступали своего места оптативу.

Весьма показателен и литовский пермиссив, так называемое допустительное наклонение, обозначающее приглашение, разрешение и образованное с помощью суффиксов *-ie*, *-ai*, *-y*, в которых исследователи видят примету и.е. оптатива **-i-*: *ie* < **-o-i*, *-ai* < **a-i*, *-y* < **i-i*¹⁴). Если в 3 л. присоединяется частица *te-*: *tenesie* «пусть он несет, он может нести», то образования пермиссива 2 л. формально ничем не отличаются от древнелитовских и диалектных императивов оптативного происхождения. Хр. Станг указывает, что пермиссив I исторически идентичен с императивом оптативного образования¹⁵). Я. Отрембский приводит ряд диалектных форм императива, генетически восходящих к оптативу, напр.: *saxaite* «говорите», *pesakai* «не говори», *zinaĩ* «смотри»¹⁶).

Наконец, в тохарских языках оптатив по своему образованию тесно примыкает к конъюнктиву, ибо оптативный суффикс *-i-* в диалекте А и *-i-* или *-oi-* в диалекте В присоединяется к конъюнктивной основе, например, в диалекте В от глагола *nes-* «быть» 2 л. ед. ч. конъюнктива имеет форму *takat*, соответствующее лицо и число оптатива *takoit*. Любопытно, что и тохарские языки сохранили императивы конъюнктивного происхождения, например, в диалекте В императив некоторых глаголов идентичен с основой конъюнктива¹⁷), напр., от глагола *pas-* «быть» основа конъюнктива *tâka-*, императив во 2 л. ед. ч. *ptâka*, мн. ч. *ptakas*, где *pa-/p-* является приставкой, используемой в тохарских языках при образовании императива.

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют, во-первых, о древнейших истоках конъюнктива и оптатива; о чем говорит наличие единых суффиксов в ряде и.е. языков; во-вторых, о слиянии этих наклонений в некоторых из индоевропейских языков (латинский, греческое койнэ, славянские, тохарские), что могло оказаться возможным лишь вследствие близости семантики этих двух образований; в-третьих, о наличии побудительной функции у этих наклонений (литовский, готский, древнепрусский); в-четвертых, о потенциальной возможности перехода данных наклонений в парадигму императива (славянские, литовский, тохарские).

Необходимо отметить и следующую, весьма любопытную деталь: по своей морфологической структуре и по своей семантике к вышеназванным наклонениям довольно близки каузативы, ведущие свое начало с древнейшего состояния индоевропейских языков, о чем говорит наличие общего словообразовательного элемента (*-i-*) в глаголах данной категории в ряде и.е. языков. Каузативы в отличие от глаголов состояния обозначают побуждение к действию, ср. пары: «спать» — «усыпить» = «заставить спать», «висеть» — «повесить» = «заставить висеть», в готском *ligan* «лежать» — *lagian* «класть» = «заставить лежать», лат. *sopire* «усыплять» = «заставить спать» (*-i-* к *-ijo-/-î-*), др.-и. *svapayati* гр. $\varphi\sigma\beta\epsilon\omega$ < $*\varphi\sigma\beta\epsilon\iota\omega$, лат. *moneo* < $*moneio$ «напоминаю» = «заставляю

¹⁴) I. Otrebski. Gramatyka ilesyka litewskiego, nauka o formach. Warszawa. 1956, стр. 228.

¹⁵) Ch. S. Stang. Das slavische und baltische Yerbum. — Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi I, Oslo, 11 Hist. — Filos. Klasse, 1942, № 1, стр. 243—245.

¹⁶) I. Otrebski. Указ. соч., стр. 228.

¹⁷) И. А. Мельчук. Краткий очерк морфологии тохарских языков. — «Тохарские языки», М., 1959, стр. 172, 178, 199; В. Краузе. Тохарский язык. — Там же, стр. 97.

помнить“ (-е- восходит к *еје-/о-). В каузативных суффиксах обнаруживается тот же компонент -i-, что и в суффиксах опатива, пермиссива и частично конъюнктива. Такое совпадение в материальных показателях разных глагольных форм и категорий, связанных в той или иной мере с идеей побуждения, не может быть чисто случайным, скорее всего именно этот общий элемент и является носителем побудительного значения.

Что же касается сложных гипотаксических соединений, то исследователи, как философы, на основе изучения общих проблем возникновение и развития языка и мышления, так и лингвисты на основе изучения закономерностей развития конкретного языка, приходят к выводу, что в далекие времена, когда единственной формой выражения мысли был «устный диалог», когда речь отличалась меньшей связанностью, придаточных предложений, выражающих сложные зависимости между мыслями, еще не было¹⁸). Сложноподчиненные предложения, выражающие сложные отношения между мыслями,— продукт наиболее высокой степени развития языка; формирование многих синтаксических средств, вырабатываемых по мере развития более сложных форм общения, происходит уже в недрах того или иного конкретного, вполне сложившегося индоевропейского языка, о чем говорит история ряда языков.

Например, данные хеттского языка, письменные памятники которого относятся к XVIII—XIII вв. до н. э., говорят о постепенном складывании гипотаксических соединений¹⁹). Древнехеттские тексты еще изобилуют сложными предложениями, отличающимися бессоюзным соединением, что является свидетельством того, что еще не были окончательно выработаны способы синтаксических связей. Вся история литературного хеттского языка говорит об активном процессе формирования этих способов синтаксической организации сложных предложений²⁰).

Памятники древнерусского языка свидетельствуют об интенсивном развитии способов подчинения в XIV—XV вв. Так, в «Повести временных лет» обнаруживается обилие парных образований со слабой связью между элементами. Ср. «Молися о мне, да азъ быхъ ту же страсть принял» (93), «Пошлю к Володимеру, да быша не прольяхи мене ради крови (176). По мнению А. Н. Стеценко, исследовавшего эти синтаксические связи, «да» в этот период еще не является подчинительным союзом²¹).

В латинском языке процесс формирования гипотаксических соединений не был завершен еще в III—II вв. до н. э. Особенно характерен в этом отношении синтаксис древних римских законов, относящихся к более ранней эпохе, где наблюдается нагромождение паратаксических соединений. По свидетельству ряда исследователей, не сложился окончательно синтаксис сложного предложения и у Плавта и Теренция²²). Об-

¹⁸) Отсутствие конъюнктива и опатива в хеттском языке говорит о весьма раннем отделении данного диалекта индоевропейского языка. Надо думать, что это случилось или до появления интересующих нас наклонений, или в самом начале этого процесса, в силу чего отдельные слова и формы исчезли из памяти древних хеттов, а поэтому не получили такого развития, какое видим во многих индоевропейских языках.

¹⁹) См.: А. Г. Спиркин. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. — «Мышление и язык», М., 1957, стр. 3—72. Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 488.

²⁰) В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 174—178.

²¹) А. Н. Стеценко. Сложноподчиненные предложения в русском языке в XIV—XV вв. Томск, 1960, стр. 11—12.

²²) См.: Н. П. Летова. Наблюдения над синтаксической структурой предложения в комедиях Теренция. — Уч. зап. ЛГУ, 1961, № 299, стр. 123—142. Бессоюзные сложноподчиненные предложения в латинском языке II в. до н. э. (на материале коме-

наруживаемое у Плавта обилие соединений, состоящих из *quaero*, *ого*, *obsecro*, *peto* и императива²³). обусловлено как архаизмом синтаксиса Плавта, так и диалогической формой, которая в свою очередь является отражением древних черт языка.

Как показывают наблюдения над побудительными соединениями с *quaero*, *ого*, *obsecro* и т. п. глаголами в комедиях Плавта, при побуждении к действию с этими глаголами употребляется императив, а конъюнктив только как редчайшее исключение, при запрещении же — лишь конъюнктив. С императивом: *Abi, quaeso* (Most. 578) «Уходи, прошу». *Mane, mane, obsecro* (Amph. 765) «Останься, прошу тебя»²⁴). С конъюнктивом: *Te obsecro, ... inscitiae meae et stultitiae ignoscas* (Mil., gl. 540—43) «Прошу тебя, прости невежество мое и глупость». *Vene, quaeso, inter vos dicatis me* (Mil. gl. 1341). «Прошу, говорите между собой хорошо обо мне». Запрещение с конъюнктивом: *Ne interveneris quaeso* (Mil. gl. 1333) «Прошу, не мешайся». *Ne dixeritis, quaeso* (Mil. gl. 862) «Прошу, не говорите». *Te obsecro, ne hero indicium facias meo* (Most. 628). «Прошу тебя, не доноси моему хозяину». *Obsecro, parentes ne meos mihi prohibeas* (Circ. 605) «Я прошу, не отнимай моих родителей»²⁵).

Парные образования, состоящие из *quaero*, *ого*, *obsecro* и т. п. глаголов и императива или независимого конъюктива, легко могли оформиться в сложноподчиненные предложения, каковые и обнаруживаются у Плавта, правда как весьма редкие случаи. Напр. *Vlerphago, quaero, ut advoctus mihi assis, neve abeas* (Amph. 1038) «Блефарон, прошу, чтобы ты у меня присутствовал, чтобы не уходил». *Te quaero ut memineras* (Bach. 746) «Прошу тебя, чтобы ты помнил». *Nunc ego te quaero ut opera et consilio iuves* (Trin. 189). «Теперь я прошу тебя, чтобы ты помог мне делом и советом». *Obsecro ... te ut mea verba audias* (Mil. gl. 1408). «Прошу тебя, чтобы ты выслушал мои слова». Несомненно, что и некоторые комплексы, где вторым элементом является конъюнктив с *ne*, представляют собой не паратаксис, а гипотаксис, грань между которыми, к сожалению, в данном случае провести очень трудно, ибо одну и ту же связь можно толковать как паратаксис и как гипотаксис.

Противники теории Дельбрюка в качестве доказательства неверности его предположений приводят латинские конструкции типа *nolo facias, veto facias, cave facias*, считая абсурдным утверждение о былом существовании парных, независимых предложений типа *Nolo. Fac. Veto. Fac. Cave. Fac.*²⁶). Несомненно, такие пары существовать не могут, но вполне возможно существование пар *Nolo. Ne fac. Veto. Ne fac. Cave. Ne fac.* Парные объединения представляют собой не набор случайных фраз, а своего рода синтаксическую связь, получившую в науке название паратаксиса, который является способом выражения «синтаксических отношений путем простого соположения соотносящихся элементов, без формального выражения синтаксической зависимости одного от друго-

дий Теренция). «Язык и стиль античных писателей». Л., 1966, стр. 125—133. М. Г. Лопатина. К вопросу о развитии конъюктива в определительных предложениях в латинском языке (на материале комедий Плавта и Теренция). — Вестник МГУ, 1958, № 2, стр. 147 и сл.

²³) Мы сознательно ограничиваемся парными объединениями, выражающими побуждение.

²⁴) Ср. аналогичные примеры: *Amphitruo* (500, 1097); *Asinaria* (596, 683, 688); *Aulularia* (167); *Miles gloriosus* (496, 566—68); 865, 1144); *Mostellaria* (376, 513, 557, 578, 652); *Persa* (116, 145, 427); *Rudens* (230, 571).

²⁵) Аналогичные примеры: *Asinaria* (450), *Aulularia* (100, 210), *Bacchides* (1014), *Captivi* (247, 443, 728); *Menaechmi* (879—881); *Miles gloriosus* (1233); *Mostellaria* (1097); *Persa* (680); *Poenulus* (1155).

²⁶) Ch. E. Bennet. Указ. соч., стр. 68. P. В. Пазухин. Указ. соч., стр. 227.

го»²⁷). Паратаксические соединения типа *Nolo facias* не могли иметь перед вторым элементом отрицательной частицы, ибо латинский никогда не употребляет в одном предложении двух отрицаний, «два отрицания в одном и том же предложении взаимно уничтожаются и дают утверждение (иногда усиленное)²⁸). В качестве самостоятельных фраз элементы комплекса *Nolo facias* могли выглядеть как *Nolo. Ne facias*, а как паратаксическое соединение — *Nolo facias*. Если мы вместо конъюнктивной формы *facias* поставим *accusativus cum infinitivo te facere*, то и в этом случае отрицание будет отсутствовать, ибо мы получим *Nolo te facere*. О путях оформления конструкций типа *Cave facias, veto facias* будет сказано ниже, ибо здесь, как нам кажется, действовали другие закономерности.

В систему побуждения латинский конъюнктив проникает через запрещение. Какие факты, по нашему мнению, подтверждают такое предположение? Прежде всего прохибитивная конструкция с конъюнктивом имеет ту же запретительную частицу, что и императив, а именно *nē*. Последняя отличается долготой своего гласного в отличие от подобной отрицательной частицы с кратким гласным. (Ср. д.-и. *nā*, слав. НЕ, балт. *ne*, кельт. *nī*, лат. *ne* в *pequeo, nescio* и т. д.). Отрицательная частица *haud/hau* в запретительных оборотах употребляется исключительно редко, ср. *temere hau tollas fabulam* (Mil. gl. 293). «Случайно не поднимай басню». Что касается частицы *pop*, то она представляет собой уже вторичное образование из **ne oipom*. Появление ее обусловлено тем, что отрицательная частица *ne* со временем начинает восприниматься как слишком слабая и нуждается в усилении с помощью дополнительного слова, с другой стороны, запретительная частица *ne* с развитием гипотаксических соединений прочное место занимает в ряду союзов, вводящих придаточные предложения, что и закрепляет положение *pop* как частицы запретительной, которая часто употребляется у Катутла, Овидия, Проперция и др. и усиливается ее употребление в поздней латыни, оттуда переходит во все романские языки²⁹).

Греческий язык имел отрицания *ou* и *μη*. В запретительных оборотах употребляется только последняя: при императиве: *μη λευε* «Не говори» *μη λευετε* «Не говорите», при конъюнктиве аориста: *μη ειπης* «Не говори», *μη ειπητε* «Не говорите», при оптативе: *ειτε μη ποτε γινωις* «Да (пусть) не узнаешь ты, никогда», при инфинитиве: *συμβουλευω σοι μη τρεχειν* «Советую тебе не бегать».

Думается, что употребление одной и той же частицы, при наличии в языке других отрицательных частиц, с разными наклонениями нельзя объяснить случайностью, а обусловлено близостью семантики данных наклонений.

Предположение о том, что конъюнктив прежде всего проник в запретительные конструкции, на наш взгляд, подтверждается и тем, что в первую очередь именно прохибитивы сохранили в латинском близкие к конъюнктиву древние оптативные формы аориста, так у Плавта *Ne faxis* (Most. 1115) *Ne dixis* (Mil. Gl. 283, Asin. 839, Aul. 744) *Ne curassis* (Poen. 111,1) *Ne occupassis* (Most. 1097) *Ne induxis* (Capt. 149) *Ne mutassis* (Aul. 585) *Nihil amassis* (Mil. gl. 1007) *Nil curassis* (Most. 523) *Nunquam dixis* (Capt. 149)³⁰).

Оптативные формы часто употребляются и в перифрастических

²⁷ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 311—312.

²⁸ С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 379.

²⁹ Stolz-Schmalz. Lateinische Grammatik. München, 1928, стр. 573.

³⁰ Запрещение заключено в отрицательном междометии и наречии.

конструкциях с *cave*, выражающих запрещение: *Cave faxis* (Mil. gl. 1125, 1245, 1372, Most. 808). *Cave dixis* (Merc. 484) *Cave supplicassis* (Asin. 2. 4. 61) *Cave indicassis* (Aul. 611), примеры можно продолжить. Кроме того, как правильно заметил Хендфорд, перфект употребляется только с запретительной частицей³¹⁾. Напр. *Ne amiseris* (Curc. 599). *Ne feceris* (Epid. 148). *Ne fueris pater* (Epid. 595), *Ne me poveris* (Mil. gl. 575)³²⁾.

Бытование в прохибитивных конструкциях древних опативных форм аориста, употребление в данных конструкциях как перфекта, так и аориста вызвало среди лингвистов разные толкования. В конце прошлого и в начале нашего столетия на страницах американских и английских филологических журналов развернулась целая дискуссия, которая не привела к позитивным результатам³³⁾, о чем свидетельствует тот факт, что и в наше время по данным вопросам нет единого мнения.

Так, А. Ронкони предполагает, что тип *ne feceris* продолжает опативное значение, а тип *ne facias* — «волитивное»³⁴⁾. Но такое утверждение, как нам показалось, не подтверждается текстами. Во всяком случае у Плавта очень трудно установить причину употребления того или иного типа прохибитивного конъюнктива.

Хендфорд связывает употребление аориста, а впоследствии перфекта сослагательного наклонения в запрещении с древнейшими традициями в индоевропейских языках, проводя аналогию с древнеиндийским языком, где запрещение никогда не выражалось с помощью аористного конъюнктива с отрицанием *mâ*, и с греческим языком, где употребляется конъюнктив аориста с отрицанием $\mu\eta$. Таким образом, Хендфорд считает, что тип *ne faxis*, а впоследствии *ne feceris* является формой запрещения, унаследованной от древнего состояния, т. е. специальной формой, служившей выражением идеи запрещения, так же, как отрицание *ni* (= лат. *ne*) или *per* (= лат. *pes*) с 3 лицом перфекта конъюнктива представляет собой единственную форму запрещения, найденную в осском языке, напр., *per ifacid*; что же касается типа *ne facias*, то он, по мнению Хендфорда, является конструкцией, появившейся уже на латинской почве, от формы *facias*, выражающей побуждение³⁵⁾. Такого же мнения придерживается и К. Van der Heyde, который полагает, что тип *ne dixeris* был для римлян эпохи Плавта формой запрещения, равной *ne dic*. Побудительное употребление *dixeris* — вторичное и крайне редкое в древней латыни. Тип же *ne dicas* является отрицанием конъюнктива *dicas*. Колебания в употреблении того или иного типа (*ne dicas* и *ne dixeris*), вероятно, можно объяснить требованием стиха и экспрессией побуждения. По мнению автора, *ne dixeris*

³¹⁾ Handford. Указ. соч., стр. 21.

³²⁾ Аналогичные примеры: *Asinaria* (839) *Bacchides* (1, 1, 57) *Casina* (406) *Cistellaria* (110) *Curculio* (1, 2—384) *Menaechmi* (415) *Mercator* (402) *Miles gloriosus* (862, 1333) *Mostellaria* (968, 795). С *cave*: *Aulularia* (90), *Epidicus* (435) *Miles gloriosus* (1368) *Mostellaria* (400, 528) *Persa* (389).

³³⁾ H. C. Elmer. The latin prohibitive. A. I. Ph. 1894, № XV, стр. 323 и сл. сл. Idem. The aorist injunctive in latin. C. R. 1898. № 12, стр. 100—104. F. F. Abbott. The sequence after *ne* prohibitive. C. R. 1898, № 12, стр. 355—359, 395—399, 22—32. W. K. Clement. Notes on the latin prohibitive. C. R. 1900, № 14, стр. 55. Idem. Prohibitive in Silver Latin. A. I. Ph. 1900, № 21, стр. 166 и сл. сл. Idem. Clements Prohibitives in Terence. C. R. 1901, № 15, стр. 157—159. H. C. Elmer. Clements prohibitives in Terence. C. R. 1902, № 16, стр. 107—110. Idem. A last word on the prohibitive in Terence. C. R. 1902, № 16, стр. 408—409. E. B. Lease. *Neve* and *neque* with the imperative and subjunctive. A. I. Rh. 1913, т. 34, стр. 255—275.

³⁴⁾ A. Ronconi. Указ. соч., стр. 103.

³⁵⁾ Handford. Указ. соч., стр. 21—22.

обозначал истинный прохибитив, а *ne dicas* скорее имело значение простого предостережения, успокоения³⁶).

И. М. Тронский видит в конъюнктивных прохибитивных конструкциях сохранение следов бывшего видового различия латинского глагола³⁷). Основываясь на комедиях Плавта, трудно что-либо говорить о видовом различии глаголов, составляющих данные конструкции.

Таким образом, какими бы разнообразными и противоречивыми ни были предположения лингвистов по вопросам, касающимся латинского прохибитива, все они сходятся в одном: конъюнктив-оптатив с древнейших времен обладал способностью выражать запрещение.

С образованием паратаксических пар конъюнктив с отрицанием не втягивается в эти соединения, а затем с формированием гипотаксиса приобретает функции придаточного предложения. Частица *ne*, служащая для образования запрещения, постепенно закрепляется в роли союзного слова. Соединения, состоящие из *quae*, *obsecro* *ego* и т. п. глаголов и конъюнктива с частицей *ne*, можно рассматривать и как паратаксис и как гипотаксис, напр., предложение *Ne interveneris, quae-so* (Mil., gl. 1333) можно трактовать как паратаксическое соединение, в котором *ne interveneris* является независимым конъюнктивом со значением «не мешайся» и как гипотаксис с придаточным дополнительным, *ne* имеет значение «чтобы не» и все предложение понимается как «Прошу, чтобы ты не мешался».

Такое же развитие получила и славянская частица «да». А. Мейе полагает, что первоначально эта частица, по-видимому, означала «так»³⁸). В старославянском языке основная функция данной частицы состояла в ведении глагола в изъявительном и повелительном наклонении, выражающем желаемое действие. Ср. да свАтитьсА имА твое, да придЕтъ цЕсарьство твоЭ (Матфей, VI, 9—10).

Когда предложения ставились рядом, то ДА могло иметь значение и как частицы восклицательной, и как союзного слова со значением «чтобы»: дасть имъ власть на доусЕхъ нечистыхъ да изгонАтъ А (Матфей, XI, 1). Здесь вполне понятен как первоначальный смысл: «Он дал им власть: пусть они изгонят», так и последующее значение: «Он дал им власть для того, чтобы они изгнали». Старославянский дает примеры, где ДА, безусловно, имеет значение «чтобы»: изид эсэ ј Аи да сЕЭтъ (Матфей, XIII, 3) «Пришел сеятель, чтобы сеять».

В древнерусском языке предложения с повелительной формой глагола могли принимать функции придаточного предложения цели. Т. П. Ломтев приводит такие примеры: «И дадут тому господину назадъ въ слуги: не бей челом и не затевай на господина своего ложно». «Молю тя прилежно, да пойдеши со мной в дом мой»³⁹).

Именно пары, подобные тем, о которых говорилось выше, и легли в основу сложноподчиненных предложений. Прохибитивный конъюнктив представлял собой уже вполне оформленную часть гипотаксического соединения. Таким образом, независимый конъюнктив с запретительной частицей *ne*, вероятно, и был в первую очередь втянут в подчинительную связь, а впоследствии по аналогии втягивается и побудительный конъюнктив.

³⁶) K. van der Heyde. L' aspect verbal en latin. Problèmes et résultats. Revue des études Latines. 1933, т. II, стр. 75 и сл. сл.

³⁷) И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М.-Л., 1953, стр. 213.

³⁸) А. Мейе. Указ. соч., стр. 391.

³⁹) Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 522.

Латинский язык в отличие от ряда индоевропейских языков (напр., славянских, греческого, индоиранских) почти не знает побудительного инфинитива. Отдельные случаи употребления инфинитива, как например, у Катона (Agr. 156, 7; 115, 2), Валерия Флакка (3, 412), Варрона (Rust. 1, 31; 35,5), Витрувия (6. 1. 2) и надписях (CIL I² 2174, CIL XIII 10017, 32)⁴⁰), говорят о том, что в принципе побудительная функция инфинитива не была чуждой латинскому языку.

Факт тесного соприкосновения независимого инфинитива в одной из своих функций с формами императива давно обратил на себя внимание лингвистов. Происхождение побудительного инфинитива попытались объяснить так же, как происхождение побудительного конъюнктива, с помощью эллипса. Так, А. А. Потебня полагал, что без предположения о подразумеваемом «ты должен» и т. п. выражений объяснить способность инфинитива выражать побуждение невозможно⁴¹). Э. Бенвенист находит решение проблемы инфинитива в функции побуждения в неопределенной природе корневой формы, которая в одном случае могла давать имя, в другом — выражать глагольную идею в виде императива. Это двойное — именное и глагольное — употребление, возможность которого была заложена в корневых формах, распространилось и на формы с суффиксами, в силу чего инфинитив вообще приобрел свойства дублировать повелительное наклонение⁴²).

В латинском же побудительная функция инфинитива не получила достаточного развития. Отсутствие инфинитива в системе побуждения латинского языка, по всей вероятности, было обусловлено соперничеством инфинитива и конъюнктива в синтаксическом строе латинского, приведшем к тому, что в определенной сфере употребления императив был оттеснен конъюнктивом, в частности, в сфере побуждения. На историческое взаимодействие инфинитива и конъюнктива указывал еще К. Бругман, отмечая общие оттенки значений той и другой формы⁴³). Общие семантические особенности и позволяли данным категориям взаимодействовать друг с другом. Так, в латинском языке при глаголах *volo, polo, malo, oro, obsecro, adhortor, moneo, iubeo* могут оказаться и придаточные предложения с *ut* и *ne* со сказуемым в форме конъюнктива, и оборот *accusativus cum infinitivo*. При императивах *iube, sine* для развернутого приказа употребляется конъюнктив или инфинитив действительного залога или оборот *acc. cum. inf. iube ergo adire* (Mil. gl. 1268) «Прикажи же подойти», при *iube* инфинитив *advire*. *Sine ultro veniat, quaeritet, lesideret, exspectet sine* (Mil. gl. 1244—45) «Позволь, пусть придет сама, пусть ищет, ждет, поступает», *Intro abi ergo et eam iube cito domum transire* (Mil. gl. 155) «Так иди скорее в дом и скажи, чтоб скорее домой перешла», При *sine, iube* у Плавта никогда не употребляется конъюнктив пассивный, а всегда оборот *accus. cum inf.* напр., *iube dari vinum* (Asin. 890) «Прикажи, чтобы дали вина».

В предложениях, выражающих предупреждение, совет, запрещение с помощью *save, veto, noli, fuge, mitte, omitte*, при одних употребляется конъюнктив, при других — инфинитив: *save, veto* после себя требуют конъюнктива, *noli, fuge, mitte, omitte* — инфинитива, хотя, казалось бы, что такие императивы, как *save* «остерегайся», *fuge* «избе-

⁴⁰) Stolz-Schmalz. Указ. соч., стр. 590—591.

⁴¹) А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1, 1888, стр. 411.

⁴²) Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 160—165.

⁴³) К. Бругманн. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Страсбург, 1904, стр. 603.

гай», заключающие в себе идею предостережения, должны были требовать после себя одинаковых форм.

Все эти факты свидетельствуют о семантической близости конъюнктива и инфинитива, а следовательно, о потенциальной возможности их заменять друг друга⁴⁴). Господство конъюнктивных форм в побудительных предложениях латинского языка поддерживалось, в частности, и чрезвычайно редким употреблением в этой системе инфинитивных форм.

Итак, мы присоединяемся к мнению тех, кто признает гипотезу о способности латинского конъюнктива самостоятельно выражать побуждение, но полагаем при этом (так же, как и те исследователи, которые оспаривают эту гипотезу), что конъюнктив не является абсолютным синонимом императива, и особенно это относится к периоду неразвитого гипотаксиса, когда господствующее положение занимало простое предложение. В самом деле, трудно уловить логику в рассуждениях тех, кто считает, что с самого начала своего возникновения конъюнктив выражал абсолютно то же понятие, что и императив. Почему понадобилось языку одно и то же значение выражать различными глагольными формами? Форма побудительного конъюнктива могла функционально сближаться с повелительным наклонением, но сохранять свою собственную семантику.

Нужно думать, что латинский конъюнктив, слившийся с оптативом, обладал способностью выражать побуждение менее категорического плана, где роль адресанта в какой-то мере была завуалирована, и подчеркивалось, что выполнение программы, заданной адресату, зависит от точки зрения на это действие самого адресата. Положение о том, что конъюнктив выражал побуждение именно с таким оттенком, подтверждают, на наш взгляд, следующие факты. Для выражения немотивированного, категорического побуждения индоевропейские — и не только индоевропейские — языки выработали специальное наклонение — императив. Все другие грамматические формы, грамматические конструкции, втянутые в систему побуждения, служат лишь для более тонкой дифференциации основных значений императива. Не случайно, как показывают наблюдения над побудительными конструкциями Плавта, слова, *peto*, *quaero*, *oro*, *obsecro*, *amabo*, придающие побуждению значение просьбы и даже мольбы, употребляются в основном с императивом, а не с конъюнктивом, который в своей форме содержал подобное значение. Появление конъюнктива в конструкциях с вышеназванными глаголами объясняется, как говорилось ранее, начавшимся процессом проникновения данного наклонения в сложные предложения. Как правило, именно при императиве употребляется и *sis < si vis* «если хочешь». Особенно выразительны места, где *si vis* сохраняет свое первоначальное значение, напр., *Si quid vis, adi, mulier* (Mil. gl. 1037). «Если что хочешь, подходи, женщина». *dicito si quid vis* (Amph. 388) «Говори, если что хочешь». *Utere atque impera si quid vis* (Aul 141) «Пользуйся и приказывай, если хочешь».

О смягченном характере побуждения, выражаемого конъюнктивом, говорит и употребление данного наклонения в 1-м лице множественного числа в независимых предложениях, напр. *Abeamus, ergo, intro* (Mil. gl. 944). «Пойдемте же в дом», где дается программа будущего действия не только адресату, но и адресанту. Характер пожела-

⁴⁴) Любопытно, что Э. Бенвенист в окончании греческого инфинитива — *ai* видит элемент, который служил для усиления инфинитива с увещательным значением. — См.: Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 160—162. (ср. элемент *-i-* в конъюнктиве, оптативе и каузативах).

ния, разрешения имеют побудительные предложения со сказуемым в 3 лице конъюктива.

В типологическом плане можно привести и русские побудительные предложения со сказуемым в форме сослагательного наклонения, которые передают просьбу с оттенком нерешительности, подчеркивая зависимость от адресата положение побуждающего или запрещающего, ср.: «Дал бы ты нам, батюшка, денек-другой на раздумье».

В готском языке опатив часто употребляется для выражения пожелания, просьбы, напр., *thairhgaggaima ju und Bethlahaim jah salvaime waurd thata waurthano* «Пойдем же в Вифлеем и посмотрим совершившееся слово», *Nu fraletais skalk theinana* «Отпусти раба твоего».

В кельтских языках сослагательное наклонение соответствует по значению сослагательному и желательному наклонениям, и выражает пожелание⁴⁵).

Такая же картина наблюдается и в языках других систем. Так, Д. В. Бубрих в финском языке выделяет специальное смягчительное повелительное наклонение⁴⁶), формы которого частично смешались с формами императива. Б. А. Серебренников возводит эти формы к некогда существовавшим в финском языке опативным формам⁴⁷).

Итак, латинский конъюнктив, первоначально выражавший, по всей вероятности, совет и просьбу, в связи с начавшимся процессом образования гипотаксических соединений, дававших больший простор для выражения тончайших оттенков мысли, в связи с потерей этим наклонением своей собственной семантики ввиду приобретения им новой функции подчинения, по аналогии с запретительными конструкциями постепенно начинает заменять и императив. Границы между функциями этих наклонений оказались очень текучими, что вызвало в силу требования стиля в ритмической прозе, а у поэтов еще и размера, замену императива конъюнктивом. С приобретением новой функции — функции подчинения — первоначальная функция конъюктива отошла на задний план, а вперед выдвинулось новое осмысление, что в свою очередь привело к тому, что поздние грамматики стали рассматривать эту функцию как основную и центральную. Поэтому, например, Прициан дает этому наклонению такое определение: «Четвертое наклонение — подчинительное, которое для законченного смысла нуждается не только в наречии или союзе, но и в другом глаголе...», хотя и Прициан подчеркивает: «Имея различные значения, оно получило свое имя от своего синтаксиса» (Prisc. VM, 68)⁴⁸).

⁴⁵) Г. Льюис и Х. Педерсон. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 323, 324, 326.

⁴⁶) Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1955.

⁴⁷) Б. А. Серебренников. Основные линии развития падежей и глагольной системы в уральских языках. М., 1964, стр. 146.

⁴⁸) Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1936, стр. 126, перевод П. В. Ернштедт.

В. Д. ФАТНЕВА

О ЛАТИНСКОМ NURUS

Термины родства составляют древнейший слой языка. Они уходят корнями в глубочайшую языковую общность. Термин, обозначающий невестку, жену сына, прошел почти через все индоевропейские языки, сохранился до наших дней, испытав на себе внутренние закономерности каждого из них: нем. Schnur., восходящее к общегерманскому *snuzos*, лат. *nurus*¹⁾.

О. Н. Трубачев славянское *снѣха*, вслед за Бругманом и Видеманом, возводит к индоевропейскому **seneu*/senou* — «связывать». В основе слова «снѣха» представлена краткая ступень чередования *eu* (*our*) и. Он сравнивает славянское «снѣха» с немецким *Schnur*, имеющим два значения: «снѣха» и веревка. Трубачев, исходя из ие. глагольной основы **seneu* — «связывать», первичным значением считает значение «веревка», вторичным же — «сноха»: *сноха* — это привязывающая сына к дому. Бругман и Видеман считают греческое *νευρα*, *νευρον* «веревка» результатом развития индоевропейского **seneu* —. Указав генетическую связь между ие. **seneu* — греч. *νευρα* и лат. *nurus*, они приводят в качестве аналогии существующую связь между латинским глаголом *pubere* «связывать, выходить замуж», старослав. *снубити* «любить», до сих пор сохранившим корень и значение в диалектной форме «засноба», «любимая». Сюда же относится греч. *νυμφη* «невеста», «молoduха»²⁾.

Клюге, разбирая этимологию немецкого слова *Schnur* «веревка», «сноха», предполагает, что оно восходит к ие *snpus* с и долгим и кратким в основе. В доказательство он приводит швабские формы *Söhnin*, *Söhnerin*³⁾. Но это могли быть уже более поздние образования, возникшие в результате этимологии, или по аналогии с женскими фамилиями на *-in*, создавшиеся особенно активно в XVI—XVII вв.

Не подтверждается такое происхождение немецкого *Schnur* и материалами славянских языков; правда, в материалах по словарю древнерусского языка М. Е. Срезневского имеется форма *сыноха*⁴⁾. Но она встречается лишь один раз, и А. Преображенский считает, что здесь допущена ошибка писцом. В качестве исходной, индоевропейской

¹⁾ А. А. Зализняк. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. Сб. «Этимология», 1964, М., 1965, стр. 197.

²⁾ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства, М., 1959, стр. 131—133.

³⁾ F. Kenge. Etymologisches Wörterbuch des deutschen sprache, 1907.

⁴⁾ М. Е. Срезневский. Материалы по словарю древнерусского языка. Т. третий, стр. 872.

основы для этого слова он приводит основу **sepeu-*, **sepoi-*, указанную Бругманом и Видеманом⁵⁾.

Вальде указывает, что лат. *pugus* встречается, начиная с Цецилия и Теренция (второй век до н. э.). Часто можно найти его в народной латыни, а в романских языках оно сохранилось в форме *puga/poga* (-o-, очевидно, произошло из -i- под воздействием таких основ, как *soctus*, *socta*). *Poga* — более поздняя форма. Вальде не согласен с теми исследователями, которые говорят о возможности возникновения лат. *pugus* от глагола, обозначающего понятие «связывать», и полагает, что ие. основа **spusos* нашла отражение в греч. *υπος*, арм. *pu*, гел. *spuou*, в древнеинд. *spasa*, средне-нижненем. *spage*. Ср. албанское *puse*. Предположительно Вальде образует лат. *pugus* от глагольного корня **snud* — «течь»⁶⁾.

В семантическом отношении эта гипотеза не убедительна. О происхождении лат. *pugus*, герм. *spuog*, слав. *снѣха* высказано в основном три мнения.

Согласно концепции о происхождении лат. *pugus* от ие. корня **sepeu-* и генетической близости его с греч. *νευρα*, оно имело бы в основе исконное г. В этом случае санскритское *snūsa* остается в стороне, ибо оно имеет в конце основы -s, которое в славянском соответствует -х-, ср. *снѣха*.

Но, как уже говорилось выше, Вальде возражает против такой этимологии. В качестве индоевропейской формы уже Клюге предполагает **spusos*. -o конечно, очевидно, было долгим, так как в славянских языках мы имеем «а». Тот факт, что славянское «а» находится под ударением, свидетельствует о большом возрасте этого слова⁷⁾. Немецкая форма *Schnug*, вероятнее всего, является омонимом, получившимся в результате развития двух слов, восходящих к различным индоевропейским корням и имеющим совершенно различные основы. Слово *Schnug* «веревка» этимологически связано с индоевропейским глаголом **sepeu* — «связывать» и соответствует греческому *νευρα* «веревка, струна». *Schnug* в значении «сноха», «невестка», надо полагать, является родственным латинскому *pugus*, санскритскому *snusa*, то есть оно восходит к общегерманскому **spuzos*, имевшему конечное -z, а конечное -g приобрело приблизительно в пятом веке н. э. в результате процесса германского ротацизма, который затронул в основном конечное -z⁸⁾. Первоначальное -z в германском **spuzos* подтверждает и крымско-готская форма *shnos*, сохранившая его без изменения⁹⁾. Можно предположить, что смещение этих двух основ в германских языках произошло сравнительно рано, потому что в средненемецком и для «веревки», и для «снохи» имеется один и тот же звуковой комплекс *spuog*, *spug*, и лишь форма *spog*, *spag* имеет отличие в огласовке¹⁰⁾. Латинское *pugus* на месте -s- получило -g- в результате процесса ротацизма, который завершен был к четвертому веку до н. э. Следовательно, слово это существовало уже в тот период, когда переход интервокального -s- в -g- еще не прекратился. Вальде полагает родство этого латинского слова с греческим *υπος* «невестка, жена сына», где -s- между гласными

⁵⁾ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. 1910—1915, ук. слово.

⁶⁾ A. Walde—J. B. Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1938—543.

⁷⁾ F. Kluge. Там же.

⁸⁾ Е. А. Макаев. Рунические надписи. М., 1965, стр. 28.

⁹⁾ Hermann Paul. Grundriss der germanischen Philologie Bd. I, 1901, s., 576.

¹⁰⁾ Malthias Lexer's Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, Leipzig, 1962, s., 202.

сначала перешло в *х*, а затем исчезло¹¹⁾). Этот фонетический процесс в греческом языке закончился очень рано. Слово *νυος* подверглось его воздействию, что свидетельствует о его раннем возникновении. Переход *це *s* в слав. *-х-* более поздний.

Итак, немецкое *Schnur* — «сноха» восходит к общегерманскому **snuzos*, соответствует лат. *puvus*, греч. *νυος* (общеиндоевропейская основа — **snusos*).

В качестве индоевропейской эту основу выдвигал уже Клюге, сравнивая ее по типу образования со швабскими формами *söhni*, *söhnerin*. К. Бругман предполагал, что индоевропейское *snusos* могло иметь долгую и краткую гласную в основе. Основа *с* и долгим закрепилась в балтийских, славянских, индийских языках; *с* и кратким в германских¹²⁾. Но Лексер приводит две засвидетельствованные в средневерхненемецком языке основы *sun*, *suon*, *son*, *sun*¹³⁾. Исчезнув после *с* в корне слова, гласный, возможно даже долгий, в немецком *snur* не оставил никакого о себе следа. То же самое наблюдается и в славянских языках, где *и* долгое должно было в корне перейти в *ы* или отразиться как *ъ*, если ступень была краткой. Правда, Трубачев указывает на южнославянскую форму «сыноха»¹⁴⁾. Но ее нераспространенность, употребление лишь в отдельной местности свидетельствует о ее диалектном истолковании. Обращает на себя внимание и то, что латинское *puvus* и греческое *νυος* вообще утратили *с* начальное. Если бы оно подпиралось последующим гласным, то в греческом отразилось бы как *х*, а в латинском сохранилось бы без изменения¹⁵⁾. Создается впечатление, что индоевропейская основа **snusos* образована от другого корня. Г. С. Клычков отмечает, что *с* индоевропейское перед сонантом *п* могло отпадать в греческом и латинском, сохраняясь без изменения в славянских, германских, кельтских, индо-иранских языках, сравни: ие. **sneigh*,

греч. *νίφα*, лат. *nix*, *nivis*, авест. *enaezat*, гот. *snaios*, ирл. *sneht*, лит. *snegas*, слав. *снегъ*. *Snusos* дает греч *νυος*, лат. *puvus*, санскр. *snusa*, крымско-готское *shnos*, нем. *schnur*, слав. *снъха*. По-видимому, в этом ряде слов мы имеем индоевропейский корень, содержащий «*s*» mobile.

Лат. *puvus* «молодая женщина, жена сына», «невестка». То же самое значение имеет греч. *νυος*. Известно, что в латинском языке наряду с этим обозначением замужних женщин существует еще несколько названий: *mulier* — «женщина, всякое женское начало», *ихог* — «жена, супруга», *femina* — «кормящая женщина»¹⁶⁾.

Nigus — это молодая женщина. Уже сам возраст ее обязывает подчиняться приказаниям старших, исполнять их волю. Отсюда можно предположить, что основа индоевропейского **snusos* образована от глагола, который выражает поведение, понуждает к действию¹⁷⁾.

В древнеинд. языке имеется пять глагольных корней, очень близких между собой, со значением «погонять, принуждать»; *ksnu*, *snu*, *pu*,

11) А. Walde-J. В. Hofmann. Там же.

12) О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 48—49.

13) Matthias Lexer. Указ. соч., стр. 218.

14) О. Н. Трубачев. Указ соч., стр. 31—133.

15) Г. С. Клычков. Индоевропейское «S» и некоторые вопросы ларингальной теории. Сб. «Процессы развития в языке». Под редакцией Т. А. Дегтяревой М., 1959, стр. 21.

16) А. Walde-J. В. Hofmann. Указ. соч., стр. 476.

17) См.: Г. А. Чупина. Диссертация, гл. первая.

hpu, su, причем Уитней указывает, что, по его мнению, глагол hpu — наиболее поздний¹⁸⁾.

Очевидно, один из этих глаголов, скорее всего spu, и положен в основу *spusos — «молодая жена», «невестка».

Таким образом, ие. *spusos основа является древнейшим образованием, отразившимся почти во всех индоевропейских языках. Как нам кажется, этимологически оно связано не с глаголом *sepeu* — «связывать» и не с индоевропейской основой *supus* — «сын», оно является образованием от побудительного глагола *spu* — «погонять, принуждать» с начальным «s» mobile. Возможно, оно включает в себе оттенок страдательности. Греческая форма *υπος* дает возможность предположить, что первоначально это было отглагольное прилагательное, у которого окончание мужского и женского рода было общим — -os.

¹⁸⁾ Whitney. Indische Grammatik. L., 1879, s. 231, § 626.

Л. В. ДОРОВСКИХ

К ВОПРОСУ ОБ ОКОНЧАНИИ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА I-ОСНОВ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Памятники латинского языка показывают, что имена существительные *i*-основ имели в литературный период развития латыни в винительном падеже единственного числа окончание *-em*, за исключением немногих слов, в которых выступает окончание *-im*. Этими последними являются формы *vim* (*vis* «сила»), *sitim* (*sitis* «жажда»), *tussim* (*tussis* «кашель»), *amussim* (обычно *examussim* или *adamussim*; *amussis* «линейка»), *burim* (*buris* «рукоять сохи»), *cucumim* (*cucumis* «огурец»), *lutim* (*futis* «сосуд для воды»), *gavim* (*gavis* «хрипота»), *gumim* (*gumis* «сосок»)¹). Некоторые имена существительные принимают оба окончания; у одних авторов они засвидетельствованы с окончанием *-im*, а у других — с окончанием *-em* (*bipennis* «обоюдоострая секира», *securis* «боевая секира, топор», *sementis* «посев, сеяние», *strigilis* «скребица, чесалка»; *lens* «чечевица», *pars* «часть»; *classis* «разряд, класс», *clavis* «ключ, засов», *cratis* «плетень, изгородь», *cutis* «кожа», *febris* «лихорадка», *messis* «жатва», *navis* «корабль», *neptis* «внучка», *pelvis* «таз, лохань», *ruppis* «корма», *ratis* «плот, паром», *restis* «веревка, канат», *turgis* «башня», *vectis* «рычаг»)²). Окончание *-im* в винительном падеже единственного числа встречается также в названиях италийских рек (ср. *Tiberim* в Законах XII таблиц) и в заимствованных из греческого именах на *-is* (напр., *basis* «основание», *sapparis* «кустарник каперса», *haeresis* «учение, школа, направление»)³). Кроме того, окончание *-im* сохраняют некоторые превратившиеся в наречия формы аккузатива ед. ч. *i*-основ существительных (*partim* «частью, частично», *statim* «тотчас», *affatim* «довольно, достаточно», *adamussim* «ровно, точно», *examussim* «прямо, по линейке, правильно»).

Сохранившиеся в языке формы на *-im*, а также сравнения с данными других индоевропейских языков (ср.: гр. *πόλις* «город»; скр. *agnim* «огонь», *mátim* «мысль»; лит. *nósi* «нос», *ùsnì* «осот», *avi* «овцу»; гот. *gast* из **gasti(n)* «врага», *qen* из **kwǫni(n)* «жену»⁴); хетт. *halkin* «зерновой хлеб», *tuzzin* «войско» *hulukannin* «краеугольный камень»; ст.-сл. ПЖТЬ «путь», КОСТЬ «кость», где *-ь* из *-*im*; осск. *slagim* «regionem», *sakrim* «hostiam»); говорят о том, что латинские *i*-основы имели первоначально окончание *-im*. Окончание *-em* было вначале свойственно только согласным основам (и-е. *-m* давало в латыни *-em*).

¹) Используется перечень форм, приведенных в книге, Fr. Neue. Formenlehre der lateinischen Sprache. Т. 1, 1866, s. 198—199.

²) Там же, стр. 199—205.

³) Там же, стр. 207—208.

⁴) М. М. Гухман. Готский язык. М., 1958, стр. 82.

По вопросу о том, каким образом латинские *i*-основы приобрели окончание *-em*, в лингвистической литературе имеются различные точки зрения.

Так, А. Эрну в своей работе «Morphologie historique du Latin» (Paris, 1945), следуя за А. Мейе, полагает, что *-em* в *i*-основах фонетически восходит к *-im*⁵⁾. Сохранившиеся же в языке формы на *-im*, по их мнению, восходят к основам на *-î*⁶⁾. К последним, несомненно, относится *vis*, которое всегда имеет в винительном падеже ед. ч. форму *vim*. Объяснение других форм на *-im* принадлежностью к первоначальным *i*-основам не представляется убедительным хотя бы потому, что приводимые А. Эрну формы касаются слов, которые имеют параллельные образования на *-im* и *-em*, причем последние встречаются чаще.

Другие ученые (Ф. Зоммер, В. М. Линдсей, Л. Р. Палмер, Е. Кикерс, Ф. Штольц, И. М. Тронский)⁷⁾ считают появление окончания *-em* в *i*-основах результатом смещения согласных основ и *i*-основ, о котором, как указывает В. М. Линдсей, говорят латинские грамматики уже с Варрона⁸⁾. Но под влиянием каких факторов это смещение могло произойти, об этом исследователи умалчивают. В этом смысле логика, кажется, на стороне А. Мейе, А. Эрну и всех тех, кто видит в появлении *-em* простую фонетическую закономерность. Действительно, с этой точки зрения все просто и понятно: *-im* > *em*, а там, где *-im* сохраняется, оно должно восходить к *-*im*. Однако примеры не всегда могут это убедительно подтвердить, и, хотя появление *-im* в словах с долгой *i*-основой можно было объяснить действием аналогии, влиянием основ с *-i*, долгота *i* в словах, имеющих в аккузативе ед. ч. только окончание *-im*, не всегда может быть доказана.

И. М. Тронский полагает, что окончание *-em* было распространено из согласных основ на *i*-основы и что некоторые из слов, сохранивших окончание *-im*, относились к основам на *-î* и лишь впоследствии примкнули к более распространенному типу основ на *-i*, и в подтверждение этого приводит сложные слова, содержащие это долгое *-i* (*clavicula*, *febriculosus*)⁹⁾, и данные других индоевропейских языков (лат. *neptis* — ср. др.-инд. *partih*; лат. *pelvis* — ср. др.-инд. *pālavî*); в сохранении *-im* он усматривает диалектное влияние оского языка¹⁰⁾.

Мы придерживаемся мнения тех ученых, которые рассматривают окончание *-em* в основах на *-i* как результат воздействия согласных основ. В истории развития латинского третьего склонения имело место

⁵⁾ А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 73.

⁶⁾ См.: А. Meillet. De quelques innovations de la declinaison Latine. Paris, 1906, стр. 30 (*-im* только из *-im*, а *-em* возникло из *im*). Ссылка делается по книге Ф. Зоммера. (См. сноску 7.).

⁷⁾ F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut-und Formenlehre. Heidelberg, 1948, s. 374; W. M. Lindsay. Die lateinische Sprache. Leipzig, 1897, s. 445; и В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 54; L. R. Palmer. The latin language. London, 1954, p. 248; E. Kieckers. Historische lateinische Grammatik. T. 1, München, 1930, s. 77 F. Stolz-Schmalz. Lateinische Grammatik. München, 1928, s. 266; И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 160—161.

⁸⁾ См.: W. M. Lindsay. Die lateinische Sprache. Leipzig, 1897, S. 445.

⁹⁾ Относительно приводимых И. М. Тронским слов следует заметить, что имеющиеся словари латинского языка расходятся при определении количества *i*. Так, в «Lateinisches etymologisches Wörterbuch» А. Walde (Heidelberg, 1954) имеем, с одной стороны *clavicula*, *craticula*, *febriculosus*, а с другой стороны, *febricula* (*craticula*, ?, metr. nicht belegt), *turricula*.

¹⁰⁾ И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 161.

смешение основ двух типов, которое произошло в глубокой древности, а сохранившиеся формы на *-im* должны рассматриваться как пережиточные. Установить хотя бы приблизительно хронологическую границу этого смешения невозможно: нет языковых данных, позволяющих это сделать. Во всяком случае, Законы XII таблиц говорят о том, что к периоду их написания это смешение основ на *-i-* и согласных основ в латинском языке должно было завершиться (См. Табл. III, 7: *Adversus hostem* (выделено нами.—Л. Д.) *aeterna auctoritas (esto)*)¹¹⁾.

На наш взгляд, в распространении окончания *-em* на *i-*основы большую роль сыграли наречия на *-im*.

Е. Курилович в своей статье «Заметки о сравнительной степени» говорит о том, что «окаменение падежной формы абстрактного имени часто приводит к изменению «падежное окончание > наречный суффикс»¹²⁾, а «переход ... падежная форма > наречие соответствует ... сужению употребления рассматриваемой морфемы (суффикса, предлога, окончания)»¹³⁾. Поэтому употребление некоторых форм аккузатива ед. ч. *i-*основ существительных в роли наречий должно было повести к сужению употребления этой морфемы в склоняемых формах, где получило широкое распространение окончание *-em* согласных основ. Здесь, видимо, сыграло роль также то обстоятельство, что каждый язык стремится к грамматической однозначности, к выражению одного и того же значения с помощью одних и тех же словообразовательных средств¹⁴⁾.

Закреплению в наречиях окончания *-im*, по-видимому, могло способствовать наличие в языке местоименных наречных форм на *-im* (*illim*, *olim* и т. п.).

Почему же случилось так, что не все формы в языке восприняли новое окончание *-em* согласных основ?

Как выше уже было отмечено, И. М. Тронский объясняет сохранение форм на *-im* диалектным влиянием осского языка. Действительно, осский язык в аккузативе ед. ч. *i-*основ сохранил окончание *-im*, в то время как согласные основы заменяют окончание *-em* в винительном падеже ед. ч. окончанием *o-*основ¹⁵⁾. Осский винительный падеж мог повлиять на формы латинских *i-*основ. Особенно это становится понятным, если учесть, что большая часть слов, имеющих окончание *-im* или колебание окончаний *-im/-em* в аккузативе ед. ч., относится к терминологической лексике сельского хозяйства и морского дела¹⁶⁾. А не учитывать значение сабинских элементов в латинской сельскохозяйственной терминологии нельзя, так же как и то, что в морском деле римляне соприкасались с кампанскими осками¹⁷⁾.

Ограниченное использование большей части этих слов, специфика их употребления в языке людей определенной профессиональной принадлежности, видимо, может в какой-то мере объяснить их отступление от общих языковых норм: общеизвестно, что терминологическая лексика отличается часто от форм литературных (ср.: *компас*, с ударением, отличным от литературного, в языке моряков).

¹¹⁾ Используется текст законов, приведенный в книге Б. В. Никольского «XII таблиц. Сводный текст отрывков XII таблиц со свидетельствами древних и указателями». Спб., 1897.

¹²⁾ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 228.

¹³⁾ Е. Курилович. Проблема классификации падежей. Там же, стр. 182.

¹⁴⁾ См.: В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 112.

¹⁵⁾ См.: С. D. Buck. *Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte*. Heidelberg, 1905, S. 150, п. 4; G. Bottigliani. *Menuele dei dialetti italici*. Bolognia, 1954, p. 114, 29.

¹⁶⁾ См. А. Эрну. Указ. соч., стр. 74; И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 161.

¹⁷⁾ См. И. М. Тронский. Там же.

Сохранению *-im* в таких формах, как *amussim*, *ad amussim* (раздельно еще у Варрона)¹⁸), *ad fatim* (еще у Плавта раздельное написание, см.: Роеп. 534), могло способствовать их наречное употребление: эти формы имели наречное значение и в другом значении в языке не употреблялись.

Таким образом, первоначальным окончанием *i*-основ в латинском языке было окончание *-im*, что подтверждается как пережиточными латинскими формами, так и данными других индоевропейских языков. Окончание *-em* проникло в *i*-основы из согласных основ. Распространению окончания *-em* согласных основ на *i*-основы способствовало превращение некоторых форм винительного падежа ед. ч. существительных *i*-основ в наречия, что привело к восприятию *-im* как наречного суффикса.

¹⁸) См.: A. Walde—J. B. Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: T. 1, Heidelberg, 1938, s. 43.

Э. Ф. МОЛИНА

LIVIA

Поскольку известно, что собственные имена в древнем Риме возникли из окружающей природы, отражая культурный и хозяйственный уровень населения, мы имеем право искать даже в таком неясном по своей семантике имени, как *Livius/Livia* сельскохозяйственную основу. На эти мысли наводят нас такие ранние имена, как *Fabius* (от слова *fabā* «боб»), *Cicēgo* (от слова *cicēg* «горох»), *Lentulus* (Цицерон производит это имя от понятия «чечевица»), *Hortensius* «садовый» (от слова *hortus*) и т. д.

Имя *Livius/Livia* рано появилось в истории древнего Рима. Мы знаем писателя Ливия Андроника (284—204 гг. до н. э.), одного из первых, писавших на латинском языке. Из сочетания *Livius Andronicus* можно сделать вывод, что он был греком. Традиция говорит, что он был уроженцем южной Италии, попал в плен к римлянам, был рабом некоего Ливия, который впоследствии отпустил его на волю, дав ему своё имя Ливий. Следовательно, род Ливиев уходит в глубь четвёртого века, но дальше проследить его нельзя. Известно, что это был плебейский род, так как несколько представителей его в разное время были народными трибунами. В истории Рима Ливии встречаются не раз, но в рамках данной статьи они нас не интересуют, хотя среди них были такие, как историк Тит Ливий, уроженец Патувии, и Ливия, жена Октавиана Августа.

Если поискать среди сельскохозяйственных культур такие названия, которых отвечали бы звуковому составу родового названия Ливиев, то мы на первый взгляд не найдем их. Хочу, однако, напомнить об одной культуре, чрезвычайно распространённой как в Греции, так и в Италии не только в поздние, то есть исторические времена, но и в ранние, дописьменные. Уже Микенская Греция (второе тысячелетие до н. э.) знала культуру маслины¹⁾. Ветка маслины даже почиталась символом мира. Ведь дереву необходим ни один год спокойного роста, чтобы плодоносить, следовательно, только в условиях мира оно могло быть полезным человеку. Дерево достигает весьма большого возраста (до 1000 лет), а расцвет его плодоношения падает на возраст от сорока до ста лет. Заслуживает внимания обстоятельство, что оно легко повреждается в холодную погоду и не является морозоустойчивым растением.

В силлабариях Кносса на Крите и Пилоса в Пелопоннесе, представляющих собой, в сущности, идеограммы, встречаются специальные знаки, обозначающие маслину. В богатой спортивными состязаниями Греции

¹⁾ С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. 1957, стр. 243.
Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 5, S. 480.

венки из оливковых веток были наградой победителю. Плоды этого дерева шли на питание, как и сейчас. Кроме того, высоко ценилось растительное масло, которое добывалось из маслины. История культуры маслины теряется в глубокой древности. Еще царь Соломон покровительствовал разведению маслины, но далее на Восток, в глубь Азии, культура маслины не продвигается. Египет тоже не знал оливкового масла. Культура оливы постепенно распространялась по всему Средиземноморскому бассейну, двигаясь с востока на запад. Она была распространена на островах и по Ионийскому побережью Малой Азии, а Афины в древности считались преимущественным местом произрастания маслины. Даже Солон (639—559) коснулся в некоторых законах возделывания маслины. Маслина находит себе новую родину не только в южной Италии, не только в плодороднейшей Сицилии (шестой век до н. э.), но и перекочевывает в Испанию и даже приживается на северном побережье Средиземного моря, на юге современной Франции. Там культура оливы стала занимать большое место среди других сельскохозяйственных культур. Недаром мы и сейчас знаем знаменитое «прованское» масло, названное так по завоёванной римлянами провинции.

Маслина в древнегреческом языке называлась *ελαια/ελαιη*; продукт же — масло — оформлялся как существительное среднего рода *ελαιον*. Форма этого греческого слова является поздней, так как утрачена дигамма между гласными. Ранняя форма звучала *ελαιΓα, ελαιFov*.

В латинском же языке это слово представляет вариант к греческому. Оно звучит *oliva*. Греческий дифтонг перешёл в долгое *i*. Наличие *v* в латинской форме говорит об очень раннем ответвлении ее. В греческом сохраняется дигамма в гомеровский период, после него теряется. Следовательно, слово *oliva* прижилось в Италии не позднее VII века до н. э.

Несколькими веками позже Катон (234—141) знает уже более сокращённую форму, с исчезновением звука *v*. У него постоянно встречается слово *olea* «маслина» и *oleum* «масло», а также производные от этой упрощённой формы *oletum* «оливковая роща» вместо *olivetum* (Cic. Hirt.), *oleitas* «сбори́ние маслин» вместо *olivitas*. Без видимой разницы в значении употребляется *olearius* и *olivarius* как у Плавта (254—184), так и у Колумеллы. Таким образом, создаётся впечатление, что в практике выращивания оливковых рощ и выделывания масла предпочтение отдаётся новому выражению, тогда как архаическая форма даже для того времени остаётся в удел поэтам.

Дальнейшее продвижение этого слова идёт по двум руслам: на северо-восток и на запад. Греческая форма *ελαιον* (без дигаммы) проникает в старославянский и русский языки, где становится словом, связанным с культовой лексикой: елей. Самая форма сс. елЕи и русск. елей говорят за то, что заимствование проходило ещё в тот период, когда греческий дифтонг *ai* отражается в виде *ять*. В германские же языки²⁾ латинское *olea, oleum* проникает в VII—VIII вв. н. э. через посредство монастырей: днв. *olei, oli*, срвн. *ole, ol, olei, öle, öl*. Здесь мы наблюдаем характерный для немецкого языка умлаут звука *o*, вызванный присутствием следующего гласного звука переднего ряда. Далее мы видим старосаксонскую форму *olig*, голландскую *oli*, древнеанглийскую *ele*. Готское же слово *alew* является заимствованием не из латинского языка. Западно- и южнославянские языки заимствовали выражение, обозначающее растительное масло, из латинского, очевид-

²⁾ F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache, 1909, S. 337.

но, при посредничестве немецкого языка. Словенское *olej*, *olje*, *ulje*, *oli*, серб. *olej* «льняное масло», *ulja* «деревянное масло», чеш. *olej*, польское *olej* вл. *voly*, нл. *volej*. Надо отметить, что в это время слово теряет свою специфичность; оно обозначает не только оливковое масло, а растительное масло вообще, то есть льняное, деревянное и т. д.

Таким образом, надо считать, что слово дважды вошло в латинский язык, в первый раз в его фонетически полной форме, то есть греч. $\epsilon\lambda\alpha\iota\Gamma\alpha$ > лат. *oliva*, а второй раз в значительно более поздний период, уже после утраты F-v, то есть греческое $\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ > латинское *oleum*. Остаётся нерешенным вопрос, почему при одной и той же основе греческий и латинский языки имеют различный начальный звук ϵ и *o*. Большинство авторов даже не останавливаются на этом факте.

Вальде³), однако, считает, что латинское слово *oliva* перешло из индоевропейского **elaiva* так же, как греческое $\epsilon\lambda\alpha\iota\Gamma\alpha$ «маслина», что латинское *oleum* развилось из индоевропейского **oleom*/**oleiuon*, как и греческое $\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ «масло», что индоевропейское *el* > латинское *ol* в предударном слоге. А -l- может быть вторым элементом дифтонга, причём индоевропейское **el* > латинское -ul/-ol.

Наблюдения⁴) над греческими протезами заставляют подумать ещё об одной возможности. Мы знаем, что в греческом языке перед начальным плавным может появляться гласный звук — протеза. Греческому слову $\omicron\nu\omicron\alpha$ соответствует латинское слово *popen*, а греческому $\epsilon\rho\upsilon\theta\rho\varsigma$ латинское *guber* (без начального гласного). Поэтому можно считать, что слово *oliva* является заимствованием из греческого. Отсюда вытекает, что *oliva* на итальянской почве, утратив начальный гласный звук, все же продолжала существовать. Оно приняло суффикс поссесивности, который мы видим во многих родовых именах, именно -ius. Таким образом, создалось на первых порах собственное имя, не *olivius/olivia*, а *Livius/Livia*, родовое обозначение, просуществовавшее много веков и напоминающее о сельскохозяйственной основе римского государства. Имя же *Olivia*, появившееся много веков спустя в английской литературе, у Шекспира, так же как и мужское имя *Oliver* (сравни: *Oliver Cromwell*), обязано, очевидно, своим происхождением старофранцузской лексике *olive* или *olivier* «оливковое дерево»⁵).

Нам известно, что один и тот же звукокомплекс может обозначать в зависимости от ландшафта совершенно различные предметы: Если для новой географической среды выражение теряет своё содержание, так как в новом месте в силу климатических условий или других причин нет того же растения, того же животного, того же явления, что в прежней среде, то слово применяется для обозначения другого жизненного проявления, которое или по внешнему виду, или по другому признаку близко подходит к первоначальному. С таким положением мы и встречаемся в данном случае.

Культура маслины привязана к средиземноморью, маслина в более северных, более холодных районах Европы не произрастает. Здесь слово обозначает другое дерево, другой плод, внешне схожий с маслиной. Это славянское слово *слива*, обозначающее как дерево, так и плод.

Во всех славянских языках⁶) оно сохраняет именно этот звуковой

³) A. Walde—Hofmann. Etym. Wörterbuch der lateinischen Sprache 1938.—1954, Bd. II 205.

⁴) Ф. А. Никитина. Протетические гласные древнегреческого языка как рефлексy и.-е. щелевых. ВЯ, 1962, № 1, стр. 83.

⁵) В. Ф. Шишмарев. Старофранцузский словарь, 1955.

⁶) А. Преображенский. Этим. слов. русского языка. М., 1910—1914, стр. 321—322.

состав: в старославянском, украинском, белорусском, русском, болгарском — слива, в чешском — slíva, в польском — sliva, в верхнелужицком — slovke, нижнелужицком — eluva, в полабском — slaivena; наконец, в балтийских языках: в литовском — slyva, slyvas, в прусском — slī'tos — везде с тем же значением.

Интересно, что в словенском языке слово встречается и со вторым значением. Прилагательное sliv «синий» получило, очевидно, своё название по тёмно-синему цвету плодов. Таких явлений в языке мы наблюдаем много. Развитие понятия «цвет, окраска» идёт часто от названия растения. Напомню о таких оттенках, как «вишнёвый» от слова «вишня», малиновый — от «малина», фисташковый, персиковый, салатный, оливковый. Надо подчеркнуть, что в латинском нет обозначения понятия «голубой, синий» его заменяет выражение caeruleus «небесный» от caelum «небо». В этом слове произошла замена одного плавного другим во избежание повторения звука (вместо *caeluleus). Как типологическую параллель можно привести русское «небесный», а в диалектах — поднебёсный.

Если рассмотреть звуковой состав славянского слова «слива», то окажется, что оно в точности совпадает со словом «олива». Здесь налицо и долгий гласный -i-, происшедший из дифтонга, налицо звук -v-, который так рано исчезает из греческого слова. Здесь налицо даже грамматическое оформление слова в женском роде. Правда, для индоевропейских языков это вполне естественно. Во всех плодоносящих деревьях усматривается прежде всего женское начало, которое даёт жизнь новому поколению.

Но звуковое оформление слова «слива» всё же существенно отличается от греческого ελαιφα, латинского oliva. В славянских языках мы везде встречаемся с начальным звуком -s-, на месте которого классические языки имеют гласный звук e/o. Это явление вполне закономерное⁷⁾. Начальное s- и начальное придыхание h- соответствуют друг другу (сравни: латинское sal, греческое αλς «соль»; готское hliupa, славянское слух) в одних и тех же корнях. Более того, перед плавными в греческом языке выделяются гласные звуки-протезы, происшедшие из щелевых.

Цитирую: «В настоящее время есть возможность говорить не о связи между отдельными разрозненными словами с s mobile и протетическими гласными, а о группе родственных слов, где устанавливается чёткое чередование: «s mobile → протетический гласный → нуль звука»⁸⁾. При этом возникновение протетической гласной в греческом языке из ларингального и переход начального s- в густое придыхание — это также явление хронологически близкое»⁹⁾.

Таким образом, для нас вполне ясно, что три слова: слива, ελαιφα, oliva представляют один и тот же корень, попавший в разную произносительную среду. Не подлежит никакому сомнению, что и латинские имена Livius/Livia закономерно относятся к этому ряду с нулём начального звука.

К этой же основе относится ещё несколько производных латинских слов, но со значением «синева, синий, синеватый», подобие которых мы видели в словенском языке. Я имею в виду существительное livor (уже

7) Г. С. Клычков. И.-е. S и некоторые вопросы ларингальной теории. «Процессы развития в языке», М., 1959, стр. 27.

8) Ф. А. Никитина. Указ. соч.

9) Г. С. Клычков. Указ. соч.

у Плавта), прилагательное *lividus*, глаголы *liveo* и *livesco* «посинеть от зависти» и производное от этих слов *livedo* «зависть».

Кельтские языки тоже знают этот корень, но без начального *s-*, в значении уже не сливы как таковой, а её внешнего облика, её цвета. В древнеирландском существовало слово *lí* «свет, блеск», в кимврском — *!liw*, в древнекорнском — *liu*, в новокорнском — *liw* с тем же значением, древнебретонское — *livu* «родника, родимое пятно»¹⁰). И, наконец даже цитируется галльское имя *Livo*¹¹), очень близкое нашему *Livius*, но только лишённое латинского патронимического суффикса.

Следует напомнить, что все приведённые понятия связаны через латинское *Livor* с представлениями о маслине и её зелёно-буром цвете.

На этом можно было бы поставить точку, если б не возник вопрос: проник ли данный корень в германские языки и в каком виде он выступает здесь?

Мы знаем, что германские языки склонны сохранять, где только можно, начальное *s-*. Клуге и Вальде-Гофман отрицают наличие данного корня в готском языке, будто бы он «случайно» не сохранился. Но так ли это? Клуге¹²) несколько произвольно восстанавливает (правда, исходя из современного немецкого выражения *Schlehe*) готские формы: **slaiho* < **slaihwo* и параллельно — **slaiwa*, которую Клуге соотносит со славянской формой «слива».

Хотелось бы по этому поводу высказать свою точку зрения. Современная лингвистика¹³) установила, что между начальным *s-* и начальным *h-* существуют совершенно определённые закономерности и незыблемые взаимоотношения. Там, где «*s*» невозможно, бывает возможным придыхательный звук. Восстановим соответствующую форму; к славянскому слову «слива» — индоевропейскую форму **slaiw-*. Проследим переход этой формы на почву готского языка, где начальное *s-* закономерно заменилось начальным *h-*. В результате получается готское **hlaiw-*. А такое слово готский язык сохранил. Правда, орфография несколько иная, но обосновать ее можно. В готском языке мы имеем слово *hlaifs* «хлеб», которое, однако же, как и латинское *frumentum*, означает не только хлеб, но и «хлеба, зерно, злаки». Перед глухим окончанием номинатива *-s* звонкое «*w*» переходит в глухое «*f*». В том, что оно представляет собой именно «*w*», мы можем удостовериться из косвенных падежей, которые это «*f*» меняют на звонкое «*b*». Но это орфографический знак, а Брауне¹⁴) указывает, что он имеет значение билабиального спиранта «*w*». Таким образом, мы видим, что и готский язык сохранил это слово, но влил в него новое значение согласно условиям более северной природы.

Плоды маслины расположены гроздьями¹⁵), а злаки растут колосьями. Во внешнем виде сходство между ними сохраняется постольку, поскольку плоды их объединяются в определённые коллективы.

В древневерхненемецком существует слово *hleib*, а с утратой начального *h-* *leib* со значением «хлеб». В древнеанглийском оно оформляется как *hlaf*, в современном английском языке придыхание утрачивается: *loaf* «коврига, каравай». Производные от этих слов следующие: в готском *ga-hlaiba*, в древневерхненемецком *gi-leibo* «сотрапезник; тот, кто ест один и тот же хлеб с тобой». Клуге¹⁶) считает, что позднела-

¹⁰) A. Walde — Hofmann *Etym. Wb. der lat. Sprache*, Bd. I 816.

¹¹) А. Преображенский. Там же.

¹²) F. Kluge. *Et. Wb.* S. 401.

¹³) Г. С. Клычков. Указ. соч.

¹⁴) *Gotische Grammatik*, 1912. S. 29.

¹⁵) С. Я. Лурье. Указ. соч., стр. 243, иллюстрация.

¹⁶) Указ. соч., стр. 271.

тинское выражение «*com-panio*» (*com* + *panis*) является калькой с германских слов. Английский язык тоже знает производное от **hlaib* —, а именно: *hlaforward*, *hlaford* — собственно, «тот, который распределяет хлеб, то есть хозяин».

В современном немецком языке слово *laib* потеряло первоначальное значение обобщающего выражения «хлеб, зерно», а превратилось просто в булку, в буханку хлеба. Клуге¹⁷⁾ подчёркивает раннее происхождение немецкого слова *hleib* и позднее возникновение слова *Brot* «хлеб», вытеснившего первое.

И, наконец, последнее. В старославянском слове «хлеб» мы узнаём готскую форму *hlaifs*, только с соответствующим окончанием, но с тем же широким значением «*frumentum*». Славянская ять закономерно встала на место готского дифтонга.

А в двух неиндоевропейских языках (финском и эстонском) мы находим эту же форму *leip*, но, очевидно, она заимствована из немецкого языка в значении «каравай».

Таким образом, рассмотрение латинского родового имени *Livius/Livia*, как отражение аграрного строя древнего Рима, увело нас так далеко, через Грецию и всю центральную Европу, через славянские страны, через кельтские и германские языки, и привело нас к русскому хлебу.

¹⁷⁾ Указ. соч., стр. 275.

Э. Ф. МОЛИНА

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ НА -BUNDUS В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрению в настоящей статье подлежат отглагольные формы на -undus и -bundus, т. е. secundus, oriundus и moribundus, vagabundus. Суффикс -bundus неоднократно подвергался исследованию как в прошлом веке, так и в наше время, но не все его стороны раскрыты. Поэтому имеет смысл ещё раз остановиться на нём.

Поскольку суффикс -bundus является сложным образованием, следует прежде всего установить, что представляет собой суффикс -undus и какие функции он несёт на первых порах. В классической латыни суффикс -ndus связывается с понятием о герундиве или пассивном причастии будущего времени. Все исследователи латинского языка сходятся на том, что слова secundus и oriundus сохранили весьма древнее обличие. В классическое время суффикс -undus/-endus приобретает новое значение, идущее в разрез с архаическим значением приведенных образований. Происхождение их не подлежит сомнению: первое произведено от отложительного глагола sequi «следовать», второе — от origi «происходить». По своей семантике они тесно связаны с глаголом, представляя собой формы причастий настоящего времени. Secundus значит «следующий», а отсюда и «второй», oriundus значит «происходящий». В силу того, что эти глаголы по своей структуре медиально-пассивные, суффикс -ndus воспринимался как суффикс со страдательным значением. Когда он был перенесён на глаголы транзитивные, при помощи -ndus стали образовываться причастия пассивные с модальным оттенком долженствования, которые грамматиками толковались как причастия будущего времени: decemviri legibus scribundis «десять мужей избраны для того, чтобы законы были записаны» (дательный падеж для обозначения цели). Формы архаические, выделяющиеся своим вокализмом (-u- < -o-), от формы периода расцвета литературы (-e-) резко различаются. Вокализм обнаруживает качественно другую ступень чередования (*e: *o). Не только в герундивах мы видим такое изменение огласовки, некоторые архаичные глаголы говорят за то, что и в других грамматических формах могла встречаться такая смена гласных. Как пример привожу один из древнейших глаголов iŕe «идти», который не только в герундии сохранил формы на -u- (eundi), но и в косвенных падежах причастия настоящего времени (euntis, eunti...), тогда как в именительный падеж проник звук e (iens). Этот звук e характерен для последних веков республики.

Причастия на -ndus вызвали к жизни вторую форму причастия на -bundus. Этот суффикс говорит о том, что он образовался в долитера-

турное время, когда ещё в полной мере господствовал гласный о, ослабленный в -и-. В литературную эпоху он сменился на звук е по закону и.-е. чередования гласных е:о. В позднее время мы имеем sequendus вместо secundus, faciendus вместо faciundus, scribendus вм. scribundus. Архаические формы сохраняются только в юридическом языке, в языке культа, в определённых словосочетаниях. Следовательно, суффикс -bundus образовался в раннее время, притом тогда, когда суффикс -b-, обозначающий будущее время, был ещё живой категорией. Итак, слова с суффиксом -bundus-, в котором ярко выражался фактор времени, присоединяясь к глагольным основам, обозначали причастия будущего времени. Раз в языке возникла необходимость в такой форме, то это доказывает, что формы на -ndus/-undus первоначально обозначали настоящее время, как secundus, oriundus. Но как -ndus сначала был суффиксом отложительных глаголов, так и сложный суффикс -bundus присоединялся к глаголам отложительным. Язык сохранил нам такие образования: moribundus, vagabundus, gratulabundus, mirabundus, venegabundus. Вследствие того, что значение отложительных глаголов всегда воспринималось как активное, приведенные слова стали обозначать причастия будущего времени действительного залога.

Хотя в современных словарях дается к этим словам такой простой перевод, как «смертный» «бродячий», «почтительный» и т. д., но в латинских оригиналах в них заложен оттенок модальности: «тот, кто должен умереть»; «тот, кто должен вести бродячую жизнь»; «тот, кто собирается высказать своё уважение». Это значение так глубоко закрепилось за суффиксом, что, когда он в первые века нашей эры стал присоединяться к основам транзитивных и интранзитивных глаголов, смысл его не изменился, а остался активным. Поскольку суффикс обозначал причастие, он оказался продуктивным. Продуктивность его не падает, а возрастает даже тогда, когда на смену ему приходит новый суффикс, новая форма.

В классический период такие слова большой продуктивной словообразовательной группы не составляют. Но в то же время они обнаруживают столь яркие черты, характеризующие глагольную систему, что следовало бы остановиться на их изучении. В письменности классического периода таких слов немного. По указанию Паукера, их 142, в словаре Граденвица столько же, у Мейера около сотни, но приведенные примеры не только численно, но и лексически не совпадают. Отсюда становится ясно, что охвачены не одни и те же материалы и изучение позднелатинских источников дало бы новые результаты.

У древнейших авторов, Невия и Плавта, слова данного типа встречаются довольно часто, но уже у Цицерона, изящного стилиста I в. до н. э., мы видим всего лишь 6 слов (noctuabundus, furibundus, queribundus, moribundus, ludibundus, volutabundus) — количество их убывает: зато у Ливия их уже 14, а в I в. н. э. мы имеем 15 новообразований. Во втором же веке н. э. после Адриана появляется больше половины всех известных нам слов на -bundus. Отсюда можно сделать вывод, что у Плавта такие формы как deplorabundus, не являются реликтовыми, а порождением его эпохи. Э. Бенвенист отмечает, что «составные слова на -bundus ... восходят к древнейшим слоям языка». Этому не противоречит позднее развитие данного типа. В языке, однако, эти слова не заняли такого места, которое позволило бы включить их в глагольную систему. Хотя теоретически можно было бы от каждого глагола образовать подобные формы, практически этого не случилось. Образования на -bundus не вошли в глагольную систему как её неотъемлемая

часть, хотя развитие латинского языка в первые века нашей эры показывают нам, что эти отглагольные прилагательные отвоёвывали всё большее место.

Рассмотрим интересующие нас образования со стороны принадлежности их к глагольным основам. Мы имеем производные от глаголов с основой на -e: *gaudebundus* и вариант к нему *gaudibundus* (обе формы встречаются у одного и того же автора, Апулея), *tremebundus*, *contremebundus* и вариант *tremibundus*, *gemebundus*, *fremebundus* (оба слова у Овидия) и вариант *fremibundus* (Акций), *ridibundus* (ещё у Плавта), Остальные слова относятся к так называемому 3 спр., т. е. они имеют согласную основу, а тематический гласный переходит в *i* краткое, являющееся в данном случае соединительным между глагольной основой и элементом -*bundus*;

Вторая группа, более многочисленная, охватывает образования, в которые входят глагольные основы на -a. Поскольку глаголы на -a становятся правильными, т. е. образующими формы по общему шаблону, теряя такие особенности спряжения, какие есть, например, в глаголе *domare* (*domo, domui, domitum, domare*), то это и есть та среда, из которой язык черпает в дальнейшем процессе словотворчества. В этой группе весьма мало самостоятельных древнейших глаголов, встречающихся в основе таких слов, как *precabundus*, *conabundus*, *populabundus*, *vagabundus*, но зато поставляют стронительный материал глаголы явно отыменные: *lacrimare* от *lacrima* «слеза», *gruciare* от *grux*, *fumare* от *fumus*; *otiar* от *otium*, *auxiliari* от *auxilium*; *viare* от *via*; *rimari* от *rima* и много других.

Во-вторых, тут большое место занимают глаголы, производные от глаголов, т. е. фреквентативные, интенсивные: *speculabundus* от *speculari*, *reptabundus* от *reptare*, *cantabundus*, от *cantare/canere* и сложные: *iudificabundus* от *iudificare*, *fumigabundus* от *fumigare*. Особенно характерным для данного типа словообразования является то обстоятельство, что не только слова других частей речи латинского языка, т. е. глаголы и существительные, дают материал, но и заимствования греческие. Таким образом, мы имеем слово *stomachobundus* «сердитый», в основе которого лежит греч. *στομάχος*, *bacchabundus* «пирующий», которое встречается впервые у Плавта и приходит через творчество целого ряда поэтов (Вергилия, Катулл, Вал. Флакка, Апулея, Курция), *pauseabundus* (у Сенеки). Кроме этих греко-латинских гибридов, мы имеем другой интересный гибрид (этрусский); *fatulabundus* «прислуживающий», который; однако, Тертуллианом в третьем веке едва ли ощущался как гибрид.

Говоря об образованиях на -*bundus* и на -*ndus*, Бенвенист отмечает: «Надо полагать, что истоками этого образования являются отложительные глаголы непереходного значения». Он, безусловно, прав. Большинство глаголов является отложительным: *gloriar*, *popular*, *precari*, *vagari*, *iocari*, *mirari*, *peregrinari*, *contionari*, *deliberari*. Но есть ряд глаголов, которые имеют как активную, так и медиальную форму, так что образование на -*bundus* можно считать относящимся к форме медиума, например, глагол *versare* «кружить, вертеть», *versari* «кружиться, вертеться»; *rixari*, *rixare* «ссориться, спорить», *sunctari*, *sunctare* «медлить».

Те же глаголы, которые встречаются всегда лишь в активной форме (но не в медиальной) и образуют прилагательные на -*bundus*, являются глаголами интранзитивными. Таковы глаголы: *sudare* «потеть», *patare* «плавать», *vibrare* «дрожать», *errare* «ошибаться», *vitare* «спасаться», *mussitare* «ворчать про себя», *festinare* «спешить», *fluere*

«течь», *ridere* «смеяться», *ludere* «играть», *gaudere* «радоваться». Что касается значения рассматриваемого прилагательного на -bundus, то с лёгкой руки Присциана, грамматика V—VI вв. до н. э., оно не совсем правильно переводится, не сохраняя модального оттенка. Присциан ставит знак равенства между словами с окончанием -bundus и причастием активным, т. е. *vitabundus* = *vitans*; *praedabundus* = *praedans*; *errabundus* = *errans*, *moribundus* = *moriens*, *furibundus* = *furens*.

Латинский язык, бытуя в окружении других италийских языков, родственных ему, естественно, вбирает в себя некоторые диалектизмы, тем более, что Рим оказывается гегемоном Италии, и политические сношения его с другими народностями заметно возрастают. Язык, как живой организм, воспринимает то, что легко прививается. С начала литературной эпохи он заимствует форму, которая римлянину должна была казаться простой, поскольку словообразовательный процесс уже закончился. Для всех италийских языков характерен оборот *accusativus cum infinitivo*. Этот оборот, который существует в современном английском (*I want him to go*), в современном немецком языках (*Ich sehe ihn kommen*), в латинском был гораздо более гибок и подвижен. Инфинитив, занимавший место *verbum finitum*, т. е. личные формы глагола, мог выражать любые отношения во времени и в залоге. Инфинитив активный будущего времени существовал сложный с глаголом *esse*, т. е. аналитический.

В осско-умбрских диалектах элемент *esse* слился настолько с глагольной основой, что образовал одну форму. Отсюда мы видим у Цезаря, у Ливия оборот *accusativus cum infinitivo* с инфинитивом будущего времени действительного залога без *esse* (например: *acturum* вм. *acturum esse*, *facturum* вм. *facturum esse*). Присциан зарегистрировал форму *facturum esse* как правильную. Но ни он, ни те, кто пользовались в позднее время этой формой, не заметили в ней тавтологии. Окончание -*igum* есть прошедшее через процесс ротацизма умбрское *esse*. В Риме постепенно забывалось происхождение этого суффикса и к новообразованию прибавлялось *esse*. Вследствие этого форма воспринималась как аналогия к инфинитиву *factum esse*. Постепенно форма *facturum* стала восприниматься как причастие будущего времени; появились к ней родовые окончания -*us*, -*a*, -*um*. Слово стало склоняться, стало соединяться со всеми личными формами вспомогательного глагола *esse*, стало образовывать то, что грамматика называет *conjugatio periphrastica*. Вот это образование, весьма жизнеспособное, вытеснило со своих позиций образование типа *moribundus*, принимая в свою очередь ту же модальность значения. Таким образом, могло случиться, что рядом со словом *moribundus* появляется аналогичное по значению, но не по образованию, слово *moriturus* (*Morituri te salutant*).

Мы видим, что причастие, т. е. живое, продуктивное отглагольное прилагательное, является категорией текучей, изменчивой. Перед нами проходит одна форма за другой. Каждая из них образуется со всеми признаками глагольности и вытесняется новой формой, в состав которой входят элементы с тем же значением. Слова идут разными путями к одной и той же цели. Разные по звуковому составу форманты ведут к одинаковым результатам. На место слова *secundus* /*sequendus* приходит форма *sequens sequentis*, слово *moribundus* вытесняется формой *moriturus*.

ЛИТЕРАТУРА

- K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der idg. Sprachen, II.
 А. Эрну. Историческая морфология латинского языка, М., 1950, стр. 208.
 Hugo Erlich. Zwei italische Probleme. KZ 42, L. 3, 1908.
 O. Gradenwitz. Laterculi vocum latinarum. L. 1904, S. 480—481.
 Langlois. Les formations en bundus. Revue des Etudes latines, 1961, 39.
 Lindsay-Nohl. Die lateinische Sprache. 1879, p. 624.
 Leo Meyer. KZ VI, S. 376—378.
 M. Niedermann. Notes d'étymologie latine, Mel. Meillet, P. 1902.
 Norberg Syntaktische Forschungen. 1943. S. 193.
 Rönsch. Itala und Vulgata. S. 139.
 L. R. Palmer. The Latin Language, L., 1957, p. 281, 167.
 Paucker. Vorarbeiten zur lateinischen Sprachgeschichte II, 37.
 P. Persson. De origine as vi primigenia gerundū et gerundivi, 1900, p. 71,
 73, 83.
 R. Planta. Handbuch der oskisch-umbrischen Dialekte. Strassburg 1892-97, II, 401.
 F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- u. Formenlehre. p. 592, 612.
 Prisciani grammatici caesariensis Institutione Grammaticarum liber XVIII, L.
 1855—1859, liber IV, p. 137, c. 35.
 F. Sommer. Kritische Erläuterung zur lat. Laut- u. Formenlehre. 1914, S. 181—183.
 181—183.
 F. Stolz. Historische Grammatik S. 231, S. 227, 569.
 Stolz-Schmalz. Lateinische Grammatik, M., 1928, S. 226—227, S. 593.
-

Л. Т. БАЖЕНОВ

ПОСТПОЗИЦИЯ НЕПРОИЗВОДНЫХ ЛАТИНСКИХ ПРЕДЛОГОВ

Изучая латинские предлоги с точки зрения их местоположения, мы пришли к убеждению, что большинство их встречается и как послелогои.

Целью данной работы и является описание постпозитивного употребления некоторых латинских предлогов.

С точки зрения возникновения все латинские предлоги можно распределить по двум группам: производные, типа *de*, *in*, *a*, *ex* и др., и производные, как *inter*, *circum* и т. д.

Остановимся на постпозиции производных предлогов.

Cum «с».

Латинский предлог *cum* как послелог с личными и относительными местоимениями проходит через многовековую историю латинского языка. Его постпозитивный характер обнаруживается во всех жанрах письменного строя, у любого автора, а также в народном разговорном языке. Приведем некоторые примеры.

В древнелатинском языке *cum* в качестве послелога с местоименными формами встречаем у Плавта, Энния, Теренция. Например:

Pl. Cist.: ... *cum matre et mecum*. «С матерью и со мной»; Ter. Ad. 808: ... *hoc facio tecum cogitas*. «Об этом подумай ты сам» (досл.: «сам с собой»).

Иногда *cum* как послелог у Плавта встречаем после местоимения *uter*, *a*, *um*, например:

Pl. Truc. 153: *sed utriscum rem esse mauis?* «А с кем предпочитаешь иметь дело?» (досл.: «с которым из нас двоих?»).

В классическом языке постпозитивный характер *cum* с местоимением встречается в прозе Цицерона, Цезаря, Ливия и др., не говоря уже о поэзии, например:

Cic. ср. ad fam. 9, 9, I: ...*cum Caesare nobiscumque* ...«с Цезарем и с нами».

Caes. B. G. VII, 47, 2: *Consecutus id, quod animo proposuerat, Caesar receptui cani iussit legionisque decimae, quacum erat, continuo signa constituit*. «Достигнув своей цели, Цезарь приказал трубить отбой и немедленно остановил 10-й легион, который был с ним».

Традиционное послеложное употребление *cum* с местоимениями находит подтверждение в более архаичной осской форме *egisom*¹⁾ «с ним, с этим», а также в современном итальянском языке. Формы *meo*, *teco* *seco* «со мной», «с тобой», «с ним» обычны в итальянском языке, например, *vieni meo* «пойдем со мной».

Препозитивное употребление *cum me*, *cum te* и др. являются необычными и редко встречающимися формами. Об этом пишут античные грамматикис Присциан (XIV, 988, II, 594, 15); Квинтиллиан (*inst.*

¹⁾ C. D. Buck. A. Grammatik of Oscan and Umbrian, Boston, 1904, p. 203.

§. 6, 65). Цицерон, например (orat. 154), пишет: «cum ... nobis» non dicitur, sed «nobiscum» ... tecum et tecum», non «cum me», et «cum te».

Помимо общеупотребительной тенденции cum в постпозиции с местоимениями, он встречается также в постпозиции с именами существительными.

В Thesaurus пишется о cum в постпозиции так: «Praepositio postponitur nomini ... apud poetas ... in oratione pedestri...²⁾ «предлог ставится после имени ... у поэтов ... в речи прозаика» ... Автор подкрепляет свои слова примерами. Приведем некоторые из них.

Agrob. nat. 2, 40: **discrimine cum** carpitis «с уголовным преступлением»;

Iord. Get. 22, 144: **magna parte cum** gentis suae. «с большей частью своего рода».

В приведенных примерах cum явно относится к впереди стоящему существительному в ablativ'e, так как после cum стоят существительные в genitiv'e.

Дополнительным доводом в деле доказательства постпозиции cum в латинском языке более раннего периода могут служить оско-умбрские языки. Обращает на себя внимание тот факт, что в оско-умбрском служебное слово com, -co(m)-ku(m) — типичный послелог, употребляемый в местном значении, например: terminu-co «возле границы»³⁾.

In «в, на».

Предлог in, так же как и cum в латинском языке, встречаем в постпозиции.

Forcellini также подтверждает постпозитивное употребление in. Он пишет об этом так: «Suo casui nonnumquam postponitur»⁴⁾ и дает такие примеры:

Avien. Arat. 402; Longis hoc **tempore in** anni Otia sunt remis. «Отдых на лодках в это время года».

Постпозитивный характер латинского предлога in подтверждают более архаичные оско-умбрские языки. В них en, соответственный латинскому in, постоянно употребляется как послелог, например:

умбр. mapuv-e «в руке» = mapu in. Согласная v в примере — вставочная по закону умбрского языка для уничтожения зияния между слогами⁵⁾. Иногда в осском языке послелог en употребляется в форме in, например: Hurtin Kerrriin⁶⁾ «в саду Церерином».

Другим подтверждением постпозитивного употребления латинского in может служить греческий en «в».

О греческом en Покорный⁷⁾ пишет следующее:

«Греческое en, диалектное iv и (поэтические) evi, evi (так в гомеровском языке) употребляются как послелог».

И, наконец, о славянском послелоге en, родственном латинскому in, читаем у Кузнецова: «В постпозитивном употреблении, в том виде, в каком он выступал еще в общиндоевропейском языке эпохи сильного динамического ударения, прошел через всю историю общиндоевропейского языка, а затем перешел в отдельные ветви его»...⁸⁾.

Помимо всего сказанного, латинский предлог in ощущается как послелог в наречиях типа proin, exin (ср. нем. hinein, англ. therein).

²⁾ Thesaurus linguae latinae, Lipsiae, 1900—1955, v. IV, p. 1341—1342.

³⁾ С. Д. Вук. Цитир. соч., стр. 203.

⁴⁾ Al. Forcellini. Totius Latinitatis Lexicon, Prati, 1858—1876, v. 3, p. 418.

⁵⁾ И. В. Негушил. Генетическое изложение фонетики и морфологии латинского языка. С кратким обзором осского и умбрского языков. Харьков, 1878, стр. 226.

⁶⁾ С. Д. Вук. Цитир. соч., § 171.

⁷⁾ I. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1948—1957, v. IV, s. 311.

Per «через».

Предлог per также встречаем в постпозиции, особенно после местоименных форм, например: Pl Poen. 13: exerce uocem **quam per** uiuisque et colis. «Пусти в ход голос, им живешь, им кормишься» (досл. «через который»).

Кроме того, per в постпозиции очевиден в наречиях: semper «всегда», paupere «на короткое время», paulisper «недолго», tantisper «так долго», aliquantisper «в течение некоторого времени», в архаическом totper «тотчас» (из todper).

Из родственных латинскому языку per в постпозиции обнаруживается в осско-умбрском. У Buck'a об этом читаем: «The same form, joined postpositively to the Acc. Pl., appears in the numeral adverbs O. petiro-pert «quater», U. triuper, trio-per «ter»⁹⁾. «Та же форма (т. е. pert «через»), присоединенная постпозитивно к винительному падежу множественного числа, видна в числительных — наречиях осского «четырежды», умбрского «трижды».

Ad «к».

Латинский предлог ad также находим в постпозиции: Tac. ann. 12, 15: ... **ripam ad** Araxis. «... у берега реки Аракс».

В примере из прозы Тацита ad в постпозиции к существительному ripam представлен особенно ярко ввиду того, что второе существительное стоит в genetiv'e.

Подтверждением постпозиции ad в латинском языке является часто употребляемый в постпозиции умбр. -ar/-a, например: asam-a «к алтарю», asam-ar «возле алтаря», spinamar «к колонне», spinam-a «возле колонны»¹⁰⁾.

Ante «перед».

Этот предлог в постпозиции нередкое явление. Например. Virg. Aen. XII, 638: Vidi **oculos ante** ipse meos me voce vocantem Murranaum. «Видел я сам перед своими глазами, как меня звал Мурран».

Cic. ep. ad Att. VI, I, 6: Ego sic: diem statuo satis laxam; **quam ante** si solverint dico me centesimas ducturum; si non solverint, ex ratione. «Я поступаю так: назначаю довольно отдаленный срок и заявляю, что установлю рост в размере одной сотой в месяц, если они заплатят до этого срока, если же не заплатят — то на основании соглашения».

De «о, об».

Предлог de встречаем в постпозиции чаще у архаизирующего Лукреция. Например.

Lucr. III, 1088: ... **tempore de** mortis «о времени смерти».

Часто de находим с относительными местоимения quoniam, quibus в прозе. Например.

Cic. de inv. 2, 48, 141: ... **quibus de** scriptus est. «... о которых написано...».

Изложенные факты позволяют говорить о положении производных предлогов после тех слов, к которым они относились. Возможно, подобные примеры из латинского и других и.-е. языков позволили Frei сделать вывод, с которым мы вполне согласны. Автор пишет:

«... единое употребление предлогов составляет нововведение, которое, как известно, заменило постепенно старый послеслоговый вид, затем падежный...»¹¹⁾.

⁸⁾ П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка, М., 1961, стр. 44.

⁹⁾ С. D. Buck. Цитир. соч., стр. 205.

¹⁰⁾ С. D. Buck. Цитир. соч., стр. 203.

¹¹⁾ H. Frei. Preverbs et postpositions avant la flexion indoeuropéenne, Actes de 2e Congrès de linguistes; Paris Masson, 1933, p. 190.

В. Д. ФАТНЕВА

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКОВОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО «ПЕРВЫЙ» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Числительные возникли в глубокой древности, явившись определенной вехой в развитии языка и мышления человека. Как ряд, они сформировались гораздо раньше, чем цветовая гамма прилагательных, и устойчивее прилагательных удерживаются в языках¹⁾.

Славянские числительные в большинстве своём уходят корнями в эпоху индоевропейской общности. Этим объясняется сходство их с числительными других индоевропейских языков, сравни: греч. *duo*, лат. *duo*, гот. *twa*, сс. *дѣва*, греч. *тетрос*, лат. *quattuor*, лит. *keturi*, сс. ^{√ √ √ √}четыре, греч. *εκτος*, лат. *sextus*, лит. *sesi*, *sesios*, сс. *шесть*, греч. *δεκατος* лат. *decimus*, лит. *desimt*, гот. *taihunda*, сс. *десять*, «десятый».

В морфологическом отношении славянские числительные недостаточно едины. Чем дальше в глубь веков, тем менее чётко вырисовываются их лексико-морфологические особенности как самостоятельной части речи²⁾. По своему значению славянские числительные делятся на две основные группы: количественные и порядковые. Количественные числительные обозначают названия чисел и количество предметов, порядковые — указывают на местоположение данного предмета среди ему подобных. Порядковые числительные выражают идею числа более конкретно, чем количественные. Они показывают порядок следования одного предмета за другим. Эта последовательность предметов осознается как их признак. С этой точки зрения «порядковые числительные в большей мере, чем количественные, приближаются к прилагательным»³⁾.

2. Супплетивные основы числительных

Как правило, порядковые числительные в славянских языках образуются от той же самой основы, что и количественные. Исключение составляют два первых порядковых числительных — первый и второй, — которые являются образованиями совершенно от других корней и ничего не имеют общего с соответствующими количественными *один* и *два*. Нас интересует супплетивный ряд *один* — *первый*, сравни: сс. *единъ* — *прѣвъ*, *прѣвьнь*, др. р. *одинъ* — *първъ*, б. *единът* — *първъ*, *първен*, диал. — *пъруне*. «Формы одного грамматического ряда, образованные от различных корней, называются супплетивными. Различие корней в суппле-

¹⁾ В. А. Никонов. Поиски системы. «Этимология», М., 1963, стр. 220.

²⁾ А. Е. Супрун. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961, стр. 6.

³⁾ Ф. Г. Исхаков. Числительное. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков (морфология), М., 1956, стр. 176—177, 192.

тивных основах выполняет функцию различения грамматических форм»⁴). В славянских языках повсеместно представлено наличие супплетивного ряда, включающего количественные числительные один, два и порядковые первый, второй. Происхождение числительного «второй» не выяснено⁵). Т. Д. Чочуа⁶) указывает, что порядковое числительное «второй» осознаётся как «другой, отличный от того, что находится на первом месте».

Следовательно, порядковое числительное «первый» является для понимания порядкового «второй» определяющим моментом.

3. Сходство порядкового числительного «первый» с прилагательными

Порядковые числительные, подобно именам прилагательным, могли иметь две формы: краткую и полную, ср. пръвъ, наряду с этим имеется форма пръвий (правда, эта полная форма имеет немного другой оттенок значения)⁷).

Въторъ — въторы, седмъ — седмыи и так далее. В отличие от всех прочих порядковых числительных числительное «первый» имеет способность образовывать степени сравнения: сравнительную и превосходную.

Таким образом, если употребление краткой и полной форм характерно для имён прилагательных и всех порядковых числительных старославянского и древнерусского языков (ср.: самъ пять «сам пятый»), то обладание степенями сравнения из числительных характерно только для порядкового «первый». На это необычное свойство числительного «первый» уже в XIX веке указал русский учёный В. И. Шерцль⁸). Он приходит к этой мысли, сравнивая формы числительного «первый» в основном таких индоевропейских языков: д.-и. *prathama*, зенд. *frat* эма, лат. *primus*. Это, если можно так выразиться, индоевропейский план. Мне же хочется более подробно остановиться на развитии формы порядкового числительного «первый» в славянских языках.

4. О древней форме сравнительной степени числительного «первый»

В чешском языке для обозначения порядкового числительного «первый» имеется две формы: *prvů* и *prvnu*. Вторую из них — *prvnu* — обычно было принято считать инновацией, возникшей на почве чешского языка. Но В. М. Иллич-Свитыч⁹) говорит о том, что форма *prvnu* уже в XV веке была широко известна по всей чешской территории, уже тогда из чешского языка она была заимствована пограничными с ним северо-западными словацкими говорами. Он приводит богатый материал окраинных говоров восточной (болгаро-македонской) группы южнославянских языков, где распространено образование с «п», идентичное чешскому *prvnu*. Он берёт данные трёх, не граничащих друг с другом районов: 1. Северо-западной Болгарии и соседних районов Сербии; здесь имеются различные варианты формы с «п»: *пръвнѣ*, *пръвнѣа*; *първен*, *първи*, *-а*, *първната*; *први*, *првен*; *првији*, *првија*; *први*, *-а*, *-о*, *-е*; 2. При сборе материалов по диалектам южной Македонии В. М. Иллич-

⁴) Т. Д. Чочуа. Супплетивы и их место в словарном составе языка (автореферат). Тбилиси, 1962, стр. 3.

⁵) В. И. Бороковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, М., 1965, стр. 256.

⁶) Т. Д. Чочуа. Указ. соч., стр. 11.

⁷) Подробно об этом ниже.

⁸) В. И. Шерцль. Об именах числительных в индоевропейской отрасли, их развитии и отношении к числительным других отраслей. Харьков, 1870, стр. 114, 118.

⁹) В. М. Иллич-Свитыч. Чешское *prvnu*-инновация или архаизм? «Этимология 1963», М., 1964, стр. 81—84.

Свитыч обнаружил следующие формы с «п»: първна, (първни кораб), найпървно, пръвна, пръвно, «сперва»; 3. В некоторых районах юго-восточной Болгарии также бытует основа порядкового числительного «первый» с «п» в суффиксе: пръвнио, -а; пръвнийанът, пръвниу, пръвната, пръвнийо, пръвн, -а; пръвнуф.

То обстоятельство, что все эти формы, содержащие в суффиксе «п», встречаются во многих районах трёх южнославянских областей, которые не имеют общих границ друг с другом, а также с чешским языком, послужило Иллич-Свитычу основой для реконструкции праславянского диалектного образования рьгвѣпѣ, которое содержит суффикс -ѣпѣ-. С этим суффиксом образуются прилагательные от основ сравнительной степени прилагательных или наречий. Он приводит многочисленные примеры подобного образования типа близькъ-ближе-ближьнъ, р. ближний, выськъ-выше-вышьнъ, р. вышний (в слове «всевышний»). Праславянская форма *рьгвѣпѣ «более первый (по времени)» предполагает связь славянского суффикса -ѣпѣ- с индоевропейским суффиксом сравнительной степени ison, который прошёл через ступень ъхпѣ и утратил «х» в сочетании «хп» в период балто-славянской общности¹⁰).

Таким образом, В. М. Иллич-Свитыч по данным материалов славянских языков установил, что порядковое числительное «первый» уже в праславянский период в некоторых диалектах имело сравнительную степень. Очевидно, её отражение мы можем увидеть в старославянской форме пръвнъ, которая, по замечанию А. Преображенского¹¹), встречается очень редко. В свою очередь, со старославянским пръвнъ, унаследованным, видимо, ещё от праславянского периода, связаны такие образования, как сс. пръвнъць, др. р. пъръвнъць, р. первенец «первый ребёнок в семье», первеница «первая дочь в семье», первенство¹²), сѣрб. првенѣц.

В итоге можно сказать, что формы с суффиксом -п- имеют распространение в южнославянских, чешском (из западных) и русском (из восточнославянских) языках. В русском языке эта форма, возможно, закрепилась под воздействием старославянского языка, который в течение долгого времени функционировал на Руси в качестве литературного языка.

5. Порядковое числительное «первый» восточнославянских языков

В восточнославянских языках распространение получило в основном порядковое числительное «первый» в положительной степени. Исключение составляет диалектная (южная, западная, а иногда и центральная) форма перший «старший, самый больший»¹³), а также украинское перший «первый». Исследуя словообразовательную систему числительных украинской деловой речи XIV—XV веков, Л. Л. Гумецька¹⁴) приводит следующие формы порядкового «первый», которые встречаются в языке того периода: первый (първый), пръвый. В своём развитии все они восходят к древнерусской форме първъ.

¹⁰) Там же.

¹¹) А. Преображенский. Этимологический словарь русск. яз.

¹²) Русские примеры см.: В. И. Даль. Толковый словарь великорусского наречия, т. 3, стр. 27—28.

¹³) А. Преображенский. Указ. словарь.

¹⁴) Л. Л. Гумецька. Словотворча система числівників в українській актовій мові XIV—XV століть. «Питання славянського мовознавства», кн. 5, Львов, 1958, стр. 167.

Форма сравнительной степени перший образована от основы положительной степени перв- посредством прибавления суффикса -т-, входящего к краткой ступени индоевропейского суффикса сравнительной степени *jes/jos/-is*. Чаще всего суффикс -is- употреблялся для образования сравнительной степени от наречий, сравни: лат. *magnus*—*maior*—*magis* «больше». По предложению В. М. Иллич-Свитыча украинское числительное перший является результатом влияния западнославянских языков, в частности, польского, сравни: п. *piegwszy*, словин. *pierszy*. Это сравнительно поздний процесс, так как ещё в первой половине XVI века в польском языке очень часто употреблялись старые формы *piegwu* и *piżwu*, кроме того, форма сравнительной степени этого числительного не найдена ни в полабском, ни в лужицких языках, сравни: устаревшее верхнелужицкое *regwu*, нижнелужицкое *regwu*, полабское *rağwŭi*¹⁵). Более древняя польская форма положительной степени этого числительного сохранилась в образованиях наречного типа, сравни: *piegw*, *piegweŭ* «прежде»¹⁶).

В украинском же языке, наряду с общераспространённой формой перший «первый», в некоторых говорах сохраняется и более старое образование первий, причём в части западных диалектов Закарпатской Украины слова «перший» и «первий» имеют различные значения: перший обозначает порядковое числительное первый и старшинство внутри семьи, сравни: перший брат «старший брат», слово «первий» употребляется для обозначения двоюродного родства: первий брат, первая сестра, «двоюродный брат, двоюродная сестра»¹⁷). В типологическом плане интересны испанские существительные *Primo* «кузен» и *Prima* «кузина», генетически связанные с латинским порядковым числительным *primus* «первый».

Следовательно, в понимании древних, очевидно, бытовало представление о том, что родственники второго колена являются самыми близкими, первыми, и для их обозначения употреблялась форма положительной степени порядкового числительного «первый».

Итак, в русском и белорусском языках в качестве порядкового числительного закреплялась форма положительной степени, которая в украинском языке была вытеснена более поздним образованием — формой сравнительной степени, распространившейся из польского языка. Форма положительной степени имеется лишь в некоторой части диалектов украинского языка, причём она несёт совершенно другую смысловую нагрузку.

6. Другие образования от основы восточнославянского порядкового «первый»

Уже в древнерусском языке от основы порядкового числительного «первый» были образованы такие наречия времени, как: *първо*, *първь* «прежде, сначала». Наречия подобного типа унаследовал из древнерусского современный русский язык, кроме того, в нём создаются свои собственные наречия: *перво-наперво* «прежде всего», *сперва* «сначала». От этой же основы образовано белорусское *первее*¹⁸).

¹⁵) В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч.

¹⁶) Эти формы см.: А. Преображенский. Указ. словарь.

¹⁷) Дзендзелівський Йо. Спостереження над системою числівників говірок Закарпатської області. «Наукові записки» (Ужгородський гос. ун-т), Ужгород, 1955, стр. 41.

¹⁸) Подобные же образования от основы положительной степени имеются в польском языке: *piegw*, *piegweŭ* «прежде», а также в сербском — *првач* «недавно», *првоч* «прежде» (примеры наречий беру со слов. А. Преображенского).

Наречие времени «сперва», возникшее на базе формы положительной степени порядкового числительного «первый», содержится до сих пор в языке пожилого и среднего поколений украинских говоров верхнего течения реки Боржава, хотя общераспространённым и закрепившимся в качестве литературной нормы украинского языка является наречие очень позднего образования спершу «сначала». С- — приставка, присоединившаяся уже в очень позднее время. Краткая беспрефиксная форма среднего рода перше превратилась в наречие путём её изоляции¹⁹). Как указывает В. В. Німчук в своей работе, наречие украинского языка перше «прежде» восходит к форме первше, то есть к основе сравнительной степени числительного первый, причём звук «в» между «р» и «ш» выпадает. К вышеприведённым образованиям примыкает ещё одна своеобразная в семантическом отношении форма интересующего нас числительного. В старославянских памятниках полная форма пръвии имела специфическое значение. А. Супрун²⁰) предполагает, что в более древний период его семантика выражала «старый, прежний, ветхий, древний». Постепенно у слова «пръвии» развивается качественное значение. Развитие именно этого семантического оттенка отражается в форме превосходной степени пръвеиши. Такое образование налицо в Ассеманиевом евангелии. Оно обозначает «первый», а также «первый по качеству», являясь синонимом прилагательному «лучший».

7. Некоторые выводы

Способность образовывать не только сравнительную, но и превосходную степень порядковое числительное «первый» сохранило до наших дней, сравни: первейшее качество (как высшая оценка), первостный товар²¹).

Таким образом, славянское числительное «первый» имеет все три степени сравнения. Сравнительная степень от него могла образовываться в более древний период при помощи суффикса -ьп-, позже — посредством суффикса -ш.

Более древняя форма сравнительной степени числительного «первый» закрепилась в части южнославянских диалектов, а также в чешском (из западных языков), откуда она перешла в словацкие говоры. В восточнославянских же языках имеются только производные от этой основы.

Более поздняя форма сравнительной степени закрепилась в качестве порядкового числительного, в основном, в словинском, польском и его диалектах. В результате тесных контактов польского и украинского народов создаются определённые языковые взаимоотношения, в частности, влияние польского языка проявляется в том, что сравнительная степень порядкового «первый» (pierwszy) была заимствована в украинский язык, где звук «в» между «р» и «ш» не стал произноситься и «потерялся».

Во всех славянских языках слово «первый» и его степени сравнения имеют различные оттенки значения: первый в пространстве и во времени (то есть значение порядкового числительного), а также качественный, когда слову «первый» близко по семантике имя прилагательное «лучший».

¹⁹) В. В. Німчук. Из словотвору прислівників (числівникова походження) в говірках верхньої течії річки Боржава. «Доповіді та повідомлення», серія філологічна, Ужгород, 1958, стр. 58.

²⁰) Старославянские числительные, стр. 24.

²¹) В. И. Даль. Указ. словарь.

8. О суффиксе славянского числительного «первый».

Место славянского «первый» среди числительных, обозначающих «первый», других индоевропейских языков

Ни в одном из славянских языков числительное «первый» и его многочисленные производные не имеют значения, связанного с понятиями «бодрый, быстрый, радостный», поэтому в смысловом отношении кажется неубедительной попытка этимологов²²⁾ связать его с Zendским *paugvo*, *paugvuo*, др. перс. *paḡva*, *paḡviya*, др. сев. *īrag*/из *īrava*/ «быстрый, радостный», др.-сакс. *īra*, дн. *īrao*, *īro īrawer* «бодрый, радостный», *īrawida*, *īrewida* нн. *īreude* «радость».

Этот ряд слов, обозначающих «быстрый, бодрый, радостный», можно дополнить за счёт славянского имени существительного «прыть», его производного «прыткий» (встречается диалектный вариант «брыткий»), имеющих, очевидно, тот же корень, но оформленных посредством других суффиксов. С другой ступенью чередования и начальным «с-» перед «п» сюда же может быть отнесено прилагательное спорый «быстрый, ловкий», сохранившееся в просторечной лексике, а также в существительном подспорье.

Что касается сс. *пръвъ*, дрр. *първъ* и прочих славянских форм, связанных с ними, то в смысловом отношении, что при этимологическом анализе играет не последнюю роль, они далеки приведённому выше ряду слов. Если значения слов различаются, то даже при полном совпадении их звуковой оболочки это разные слова²³⁾.

Уже в XIX веке порядковое числительное «первый» привлекало к себе внимание исследователей. Август Шлейхер в своей работе «Темы имён числительных (количественных и порядковых) в литовском и немецком языках²⁴⁾» высказал мысль о том, что древнебактрийское *paugva* «прежний, первый, восточный», *paḡviya* «первый, древний», ди. *paḡva* «прежний, восточный» — исключительно арийские формы, которые не имеют никакой связи со славянским *пръвъ*, образовавшимся через позднейшие изменения звуков²⁴⁾. Но и позднее образование должно было возникнуть на какой-то более древней основе. Следовательно, сс. *пръвъ*, дрр. *първъ* — это определённая веха в процессе развития какого-то более древнего индоевропейского образования.

Педерсен сопоставил эти славянские формы с формой литовского порядкового числительного *pirmas* «первый». Возражения лингвистов при этом сопоставлении вызывало имеющееся в нём чередование литовского *-m-* и славянского *-v-* в суффиксе. Чтобы доказать возможность чередования индоевропейского *-m-* и славянского *-v-*, Педерсен высказывает предположение о том, что индоевропейское сочетание *-gm-* даёт в славянских языках *-gv-*, если этому сочетанию предшествует или следует за ним носовой звук, сравни: ди. *paḡmas*, сс. *нравъ*, лит. *pirmas*, сс. *пръвънь*, *пръвъ*²⁵⁾—²⁶⁾.

Анализируя образование порядкового числительного «первый» в различных индоевропейских языках, В. Порциг²⁷⁾ отмечает, что

²²⁾ А. Преображенский. Указ. словарь; Ст. Младенов. Этимологический и правописный речник на българския книжовен език, София, 1941, стр. 538.

²³⁾ В. А. Никонов. Указ. соч., стр. 223.

²⁴⁾ Записки Импер. акад. наук, т. 10, кн. 1, СПб., 1866, стр. 58.

²⁵⁾ Относительно точки зрения Педерсена. См.: А. Преображенский. Указ. словарь.

²⁶⁾ О возможности чередования *m/v* писал еще Август Шлейхер в указанной выше работе. Его пример: лат. *vermis*, скар. *krmis*, нем. *wurm* *hwurmis*, сс. *чръвъ*.

²⁷⁾ Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 216—217.

«сравнительно обширным областям индоевропейского мира принадлежат две близко родственные друг другу формы этого числительного: $P_e r_a vo$ — в арийском, албанском, славянском и тохарском Б языках, $P_e r_a to$ — в литовском, германском, древнепрусском». Относительно италийских, кельтских и хеттского языков он считает, что в силу своего раннего обособления от индоевропейской языковой области они имеют для данного числительного свои образования²⁸).

Что касается исконного значения индоевропейских $*P_e r_a vo$ и $*P_e r_a to$, то В. Порциг считает, что $P_e r_a vo$ обозначает «первый из двух», $*P_e r_a to$ — «первый из многих». Никаких разъяснений или доказательств в пользу такой семантики данных основ автор не приводит.

При общем корне $*P_e r_a -$ (у Порцига) две данные основы имеют в исходном положении различные оттенки значения, которые, очевидно, должны зависеть от внутреннего значения суффиксов $-v-$ и $-m-$. Мы знаем, что оба эти суффикса очень широко применяются в образовании порядковых числительных, варьируясь в отдельных языках и не придавая дополнительного значения образованным с их помощью числительным, сравни: ди. *astamas*, ав. *astəma*, ирл. *ohomad*, лит. *aszmas*, пр. *asma*, сс. *осмуьj* лат. *octavus*, гр. *ουδοος* из $*okto(F)os$, оск. *uhtavis*, заимствование в этрусский язык — *uhtavə*, др. фриг. *otyFoi*²⁹).

По-видимому, в чередовании индоевропейских форм порядкового числительного «первый» с суффиксами $-m-$ и $-v-$ мы имеем дело со звуками, близкими по месту артикуляции и на этом основании могущих чередоваться³⁰).

Эту мысль подтверждает, на наш взгляд, наличие форм с тем и другим суффиксами в одном и том же языке или в одной языковой группе. В районе Солуни (южная Македония) формам порядкового числительного *првна*, *првну*, содержащим в суффиксе $-v-$, являются параллельными формы *прмна*, *прмн* (с $-m-$ в суффиксе). С другой стороны, в литовском языке, наряду с порядковым числительным *pirmas* «первый», наречием *pirma* «прежде», предлогом *pirn* «перед», образованными посредством суффикса $-m-$, существует наречная форма *pirveliaus* «немного раньше»³¹), которая содержит в основе суффикс $-v-$.

Наличие чередования m/v как в основах литовского, так и в основах славянских языков, является подтверждением возможности чередования m/v в литовском *pirmas*, старославянском *првьъ*, древнерусском *първьъ*. Это, в свою очередь, позволяет славянское порядковое числительное «первый» поставить в ряд германо-балто-славянских изоглосс, сравни: гот. *fruma*, дрпр. *pirmas*, лит. *pirmas*, лтш. *pirmajs*, сс. *првьъ*, дрр. *първьъ*.

²⁸) Для хеттского и кельтских языков Порциг приводит убедительные примеры; относительно италийского порядкового числительного «первый» нужны, очевидно, дополнительные исследования.

²⁹) К. Brugmann. *Grammatik der Indogermanischen Sprachen*, Bd. I, Strassburg, 1886, S. 265. Walde-Hofmann, *Etym. Wörterbuch der lateinischen Sprache*, Bd. II, S. 363—364.

³⁰) Данные хеттского языка свидетельствуют о наличии чередования m/v в окончаниях глаголов I л. мн. ч.: *-meni/-veni/-men/-ven*, а также в личных местоимениях I л. мн. ч. Вяч. Вс. Иванов в статье «О значении хеттского языка для сравнительно-исторических исследований славянских языков» (*Вопросы слав. языкознания*, М., 1957, стр. 20—21) предполагает, что чередование m/v могло иметь общеиндоевропейский характер. В качестве примера он приводит лит. *pirmas*, сс. *првьъ*, дрр. *първьъ*.

³¹) Артур Глейе. Место армянского языка среди ариоевропейских языков. Томск, 1901, стр. 15.

9. О времени возникновения чередования *m/v* в индоевропейских языках

Та же старая форма порядкового числительного «первый», что и в славянских языках (то есть с суффиксом *-v-*), закрепилась в тохарском Б: сравни: сс. пръвъ, дрр. пръвъ, тох. Б Pärvosse «первый»³²).

Во втором тысячелетии до н. э. славянский входил в один лингвистический ареал с европейскими языками³³).

«Когда хеттская, греческая, праармянская, индоиранская группы уже давно отделились, утратили непосредственные контакты между собой, стали на путь самостоятельного развития, будущие балто-славя, тохары, германцы, кельты и италики сохраняли ещё реальную общность в Средней и Восточной Европе, развиваясь в условиях взаимных контактов»³⁴).

Следовательно, в тот период как славянский, так и тохарский языки входили в древнеевропейскую языковую общность.

В результате большой работы, проделанной в области изучения иранских языков и их истории, В. И. Абаев предположил, что пратохары могли отделиться от древнеевропейской общности не позднее первой половины первого тысячелетия до н. э., то есть ещё до того времени, когда в иранских языках сформировалась фонема «л»³⁵). Очевидно, уже в тот древний период имелось чередование *m/v*, которое возникло, по всей вероятности, намного раньше.

В начале второго тысячелетия до н. э. хеттская языковая группа является вполне самостоятельной, развитой. И именно в хеттском языке Вяч. Иванов³⁶) указывает наличие такого чередования.

Таким образом, чередование *m/v* в суффиксе имеет огромную древность, не поддающуюся точному датированию, и напоминает чередование сонантов, сходных по артикуляции, в исходе корня³⁷).

³²) В. Порциг. Указ. соч., стр. 274—275.

³³) В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 134.

³⁴) В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 127.

³⁵) Указ. соч., стр. 138.

³⁶) См. сноску 30.

³⁷) О чередовании сонантов см. Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 189—190.

О. М. СОКОЛОВ

О КОМБИНАЦИОННОМ СОПОСТАВЛЕНИИ МОРФЕМ В РАМКАХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материалах глагольной лексики)

Каждая значимая часть слова: корень, суффикс, приставка, флексия обнаруживают признаки тождества, а также свойства вариантности в том случае, когда они становятся дистрибутивным центром, т. е. когда исследуется сумма всех возможных морфематических окружений. Например, если изучаются свойства какой-либо приставки, представленной определенным звуковым комплексом, то этот звуковой комплекс должен быть исследован с точки зрения того, как он «ведет» себя, сочетаясь с разнообразными основами, какие семантические и фонетические модификации при этом возможны. При этом зачастую оказывается, что, сочетаясь с разными основами, интересующий нас звуковой комплекс приобретает малосвязанные или даже совсем не связанные лексические значения; в различной степени может варьироваться и звуковой состав морфемы. Существует известный порог, переступая который морфема теряет признаки одного тождества и приобретает признаки другого. Как известно, этот порог принято называть пределом варьирования или распадом тождества. Распад тождества может быть связан как с разрывом семантического единства, так и с разрывом сходства формы.

Аналогично ведут себя все морфемы — корневые и аффиксальные; более того, эти положения приложимы и к слову в целом, хотя в последнем случае учитываться должно уже лексическое и синтаксическое окружение (лексическая и синтаксическая валентность слова).

Наибольшую трудность представляет решение вопроса о границах варьирования — фонетического, морфологического и семантического. Каких-либо точных приемов разграничения здесь пока не существует, и исследователь вынужден полагаться на свою интуицию. Впрочем, обычно приводится та или иная аргументация, те или иные теоретические соображения, в соответствии с которыми за языковой единицей признается или не признается способность входить в состав определенного тождества. Однако, поскольку точные критерии пока не выработаны, конкретные попытки разграничить случаи полисемии и омонимии, морфологического варьирования и однокорневой синонимии почти всегда вызывают споры.

Существуют, конечно, и достаточно бесспорные случаи нарушения тождества языковых единиц.

Проблема морфемного тождества; границ этого тождества столь же сложна, как и проблема тождества самостоятельных лексических единиц. Морфема, как и слово, способна варьировать семантику и свой звуковой облик, хотя и проявляет в этом отношении своеобразие. Своеобразие поведения морфемы зависит от ее функций в слове. Если корневая морфема проявляет много общего с варьированием слова,

то иначе ведут себя префиксы, суффиксы и флексии, являющиеся носителями отвлеченных, категориальных значений. Среди служебных аффиксов наиболее подвижными в семантическом плане являются префиксы; они позволяют выявить любые типы оппозиций, известные и самостоятельным лексическим единицам. Иллюстрацией здесь может служить таблица двухсторонних различий, учитывающая форму и значение глагольного префикса (см. табл. 1). Эта таблица отражает семантические различия от тождества до антонимичности (ср. гр. IА и IIC), формально-семантические различия от дублетности до омонимии (ср. гр. IIIА и IC), кроме того, промежуточные отношения, известные под названиями фонетический вариант, фонетический и лексический синоним, пароним и т. п.

Признаком омонимичности глагольного префикса является прежде всего отнесенность разных значений (при тождестве звукового комплекса) к различным аспектам протекания и предела глагольного действия: к начинательному и результативному; к начинательному и однофазисному, результативному и однофазисному, и т. п., хотя омонимичность возможна и в пределах результативного действия (ср.: ЗАЕХАТЬ в гости; ЗАДУШИТЬ в объятиях и т. п.).

Дублетность префиксов наиболее отчетливо обнаруживается в тех случаях, когда возникают морфологические варианты или однокорневые синонимы (ИСТОПИТЬ — СТОПИТЬ, СТРЕВОЖИТЬ и ВСТРЕВОЖИТЬ). Чаще всего сближение и даже отождествление семантики префиксов, сочетающихся с тождественными производящими основами, наблюдается в тех случаях, когда значение результативности является единственным значением данных морфем (такие префиксы иногда называются чистограмматическими).

Глагольные суффиксы не обладают таким разнообразием значений, как префиксы. Это обусловлено тем, что суффиксы в большей мере, чем префиксы, выполняют классифицирующую функцию, т. е. относят образование к определенной части речи, сообщают основе грамматические признаки, свойственные данной части речи, и т. п. «Сущность специфики суффиксации по сравнению с префиксацией заключается в том, что суффиксация непосредственно связана с определенным грамматическим (для изменяемых слов) и парадигматическим оформлением слова, в то время как префиксация в ряде случаев грамматически нейтральна»¹⁾. Думается, однако, что сущность специфики префиксации не исчерпывается только этим. Важнейшим свойством префиксов является то, что они способны непосредственно отражать характер лексико-семантического варьирования слова; в определенной степени они являются выразителями семантики исходного компонента, хотя при всем этом обладают и собственным лексическим значением. Префиксы в большей мере, нежели суффиксы, связаны с лексико-синтаксическим окружением слова, которое в значительной степени определяет конкретное, контекстуальное значение языковой единицы.

Суффиксы, служащие для образования глагола от разных частей речи, непосредственно с характером лексико-семантического варьирования не связаны. В этом и заключается их способность передавать лишь общие, категориальные значения. Наиболее общие значения, свойственные отыменным глаголам, А. Богуславский формулирует следующим образом: «Рассматривая русские отыменные глаголы,

¹⁾ В. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, стр. 232.

Таблица 1

№	Тожество формы			С
	А	В	Различные формы	
Тожество семантики I	перебить (птиц) — переколоть (дрова); взлезти — взобраться и др.	перебить (всех зверей) — прибить (всех зверей); взлезть (наверх) — взлезать (наверх); восходит (солнце) — всходит (солнце); прервать (урок) — перервать (урок) и др.	истопить (печь) — стопить (печь); испечь (хлеб) — спечь (хлеб) — тревожить (сообщением) — встревожить (сообщением) и др.	
Варьирующие семантики II	забежать (куда) — забрести (за что); заползти (куда) — заехать (за что) и др.	пересечь (жердь) — пресечь (попытки); переступить (порог) — преступить (экон); превозносить (до небес) — переспорить (оратора)	перекидать (все вещи) — покидать (все вещи); переворошить (бумаги) — разворошить (бумаги).	
Различные семантики III	заехать (в гости) — задуть (в объездах), запылить (по дороге) и запылить (одежду) и др.	взойти — воспрепятствовать; ехать — преобразить; переобратиться — припухнуть и др.	свернуть — развернуть; оседать — расседать; извлечь — соединить и др.	

можно прийти к выводу, что их подавляющее большинство объединяется в несколько крупных типов, каждый из которых обладает одним значением форманта, на базе которого при соединении его со значением основы складываются конкретные значения отдельных глаголов. Такими типами являются: 1) глаголы переходные со значением «надеяться признаком, обозначенным основой», например, БЕЛИТЬ, СУШИТЬ, БИНТОВАТЬ, БРОШЮРОВАТЬ, БРИКЕТИРОВАТЬ, СТЕКЛОВАТЬ, ПЕЧАЛИТЬ, ЗАБОТИТЬ и т. д.; 2) глаголы непереходные со значением «приобретать признак, обозначенный основой», например: БЕЛЕТЬ, СОХНУТЬ, СВИРЕПЕТЬ, СТЕКЛЕНЕТЬ и т. п.; 3) глаголы переходные со значением «подвергать действию, характер которого вытекает из значения производящей основы, например: АСФАЛЬТИРОВАТЬ, СТЕКЛИТЬ, СВЕРЛИТЬ ГЕКТОГРАФИРОВАТЬ, БОЙКОТИРОВАТЬ и т. п.; 4) глаголы непереходные со значением «проявлять признак, обозначенный предводящей основой, например: РАЗБОЙНИЧАТЬ, СВИРЕПСТВОВАТЬ, ДРУЖИТЬ, ГРУСТИТЬ и т. п.»²⁾. Анализируя словообразовательную структуру глаголов различных семантических типов, можно прийти к выводу, что связь суффиксов с тем или иным значением является довольно относительной. Например, такие типовые значения, как «приобретать признак, обозначенный производящей основой» и «проявлять признак, обозначенный производящей основой» могут уживаться в рамках одного слова (звукового комплекса). Ср.: БЕЛЕТЬ-БЕЛЕТЬСЯ (видеться в белом свете) и «становиться белым»; аналогично: ЧЕРНЕТЬ, КРАСНЕТЬ, СИНЕТЬ и т. п. Переходность, как известно, также зависит не только от суффикса.

Конечно, различия между словообразовательными моделями, в которых содержатся разные суффиксы, имеются. Так, в структурном и семантическом плане четко противопоставляются модели типа БЕЛЕТЬ-БЕЛИТЬ, ЧЕРНЕТЬ-ЧЕРНИТЬ и т. п. Однако у суффиксов отыменного глагольного словопроизводства в значении всегда больше общего, чем отличного, индивидуального. В этом убеждает значительное сходство структурно-семантических разрядов, отмечаемых глаголов с суффиксами -И-, -ОВА-, -А-, -НИЧА- и др.³⁾. В этом убеждает также и то, что почти каждой модели с указанным суффиксом (но не каждому слову) можно подобрать морфологический вариант или однокорневой синоним с другим суффиксом. Ср.: ПЛАНИРОВАТЬ-ПЛАНОВАТЬ, БУКСИРОВАТЬ-БУКСИРИТЬ, БОМБИРОВАТЬ-БОМБИТЬ, БЕЗОБРАЗИТЬ-БЕЗОБРАЗИЧАТЬ, ЖУЛИТЬ-ЖУЛЬНИЧАТЬ, ЛАКЕЙСТВОВАТЬ-ЛАКЕЙНИЧАТЬ, ПРИТВОРСТВОВАТЬ-ПРИТВОРНИЧАТЬ, УСЕРДСТВОВАТЬ-УСЕРДНИЧАТЬ, ГОТОВИТЬ-ГОТОВАТЬ и др.

Обладая общим, категориальным значением, суффикс отыменного глагольного словообразования в лексическом плане оказывается более

²⁾ А. С. Богуславский. Образование типа БЕЛЕТЬСЯ и отыменные глаголы. ВЯ, 1962, № 1, стр. 80.

³⁾ См. работы: Н. С. Авилова. Глаголы с суффиксом -ОВА- и его варианты в русском языке. Исследование по грамматике русского литературного языка, АН СССР, М., 1955, стр. 45. В. Г. Костомаров. Словообразовательная структура глаголов класса -ИТЬ/ЯТЬ- в русском языке. Автореферат канд. диссерт. М., 1955; К. С. Самойлова. Вопросы суффиксального образования глаголов. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1954; М. С. Шершнева. Словообразовательная и грамматическая структура глаголов 2-го продуктивного класса в современном русском языке. Автореферат диссертации, М., 1961; Р. В. Бахтурина. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом -О-И-(ТЬ). Сб. «Развитие словообразования современного русского языка». Изд. «Наука», М., 1966; И. С. Улухинов. Глаголы на -ЕТЬ- в современном русском языке, (там же) и др.

расплывчатым, неопределенным, нежели глагольный префикс. Более или менее четкому выделению префиксального значения способствует то, что в отношении последнего возможно построение своеобразной парадигмы, т. е. одна и та же производящая основа или тесно между собой связанные лексико-семантические варианты присоединяют, за некоторым исключением, не один префикс, а целый комплекс, благодаря чему значения префиксов взаимно противопоставляются. Такая процедура невозможна в отношении суффиксов, которые более тесно слиты с производящей основой, нежели префиксы, не образуют устойчивых противопоставлений (исключением здесь является, пожалуй, противопоставление суффиксов -ЕТЬ, -ИТЬ-).

Этим и объясняется возможность двоякого аспекта изучения свойств глагольных префиксов, заключающаяся в том, что дистрибутивным центром может оказаться какая-то приставка, в отношении которой исследуются производящие основы, или же дистрибутивным центром становится основа, в отношении которой исследуются приставочные комплексы. Этим объясняется возможность и целесообразность такого аспекта изучения глагольной суффиксации, когда в качестве дистрибутивного центра выбирается определенный суффикс и изучаются его связи с различными производящими основами (но не наоборот).

Отсутствие четкости и определенности лексического значения у глагольных отыменных суффиксов и несомненная категориальная общность не дают возможности противопоставить их значения в степени, соответствующей нашему представлению об омонимах.

Об омонимичности глагольных суффиксов можно говорить в тех случаях, когда устанавливаются различия функционального характера. В данной работе омонимичными признаются такие суффиксы, которые относят образования к различным словообразовательным ступеням. Таким образом, омонимичным может быть суффикс -А-, -Я-, являющийся средством отыменного глагольного словопроизводства и средством вторичной имперфективации⁴). Омнимичность названных суффиксов может проявляться как в однокорневых, так и в разнокорневых образованиях. Ср. в однокорневых глаголах: НАСЫПАТЬ-НАСЫПАТЬ, ОТРЕЗАТЬ-ОТРЕЗАТЬ, НАПАДАТЬ-НАПАДАТЬ, СОБРАТЬ-СОБИРАТЬ, УБЕЖАТЬ-УБЕГАТЬ, ПОДОЖДАТЬ-ПОДЖИДАТЬ, УСТАЛАТЬ-УСТИЛАТЬ и т. п.; в разнокорневых глаголах: ПОУЖИНАТЬ-УБЕГАТЬ, ОБЕДАТЬ—ПРИГОТОВЛЯТЬ и др.

Омонимичным может быть и суффикс -НУ-, отмечаемый, с одной стороны, в глаголах н/в, а с другой — в глаголах с/в семельфактивного значения. Глаголов с суффиксом -НУ- н/в в русском языке сравнительно мало; омонимичность обычно выявляется при сопоставлении разнокорневых образований. Ср., с одной стороны: СОХНУТЬ, ВЯНУТЬ, ТОНУТЬ, ТОПНУТЬ, МОКНУТЬ, ЗЯБНУТЬ, СТЫНУТЬ, ГАСНУТЬ, ПУХНУТЬ, КИСНУТЬ, СИПНУТЬ; в говорах: ГУНУТЬ, ГОРКНУТЬ и т. п.; с другой стороны: КРИКНУТЬ, ДВИНУТЬ, ЗЕВНУТЬ и т. п. Суффиксальная омонимия может сопровождаться и лексической омонимией. Ср.; ТОПНУТЬ (утопать) и ТОПНУТЬ (ногой). Редко, но отмечается суффиксальная омонимия этого типа при тождестве корневой морфемы; ср: ДРОГНУТЬ (дрожать) и ДРОГНУТЬ (с/в).

В некоторых случаях правомерно говорить об омонимичности суффиксов -И- (также на основании функциональных свойств). Ср.: ВЫВОЗИТЬ-ВЫВОЗИТЬ, ВЫХОДИТЬ-ВЫХОДИТЬ и др.

⁴) См. об этом: Г. К. Венедиктов. О морфологических средствах имперфективации в русском языке, ВЯ, № 2, 1961.

Таким образом, в отношении морфем (корневых и аффиксальных) допустимо использование таких понятий, как омоним, синоним (или дублет). Эти понятия противопоставлены понятию тождества. В табл. I понятиям омонима, синонима, тождества, двухстороннего нетождества (различия) соответствуют квадраты: IIIA, IC, IA, IIIC. Из таблицы следует также, что существует ряд промежуточных отношений, соответствующих рубрикам II и В. Здесь отражены случаи варьирования (в рамках тождества), а также комбинированные различия, предполагающие нарушение тождества языковой единицы.

Комбинационное сопоставление морфем в рамках лексических единиц может учитывать случаи варьирования (фонетического или семантического), но может быть ориентировано на выделение лишь крайних оппозиций, соответствующих дихотомическому членению тождество — не тождество (+—). При таких условиях несущественные различия в форме или в значении умышленно игнорируются, в силу чего общая картина получается несколько огрубленной. Однако и огрубленная схема может представлять существенный научный интерес.

Комбинационное сопоставление морфем в рамках определенных лексических единиц нашло отражение в отдельных исследованиях по лексикологии; однако при этом в центр внимания попадали лишь отдельные оппозиции. Например, расчлененный подход к явлениям омонимии характерен для работ О. С. Ахмановой⁵). Теория морфологического варьирования, развитая в ее работах, постановка вопроса о синонимии, как пределе варьирования, — все это свидетельство того, что рассмотрение типов лексических различий может и должно производиться с учетом морфологической структуры слова. Четкая постановка вопроса о расчлененной (морфематической) омонимии содержится также в работах Ю. С. Маслова, В. В. Виноградова и др. исследователей⁶).

Комбинационное морфематическое сопоставление глагольных лексических единиц целесообразно производить, исходя из трехчленной структуры этой части речи, т. е. учитывать отношения префиксальной, корневой и суффиксальной морфем. При этом в данной работе не учитываются различия, связанные с наличием или отсутствием возвратной частицы -СЯ (принципиально эти различия могут быть приравнены к различиям формы и значения, т. е. — —), а также различия флексий, поскольку они не связаны непосредственно с вещественным значением слова⁷).

Каждая значимая часть слова — префикс, корень, суффикс — оценивается как со стороны формы, так и со стороны содержания. Если различия в форме или в значении не превышают порога тождества, то такая оппозиция отмечается знаком + (например, **ВОСХОДИТЬ** и **ВСХОДИТЬ**, **ПЕРЕРВАТЬ** и **ПРЕРВАТЬ**, **ОЗЛИТЬ** и **ОБОЗЛИТЬ** и др. или: **МУДРОВАТЬ** и **МУДРСТВОВАТЬ**, **БЕСЕДОВАТЬ** и **НОЧЕВАТЬ** и др.). Если значения или форма (или то и другое вместе) оцениваются как принадлежащие к различным тождествам, то такая оппозиция отмечается знаком —.

⁵) О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

⁶) Ю. С. Маслов. Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса). Сб. «Вопросы теории и истории языка». Изд. ЛГУ, 1963; В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях. ВЯ. 1960, № 5.

⁷) К. А. Тимофеев. О некоторых вопросах словообразования. Новосибирск, 1966, стр. 18.

Принятые допущения дают возможность разграничить 64 комбинации, основанные на раздельном морфематическом противопоставлении. Ниже приводится иллюстративная таблица, в которой литерами Ф и С помечены соответственно оппозиции с формой, относящейся к одному тождеству (+) и к разным тождествам (—); с семантикой, относящейся к одному тождеству (+) и к разным тождествам (—) (см. табл. 2).

Предложенная таблица комбинированных морфематических оппозиций может быть использована как основа для выделения разновидностей лексических оппозиций. Так, из этой таблицы могут быть выбраны оппозиции, соответствующие омонимии различного типа, оппозиции, соответствующие различным типам однокорневой и разнокорневой синонимии и т. п.

Например, могут быть выделены такие разновидности омонимов: (2) +++++— (ОБСЫПАТЬ—ОБСЫПАТЬ, (3) +++——— (ЗАСАЛИТЬ—ЗАСАЛИВАТЬ); (6) +++—+— (ЗАСЫПАТЬСЯ—ЗАСЫПАТЬСЯ; (7) +++——+ (ОБМЕТАТЬ—ОБМЕТЫВАТЬ); (8) +++—++ (ЗАСАЛИВАТЬ—ЗАСАЛИВАТЬ); (33) +—++++ (ЗАПЫЛИТЬ—ЗАПЫЛИТЬ); (35) +—++—— (ПЕРЕГРУЗИТЬ—ПЕРЕГРУЖАТЬ); (37) +—++—+ (ОБЛЕТАТЬ—ОБЛЕТЫВАТЬ); (38) +—+—+— (ЗАСЫПАТЬ—ЗАСЫПАТЬ); (39) +—+——+ (СПЛАВЛЯТЬ—СПЛАВЛИВАТЬ); (40) +—+—++ (ПЕРЕПРАВЛЯТЬ—ПЕРЕПРАВЛЯТЬ).

Часть омонимов выраженного типа уже была подвергнута описанию, однако многие из «частичных омонимов» нуждаются в специальной характеристике. Актуальным является вопрос о границах (пределах) омонимии.

Таблица дает возможность выделить разновидности синонимов и морфологических вариантов, среди которых интерес представляют следующие: (5) +++++—+ (ПОВЕРИТЬ—ПОВЕРОВАТЬ); (25) —+++++ (ОГЛУПЕТЬ—ПОГЛУПЕТЬ); (27) —++++—— (СГОТОВИТЬ—ПРИГОТОВЛЯТЬ); (28) —+++++— (ПОРЕЗАТЬ—НАРЕЗАТЬ); (29) —++++—+ (ВЗВЕСИТЬ—СВЕШАТЬ) — однокорневые синонимы.

(41) —+—++++ (УМИРАТЬ—ПОДЫХАТЬ); (42) —+——— (УПРЯТАТЬ—ЗАСАДИТЬ); (43) —+—+—— (ИЗВЛЕЧЬ—ВЫТАСКИВАТЬ); (44) —+—+—+ (НАПРАВИТЬ—СДЕЛАТЬ); (53) +——+—+ (ПОХОДИТЬ—ПОШАГАТЬ); (57) ++—++++ (ПОБРОСАТЬ—ПОКИДАТЬ); (59) ++—+—— (ЗАПРЫГНУТЬ—ЗАСКАКИВАТЬ); (60) ++—++— (СКЛИКАТЬ—СОЗВАТЬ) — разнокорневые синонимы.

Многие из выделенных разновидностей синонимов специальному описанию еще не подвергались.

Комбинационное сопоставление морфем в рамках лексических единиц дает возможность группировать последние по тому или иному признаку, например, по признаку тождества суффиксальной основы, по признаку тождества корневой морфемы или префиксальной, что может быть использовано при сопоставительном изучении лексических единиц, при создании классификаций структурно-семантических различий между лексическими единицами⁸⁾.

⁸⁾ Опыт такого противопоставления был произведен автором в работе «О классификации глагольной диалектной лексики», где учитывалось тождество или нетождество суффиксальной основы, а также тождество или нетождество семантики сопоставляемых единиц. См. сб.: «Пятая научная конференция ТГУ». Секция языкознания, Томск, 1960.

Таблица

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
1	+	+	+	+	+	+	+	+	ВЫКОПАТЬ (яму) ВЫКОПАТЬ (камень)	Многозначность
2	+	+	+	+	+	+	+	-	ОБСЫПАТЬ — ОБСЫПАТЬ	Омоничность суффиксов
3	+	+	+	-	-	-	-	-	ЗАСАЛИТЬ — ЗАСАЛИВАТЬ (от «солить»)	Омонимия в корне при различии в суффиксе
4	+	+	+	+	-	-	-	-	ОТКАЗАТЬ — ОТКАЗЫВАТЬ ПОБЕЛИТЬ — ПОБЕЛЕТЬ ПРЫГАТЬ — ПРЫГНУТЬ	Различие в суффиксе при тождестве других частей
5	+	+	+	+	+	+	-	+	ПОВЕРИТЬ — ПОВЕРОВАТЬ СМЕРИТЬ — СМЕРЯТЬ	Суффиксальная синонимия и варьирование
6	+	+	+	-	+	-	+	-	ЗАСЫПАТЬСЯ (зем) и ЗАСЫПАТЬСЯ (попадаясь)	Омонимия корня и суффикса при тождестве префикса
7	+	+	+	-	+	-	+	+	ОБМЕТАТЬ (от обмести) ОБМЕТЫВАТЬ (нитками)	Омонимия корня при тождестве префикса и синонимии (дублетности) суффикса
8	+	+	+	-	+	-	+	+	ЗАСАЛИВАТЬ (от засолить и засалить)	Омонимия корня при тождестве аффиксов
9	-	-	-	+	+	+	+	+	ВЫСКАЗЫВАТЬ — УГОВАРИВАТЬ; ВЫПРЫГИВАТЬ — ПОДСКАКИВАТЬ и др.	Семантическое тождество корневой морфемы при тождестве суффикса и различии префиксов

Продолжение таблицы 2

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
10	—	—	—	—	—	—	—	—	ПОДПРЫГНУТЬ — ВЫТАСКИВАТЬ	Двустороннее различие всех морфем
11	—	—	—	+	—	+	+	—	ПОДПРЫГНУТЬ — ВЫСКАКИВАТЬ	Различие аффиксов при тождестве (или близости) семантики корня
12	—	—	—	+	—	+	+	—	ПОДОЗВАТЬ — ОКЛИКАТЬ	Семантическая близость корневых морфем при омонимичности суффикса и различии префиксов
13	—	—	—	+	—	+	—	+	ПОБРАНИТЬ — ИЗРУГАТЬ	Семантическая близость корневых морфем при синонимичности суффиксов и различии префиксов
14	—	—	—	—	—	—	+	—	ЗАМЕРЗНУТЬ — ВЫПРЫГНУТЬ	Омонимичность суффиксов при различных остальных морфем
15	—	—	—	—	—	—	—	+	ВЫПРЫГИВАТЬ — ПРИГOTOВЛЯТЬ	Синонимичность суффиксов при полных различных других морфем
16	—	—	—	—	—	—	+	+	ЗАПРЫГИВАТЬ — ПРИГОТАВЛИВАТЬ	Тождество суффиксов при различных остальных морфем
17	—	—	+	+	+	+	+	+	УХОДИТЬ — ПРИХОДИТЬ	Различие префиксов при тождестве остальных морфем
18	—	—	+	—	—	—	—	—	ПРИТВОРЯТЬ (дверь) ЗАТВОРИТЬ (тесто)	Омонимичность корневой морфемы при различных аффиксах

Продолжение таблицы 2

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
19	—	—	+	+	—	—	—	—	ЗАПРЫГАТЬ — ВЫПРЫГ- НУТЬ	Тождество корневой морфемы при различных аффиксально-го состава
20	—	—	+	+	+	+	+	—	ВЫСЫПАТЬ — ССЫПАТЬ	Тождество корневой морфемы при омонимичности суффикса и различии префиксов
21	—	—	+	+	—	—	—	+	ОТБОМБИТЬ — РАЗБОМБАР- ДИРОВАТЬ	Тождество корневой морфемы при синонимичности суффикса и различии префиксов
22	—	—	+	—	+	—	+	—	ОТСЫПА́ТЬСЯ (от спать) ЗАСЫПА́ТЬСЯ (песком)	Омонимия корня и суффикса при различии префиксов
23	—	—	+	—	—	—	—	+	ЗАМЕТАТЬ (пол) и ОБМЕ- ТЫВАТЬ (нитками); ПРО- ДРОГНУТЬ и ВЗДРОГНУТЬ	Омонимия корневой морфемы при синонимии суффиксов и различных префиксов
24	—	—	+	—	+	—	+	+	НАТВОРИТЬ — ЗАТВОРИТЬ («дел» и «тесто» или «дверь»); ПЕРЕСАЛИВАТЬ (от «соль») и ЗАСАЛИВАТЬ (от «сало»)	Омонимичность корневой морфемы при тождестве суффиксальной и различии префиксов
25	—	+	+	+	+	+	+	+	ОГЛУПЕТЬ и ПОГЛУПЕТЬ	Синонимичность (дублетность) префикса при тождестве ос- новы
26	—	+	+	—	—	—	—	—	ПРОТУХНУТЬ — ПОТУХАТЬ	Омонимия корневой морфемы при синонимичности пре- фиксов и различии суффик- сов

Продолжение таблицы 2

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
27	—	+	+	+	—	—	СГОТОВИТЬ — ПРИГОТОВ- ЛЯТЬ	Тождество корневой морфемы при синонимичности префиксов и различии суффиксов
28	—	+	+	+	+	—	ПОРЕЗАТЬ (хлеб) — НАРЕ- ЗАТЬ (хлеб)	Тождество корневой морфемы при синонимичности префиксов и омонимичности суффиксов
29	—	+	+	+	+	—	ВЗВЕСИТЬ — СВЕШАТЬ	Тождество корневой морфемы при синонимичности аффиксов
30	—	+	+	—	+	—	ПОДМЕТАТЬ (пол) и ОБМЕ- ТАТЬ (шов)	Омонимия корневой морфемы при синонимии префиксов и омонимии суффиксов
31	—	+	+	—	+	—	БЫТРАВЛИВАТЬ (пятно) СТРАВЛЯТЬ (пар)	Омонимия корня при синонимии аффиксов
32	—	+	+	—	+	—	СТРАВЛЯТЬ (пар) ВЫТРАВЛЯТЬ (пятно)	Омонимия корня при тождестве суффиксов и синонимии префиксов
33	+	—	+	+	+	—	ЗАПЫЛИТЬ (начало дей- ствия), ЗАПЫЛИТЬ (костом)	Омонимия префикса при тождестве основы
34	+	—	+	—	—	—	ПОДМЕТНУТЬ — ПОДМЕ- ТАТЬ (пол)	Омонимия корня и префикса при различии суффиксов
35	+	—	+	+	—	—	ПЕРЕГРУЗИТЬ (заново) — ПЕРЕГРУЖАТЬ (слишком)	Тождество корня при различии суффиксов и омонимии префиксов

Продолжение таблицы 2

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
36	+	-	+	+	+	-	НАЛЕТАТЬ (км. с/в) и НАЛЕТАТЬ (на что-либо)	Тождество корня при омонимии суффиксов и префиксов
37	+	-	+	+	-	+	ОБЛЕТАТЬ (н/в от «облететь») и ОБЛЕТАТЬ (н/в — «испытывать»)	Тождество корня при омонимии префиксов и синонимии суффиксов
38	+	-	+	-	+	-	ЗАСЫПАТЬ и ЗАСЫПАТЬ (от спать)	Омонимия корневой морфемы и аффиксов
39	+	-	+	-	-	+	СПЛАВЛЯТЬ (лес) и СПЛАВЛИВАТЬ (металлы)	Омонимия корневой морфемы при омонимии префиксов и синонимии суффиксов
40	+	-	+	-	+	+	ПЕРЕПРАВЛЯТЬ (через реку) и ПЕРЕПРАВЛЯТЬ (заново рукопись)	Омонимия корневой морфемы при омонимии префиксов и тождестве суффиксов
41	-	+	-	+	+	+	УМИРАТЬ — ПОДЫХАТЬ	Синонимия корня и префиксов при тождестве суффиксов
42	-	+	-	-	-	-	УПРЯТАТЬ (в тюрьму), ЗАСАДИТЬ (в тюрьму)	Синонимия префикса при различных основах (при различных корнях и суффиксах)
43	-	+	-	+	-	-	ПОДОХНУТЬ — ОКОЛЕВАТЬ ИЗВЛЕЧЬ — ВЫТАСКИВАТЬ	Синонимия корневой морфемы и префиксов при различии суффиксов
44	-	+	-	+	-	+	НАПРАВЛЯТЬ — СДЕЛАТЬ	Раздельная синонимия всех морфем, кроме суффикса, являющегося омонимичным

Продолжение таблицы 2

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
45	—	+	—	+	—	+	—	+	НАПРАВИТЬ ⁹⁾ — СДЕЛАТЬ ВЫТАЩИТЬ — ИЗВЛЕЧЬ	Соответственная синонимичность всех морфем
46	—	+	—	—	—	—	+	—	ПОЛОМАТЬ — УМНОЖАТЬ	Синонимичность префиксов, омонимичность суффиксов и различие корней
47	—	+	—	—	—	—	—	+	ВСПУХАТЬ — ОПАЛИВАТЬ	Синонимия префиксов и суффиксов при различии корней
48	—	+	—	—	—	—	+	+	ЗАСОХНУТЬ — ПОДОХНУТЬ ПОЧИНАТЬ — ПРИГОТОВ- ЛЯТЬ	Тождество суффиксов при синонимичности префиксов и различии корневых морфем
49	+	—	—	—	—	+	+	+	ЗАПЫЛИТЬ (начать) — ЗА- ПОРОШИТЬ (пылью)	Омонимичность префиксов, синонимичность корней, тождество суффиксов
50	+	—	—	—	—	—	—	—	ЗАКРИЧАТЬ — ЗАРЕЗАТЬ	Омонимичность префиксов при различии остальных морфем
51	+	—	—	—	—	+	—	—	ПЕРЕВИТЬ (занею) — ПЕРЕ- КРУЧИВАТЬ (до приведения в негодность)	Синонимия корня при омонимии префиксов и различии суффиксов
52	+	—	—	—	—	+	+	—	ПОБРОСАТЬ (с/в от бросать) и ПОКИДАТЬ (н/в от «поки- нуть»)	Синонимия корня при омонимии префикса и суффикса
53	+	—	—	—	—	+	—	+	ПОХОДИТЬ (немного) и ПО- ШАГАТЬ (начать движение)	Омонимия префиксов при синонимии корня и суффиксов

⁹⁾ В данном случае используется диалектный глагол НАПРАВИТЬ (= СДЕЛАТЬ), НАПРАВЛЯТЬ н/в, восходящий к форме ПРАВИТЬ («ДЕЛАТЬ»).

Продолжение таблицы 2

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
54	+	-	-	-	+	-	ЗАШАГАТЬ — ЗАСЫПАТЬ (землей)	Омонимия префиксов и суффиксов при различии корневых морфем
55	+	-	-	-	-	+	СВЯЗЫВАТЬ — СЛЕТАТЬ (на землю н/в)	Омонимия префиксов при синонимии суффиксов и различии корневых морфем
56	+	-	-	-	+	+	ЗАПРЫГИВАТЬ — ЗАКУРИВАТЬ	Омонимия префиксов при тождестве суффиксов и различии корневых морфем
57	+	+	-	+	+	+	ПОКИДАТЬ (вещи) и ПОБРОСАТЬ (вещи)	Синонимия корневой морфемы при тождестве аффиксов
58	+	+	-	-	-	+	ПЕРЕЛЕТЫВАТЬ — ПЕРЕБЕГАТЬ	Тождество префиксов при синонимичности суффиксов и различии корневых морфем
59	+	+	-	+	-	-	ЗАПРЫГНУТЬ — ЗАСКАКИВАТЬ	Тождество префиксов при синонимии корневых морфем и различии суффиксов
60	+	+	-	+	+	-	СКЛИКАТЬ (н/в) и СОЗВАТЬ (с/в); СРУБАТЬ (с/в) и ОСЕКАТЬ (н/в)	Тождество префиксов при синонимии корневых морфем и омонимии суффиксов
61	+	+	-	+	-	+	СКИДАТЬ (н/в, устар.) и СБРАСЫВАТЬ	Тождество префиксов при синонимии корня и суффиксов

Продолжение таблицы 2

№ п. п.	Ф	С	Ф	С	Ф	С	Примеры	Характеристика
62	+	+	-	-	+	-	ОБСЫХАТЬ — ОБСЫПАТЬ	Тождество префиксов при омонимии суффиксов и различии корней
63	+	+	-	-	+	+	ПРОДУМАТЬ (час) и ПРОСИДЕТЬ (час)	Тождество префиксов при синонимии суффиксов и различии корневых морфем
64	+	+	-	-	+	+	ВЫПРЫГНУТЬ — ВЫТОЛКНУТЬ	Тождество префиксов при тождестве суффиксов и различии корневых морфем

В. Д. ФАТНЕВА

КОНКРЕТНЫЕ ОСНОВЫ ПОРЯДКОВОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО «ПЕРВЫЙ» В НЕКОТОРЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Интересным и своеобразным по возникновению и значению является порядковое числительное «первый». Оно может давать предмету не только локальное, но и темпоральное определение¹⁾. Следовательно, в основе этого порядкового должно находиться такое понятие, которое по своему значению является, во-первых, очень конкретным, а, во-вторых, ярко указывает на самое переднее положение предмета. В большинстве индоевропейских языков связь числительного «первый» с его конкретной основой абсолютно утрачена. Чтобы её установить, необходимо провести целое разыскание. В других же языках индоевропейской семьи происхождение порядкового «первый» уже установлено. Так, относительно хеттского порядкового *hantezzi* «первый» выяснено, что оно является производным от существительного *hant* «лоб»²⁾. Эта же хеттская основа *hant* является родственной целому ряду наречий, засвидетельствованных в различных индоевропейских языках: греч. *αντι*, ди *anti*, лат. *ante*³⁾. Сюда же относится хеттское *hanti* «отдельно, раздельно, особо». Если греческое *αντι* «против, напротив», древнеиндийское *anti* «против», латинское *ante* «перед, прежде» ещё сохраняют некоторую внутреннюю семантическую связь с существительным *hant* «лоб», то хеттское *hanti* такую связь полностью утратило. Учитывая этот и подобные ему факты хеттского языка, Вяч. В. Иванов⁴⁾ говорит о возможности образования наречий такого типа из древнейших полунаречных образований, которые, видимо, «... никогда полностью в парадигму именного словоизменения не входили. Эти полунаречные образования, в свою очередь, по возникновению связаны с местным падежом на -i и направительным на -a < ие о долгого. В этом отношении интересно привести данные греческого языка. Мы имеем в виду наречия *αντα* «прямо, в лицо» и *αντι* «против, напротив»; последнее, кроме того, может быть и предлогом. Оба эти слова являются образованиями от одной и той же основы, а если выражаться точнее — падежными формами одного и того же существительного. Общеизвестно, что -a- краткая — показатель винительного падежа единственного числа основ на согласный. Не противоречит этому и уда-

¹⁾ Т. Д. Чочуа. Супплетивы и их место в словарном составе языка. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1962, стр. 11 В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., Л., 1949, стр. 590.

²⁾ В. В. Иванов. Общендоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 207, Хеттский язык. М., 1963, стр. 182.

³⁾ В. В. Иванов. Общендоевропейская, праславянская... стр. 13.

⁴⁾ В. В. Иванов. Хеттский язык, стр. 181, Общендоевропейская, праславянская... стр. 203.

рение. Следовательно, *avta* — форма винительного направительного от какого-то существительного. Оно должно быть односложным, о чём свидетельствует переход ударения с гласного основы *-a-* на гласный окончания *-i* в форме местного падежа, в греческом слившегося отчасти с дательным падежом: *avti*. Ориентируясь на значение наречия *avta* «прямо, в лицо», *avti* можно перевести: «против, напротив», т. е. «перед лицом». Если попытаться реконструировать форму именительного падежа этого существительного в греческом языке, она могла бы иметь вид **ag*, **avtos*. Но такого слова в древнегреческом не засвидетельствовано. Непосредственную связь с приведёнными греческими наречиями имеет хеттское *hant* «лоб». Учитывая наличие тох. А. *ant* «лоб», хетт. *hant* «лоб», *hanti* «отдельно, раздельно, особо», греч. *avta* «прямо, в лицо», *avti* «против», ди *anti* «то же», лат. *ante* «перед, прежде», можно констатировать, что слово это древнейшего порядка и в остаточном состоянии сохранилось в ряде индоевропейских языков. Вяч. В. Иванов отмечает, что значение, более близкое понятию «лоб», сохраняет компонент *-handa* «... входящий в архаичное хеттское сложение *menahhanda* «перед лицом», где *mena* < *mane*; ср. *meni* — *met* «моё лицо»⁵). Вторая часть этого сложного образования — *handa* — означает «перед», то есть «против (чего-либо)» (в данном случае — «против лица»). Такая её семантика является переходной от существительного *hant* «лоб» к *hanti* «против»; ср. ди *anti*, греч. *avti* «против». В хеттском же языке это значение, развиваясь, приобретает различные оттенки: «отдельно, раздельно, особо». Следовательно, от одного и того же существительного хеттского языка *hant* «лоб» образуются и наречия *hanti* «особо, отдельно», *handa* «таким образом, действительно, соответственно» и порядковое числительное *hantezzi* «первый, передний»). По своему образованию порядковое *hantezzi* «первый» является прилагательным, возникшим на основе существительного *hant* «лоб» при помощи суффикса *-zzi* (ие **-tio*). В древнехеттских текстах *hantezzi* употребляется в значении «передний». О характерности такой семантики свидетельствует сочетание *hantezzias GIR-as* «передняя нога» и наречие *hantezziaz* (из формы отложительного падежа единственного числа) «впереди». Вместе с тем уже в древнейших памятниках встречается у прилагательного *hantezzi* «передний» значение «первый»; то есть образование от существительного *hant* «лоб» воспринимается уже в тот период как слово, характеризующее предмет в пространственно-временном отношении. Кроме того, в сочетании *hantezzias IR* «первый подданный» оно употребляется в качестве социального термина. Если это прилагательное служит определением должностного лица, то обозначает «главный». Иногда *hantezzi* служит в древнехеттских текстах для указания на старшинство сына или дочери в семье⁶). Следовательно, ко времени создания древнехеттских памятников порядковое числительное *hantezzi* уже сложилось. Период его формирования можно отнести к более раннему времени. Создавая это

⁵) В. В. Иванов. Указ. соч.: стр. 14:

⁶) В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 207—208:

прилагательное, древний человек исходил из конкретного существительного *hant* «лоб». Употребление этого прилагательного в качестве порядкового числительного «первый» удовлетворяло его постольку, поскольку оно было связано с определённой, конкретной частью головы, точнее — лица, с ярко выраженным указанием на переднее положение. Первоначально *hantezzi* служило для пространственной характеристики предмета. Все прочие оттенки значения были им получены в процессе дальнейшего развития. Если учесть, что в ряде индоевропейских языков имеются слова, родственные хеттскому *hant* «лоб», но ни в одном из них пока не обнаружено образования от этого же корня в значении порядкового «первый», кроме хеттского, то можно предположить, что наречные индоевропейские формы как падежные образования древнейшего типа, возникли раньше того момента, когда сформировались представления древних хеттов о *hantezzi* как о числительном «первый». Восприятие прилагательного *hantezzi* «лобовой, передний» в качестве порядкового «первый» — это уже определённая ступень абстрагирования, которое происходило, по-видимому, уже после отделения и относительной изоляции хеттов от индоевропейской языковой общности, в период самостоятельного развития хеттского языка.

Этимология греческого порядкового числительного *πρῶτος* «первый» не выяснена в полной мере. В «Сравнительном словаре индоевропейских языков»⁷⁾, в качестве исходной формы, давшей в процессе развития атт.—ион. *πρῶτος*, дор. *πρᾶτος*, приводится **πρωατος*. «Группа гласных -оа > а долгое, может быть, под воздействием ударного а?»). Вообще же соответствие дор. а с атт.—ион. ω не является закономерностью. Гофман⁸⁾ подвергает анализу греческую форму *πρωτερος* «*der vorgere, vorige, frühere*» *Πρωτερος* он толкует как образование от ио **πρω-* (греч. *πρω*). Суффикс *-τερος*, по его мнению, образует форму сравнительной степени. В качестве аналогичного словообразования он приводит авест. *fratarā*, ди *pratarām* «*weiter, künftig*»; ие **рго-*, ди *pratār* «*früh, morgens*». Таким образом, по мнению Гофмана, греческая основа *πρωτερος* имеет в качестве индоевропейского корня **рго-/*рг̄о-*. Фриск⁹⁾ считает, что в основе числительного *πρῶτος* находится корень с исчезающей ступенью г слогового. По его мнению, порядковое *πρῶτος* является новообразованием, созданным по образцу таких числительных, как *τετταρτος*, *τριτος*.

Обладателем своеобразной точки зрения в этимологии сравнительной степени *πρωτερος* является Эмиль Буазак¹⁰⁾. Он тоже не анализирует порядкового *πρῶτος* «первый». Его больше привлекает форма *πρωτερος* «первый из двух», зендск. *fratarā* «предыдущий», скр. *pratarām* «дальше». С этим рядом он сравнивает скр. *protar* *früh, tête, le matin* < ие **рго-*, форма *πρωτερ-* <, гом. *πρωτι* и *προς*. В свою очередь, *προς* Буазак выводит из *πρωτι* «напротив, против»; ср. сскр. *prāti* «напротив чего-либо, относительно». Буазак отмечает, что *προς* в фонетическом и синтаксическом отношениях является близким ие основе **protj-*. В гре-

7) A. Walde, *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen* herausgegeben und bearbeitet von I. Pokorny, B. d. II, Berlin und Leipzig, 1927, S. 37.

8) *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen* von J. B. Hofmann, München, 1950, S. 285.

9) H. Frisk, *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1954—1966, 17, S. 609.

10) *Dictionnaire Etymologique de la langue grecque* par Emil Boisacq, Paris, 1916, 816—817.

ческом языке древнего периода сочетание $-tj-$ в интервокальном положении $\> \sigma$: $\rho\lambda\sigma\omega\lambda\sigma\nu$ «лицо» $\leftarrow *protj\sigma\nu\sigma\nu \leftarrow *protj\sigma\nu\sigma-m-$; ср: скр. $pratinam$ «лицо» ие $*proti\sigma\nu\sigma-m^{11}$). С приведёнными формами связано и эол. $\rho\rho\epsilon\varsigma \leftarrow *pretj-$. Древнее $\rho\rho\epsilon\varsigma$ в значении «голова» или что-то близкое этому Пизани хотел бы увидеть в месапском $\rho\rho\epsilon\varsigma\tau\omicron\lambda\iota\varsigma$. Значение этого месапского композита неизвестно. Предположительно Пизани толкует смысл этого слова как «главный жрец, хозяин (города)»¹²). Фриск¹³) отмечает наличие чередования o/e в ие основе $*protj-/(*pretj-)$ и возможность перехода $tj \> s$. Непосредственно с индоевропейской основой $*pret-$ связано латинское слово $pretium$ «цена, стоимость»; первоначально в обмене — «эквивалент, выставляемый взамен предлагаемого предмета», то есть, как говорят у нас в таких случаях, пользуясь тюркским заимствованием: «Баш на баш» («голова (меняется) на голову»). Латинское слово $pretium$ связывают с индоевропейским прилагательным $*pretjos^{14}$), что должно переводиться как «головной или лицевой», то есть «передний». Возможно, что в древнейший период в ие $*protj-$ — содержалось g слоговое. Именно этим можно объяснить легко происходящую метатезу $go \> og$ в критском $\lambda\omicron\rho\tau\iota$, $\rho\lambda\omicron\tau\iota$; в памфильском $\lambda\epsilon\rho\tau$ — $\epsilon\Delta\omega\kappa\eta$. Все эти основы греческого языка и его диалектов включают в свой состав древнейший индоевропейский корень $*rg-$, расширенный за счёт распространителя $-t$. Напоминанием о былом присутствии g слогового в ие $*rg-$ — служат слова балтийских языков, содержащие результат развития этого индоевропейского корня: лит. $pu\check{n}is$ «морда животного; рыло» лтш. $pu\check{n}is$, диал. $pu\check{n}is$ «то же; носок сапога или другой обуви»¹⁵). Индоевропейское g слоговое отразилось в этих словах в виде сочетания ug . Кроме того, в балтийских языках корень $rig \leftarrow *rg-$ распространён за счёт элемента $-n-$. Чередование элементов $-n-//t-$ в основе имело место в древний период развития индоевропейских языков¹⁶). Наряду с $-n-$ корень $rig \leftarrow *rg-$ в балтийских языках может быть оформлен за счёт распространителя $-p-$; лит. $pu\check{g}ras$ «губы». Характерно, что при различной семантике $pu\check{n}is$ ($pu\check{g}ras$) и $pu\check{g}ras$ сохраняется их внутренняя смысловая общность, так как то и другое обозначает переднюю часть головы, с той лишь разницей, что $pu\check{n}is$ — это передняя часть головы животного, $pu\check{g}ras$ — часть лица человека. После палатализации согласных $ug \leftarrow ie g$ слогового в балтийских языках могло переходить в ir^{17}). В основе порядкового числительного $pir\check{m}as$ «первый», восходящего к ие $*rg-$, мы, очевидно, имеем сочетание ir именно такого происхождения. В таком случае в балтийских языках слова для обозначения губ, морды, рыла — с одной стороны, и порядкового «первый» — с другой, имеют варианты корни $rig-//rig-$, восходящие к одному индоевропейскому источнику $*rg-$. Поскольку древнего индоевропейца, в частности, балта, окружали конкретные предметы, то и в мы-

¹¹) E. Boisacq. Указ. словарь, там же.

¹²) Точку зрения Пизани привожу по указанному словарю Фриска, выпуск 17, стр. 609.

¹³) H. Frisk. Указ. словарь, стр. 601.

¹⁴) Lateinisches Etymologisches Wörterbuch von A. Walde, neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann, Heidelberg, 1954, II, S. 362—363.

¹⁵) См. примеры Litauisches Etymologisches Wörterbuch von Prof. Ernst Fränkel. Heidelberg, 1947—1966, S. 66—67.

¹⁶) Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. ЛГУ, 1967, стр. 111, прим. 40.

¹⁷) Е. Курилович. О балто-славянском языковом единстве. «Вопросы славянского языкознания», М., 1958.

Слех его складывались вполне определённые, очень конкретные понятия. Язык его беден словами, выражающими нечто абстрактное¹⁸⁾. Учитывая подобное положение вещей, можно говорить о первичности основ конкретных типа *rigp-//rigp*—«морда; губы». На базе этих слов формируется представление о переднем положении предмета. Это представление находит своё конечное воплощение в порядковом *rigmas* «первый», которое является абстракцией от конкретного содержания существительных. На первых порах сформировалось, очевидно, локально-пространственное значение числительного «первый». Это в большей мере сближает его с прилагательными. Греческое числительное *πρῶτος* «первый» и все однокоренные с ним наречия типа *πρῶτι//πῶρι* «против, напротив» уже достаточно абстрактны по своему содержанию, хотя в них ещё имеется некоторая конкретность, если речь идёт о пространственном аспекте значения. Так как числительное греческого языка *πρῶτος* «первый» не составляет исключения из общего развития мышления от конкретного к абстрактному, кажется правомерным сближение Эмиля Буазака греч. *πρῶς* < *πρῶτι*, а тем самым и основы порядкового числительного *πρῶτ-ος*, с ие **protj-*, «лицо». Индоевропейский корень **рг-* образует здесь основу посредством распространителя *-t-*. Так как в числительном *πρῶτος* корневой гласный долгий, а в балтийских, славянских и германских языках ему соответствует корневой краткий, то мы можем говорить о возникновении долготы гласного в греческой основе уже после отделения греческого от балто-славянских и германских языков. С греческим порядковым *πρῶτος*, содержащим долгий гласный в основе, сближается по долготе корневого гласного древнеиндийское *prātaḥ*. В этих словах общая основа — *πρῶτ-//prāt-*, оформленная различно: в греческом — окончаниями *-ος*, *-ου*, *η*, в древнеиндийском — суффиксом *-āḡ*.

В древнегреческом языке сохранились долгие гласные *e*, *a*, *o*; в древнеиндийском все они совпали в *a* долгом. Этим объясняется трудность установления индоевропейского прототипа корневого долгого *a* в слове *prātaḥ*. Возможно, что им является ие *o* или *e* долгие.

Древнейшим индоевропейским чередованием гласных было чередование качественно различных *e//o*. В рамках развития индоевропейского корня **рг-* в греческом языке и его диалектах оно отразилось тоже: гом. *πρῶτι* < крит. *πῶρι*//эол. *πρῶς*/памфильск. *πῶρι*—εΔωκη; ср. лат. *prēt-iūm*, лит. *prēt*. Все эти слова восходят к индоевропейскому корню, который первоначально в качестве гласного содержал в своём составе *г* слоговое. Конечно, этот корень **рг-* — фактически реконструирован для того предполагаемого периода языкового развития, когда собственно гласные ещё не оформились окончательно. *г* слоговое, наряду с другими сонантами, выполняло функцию гласного¹⁹⁾. В приведенных словах мы имеем уже чередование *e//o*. Это — целый этап в развитии фонетического состава языка; отразился он и в судьбе *г* слогового. Так как гласные сформировались и противопоставились ряду согласных, сонанты, в том числе и *г* слоговое стали терять свои качества гласных. Они всё больше закреплялись в роли согласных, создавая с краткими гласными дифтонги²⁰⁾. Но поступательный процесс развития индоевропейского *г* на этом не

¹⁸⁾ Ю. В. Откупщиков. Указ. соч., стр. 167.

¹⁹⁾ В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 20—21.

²⁰⁾ Ф. А. Никитина. Значение фонетики древнегреческого языка для сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков (автореф. канд. дисс.). Киев, Госуниверситет, 1956, стр. 8.

прекратился. В словах, возникших на основе $\text{ie } *pr_0- > *pro_0- // *pre_0-$, развилось количественное чередование гласных $o//o$ долгое: греч. $\text{протерон, протн//протс}^{21}$) ие $\text{рго//рг}^{\bar{o}}$, так как есть старославянское $\text{про} < \text{ие } *pr_0$ и $\text{пра} < \text{ие } *pr_0$. Следовательно, атт.—ионическ. порядковое протос входит в ряд чередования с основами, содержащими o . С другой стороны, в части греческих диалектов имеются образования с e : эол. $\text{прес, прети, памф. прет} — \epsilon\Delta\omega\eta$. В качестве основы, чередующейся с этими формами по долготе гласного, должна быть $*pr_0$. Основа $*pr_0$ для обозначения порядкового «первый» в греческом языке не засвидетельствована. Но наличие дорической формы пратос , где a является постоянным эквивалентом аттическо-ионической η , косвенно свидетельствует о возможном существовании подобной формы порядкового «первый». Конечно, поскольку форма $*pr_0$ не засвидетельствована, это — такая же гипотеза, как и все те, которые высказывались до неё.

В греческом порядковом числительном протос (дор. пратос) основой является прот- (прат-). Она переключается с ди prath- , авест. frat- , скифск. ghad- . Так как исходным пунктом для греческого протерос , а также и протос (пратос), можно считать $*protj-//pretj-$ «лицо, перёд» (ср. лтш. $\text{presa} < *pretj(a-)$ «передок, перёд»), то греч. протос (пратос) можно интерпретировать как образование от вполне конкретного предмета. В отношении построения основы порядкового «первый» в греческом и индоиранских языках хотелось бы отметить, что греч. прот-//прат- и ди prat — образуются прибавлением распространителя $-t-$ к производящему корню, восходящему к ие $*pr_0-$. В таком случае ди prathama , авест. fratamo , скифск. ghadam «первый» создаётся не за счёт сложного суффикса $-thama$, $-temo$, $-dam$ ($\text{ие } tpmo^{22}$), а лишь — ama , эмо , $-am$ ($\text{ие } *pmo$). Этот суффикс особенно широко представлен в иранских числительных. Если учесть предполагаемое значение основы прот- (прат-) — греческого языка и древнеиндийской prath — «лицо, перёд», то оно очень близко значению балтийских слов purnis «морда (животного)» и pigras «губы». Общность конкретной семантики заключается, вероятно, в самом индоевропейском корне $*pr_0-$, который в процессе дальнейшего развития расширился посредством различных распространителей: $-t-// -n-// -r-$. Следовательно, порядковое числительное «первый» греческого и индоиранских языков, очень рано отошедших от индоевропейской языковой общности и ставших самостоятельными, образовалось на основе очень конкретного понятия «лицо, перёд» и прошло закономерное превращение в понятие абстрактное.

Таким образом, материалы приведённых в работе языков показывают, что даже такая абстрактная категория, как порядковое «первый», в период возникновения и своего раннего развития неразрывно связано с представлениями древних о конкретных предметах: «лоб, лицо, губы, морда, перёд». Возникновение порядкового «первый» на вполне конкретной основе — это частное проявление общего процесса абстрагирования от конкретной действительности, процесса, происшедшего с древнейших времён в человеческом мышлении.

²¹) J. В. Hoffmann. Указ. словарь, стр. 284.

²²) Сравнительная грамматика германских языков. М., 1966, том IV, стр. 69—76. K. Brugmann, Grundriss der Vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1892, Bd. II, S. 228, 81 и далее.

Г. А. ЩЕПАКИНА

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА NOUA, VOUA

Обычно местоимения *noia*, *voia* возводятся романистами к латинским *pobis*, *vobis*¹⁾.

Мы, как и все исследователи, видим в них основы латинских *pobis*, *vobis*, (*nobes*, *vobes*)²⁾, утратившие конечное «-s» и притерпевшие изменение интервокально -b- > -v- > -u- и, следовательно, получившие формы *poie*, *voie*, которые позже дали *noia*, *voia*, т. е. у которых *e* > *a*. Но то, что мы изложили в нескольких строчках, потребовало много веков. Переход от *poie* к *noia* не был таким уж прямым. Ранняя форма *poie* подверглась очень распространенному фонетическому закону, имевшему место в основном в романском представителе на Балканах — румынском языке, закону дифтонгизации *o* > *oa*. Этому вопросу посвящается немало страниц в лингвистической литературе. Каждый исследователь румынского языка отмечает эту его особенность и предлагает свои решения по данному вопросу. Наиболее интересными являются работы И. Иордана³⁾, И. Пэтруца⁴⁾, А. Ионашку⁵⁾.

Иоргу Иордан в своей работе рассматривает вопрос дифтонгизации *e* > *ea*, *o* > *oa* перед слогом с *a* и *e*: *seaga*, *joasa*, *joase*. Среди слов, не подчинившихся этому фонетическому закону, им были отмечены: *doia* «два» (*amindoua* — «оба»), *noia* — местоимение «нам», *oia* — существительное — «яйца», глагол «откладывать яйца», *ploia* — «идет дождь», *goia* — существительное «роса», *voia* — местоимение «вам». Именно анализом всех слов занимается в своей работе И. Пэтруц. Он указывает ареалы произношения вышеуказанных слов в следующих вариантах: *noia*, *voia* и соответственно остальные слова на большей части территории нынешней Румынии и *noia* (с промежуточным звуком между «o» и «o») на границе между Олтенией и Валахией, между Прутом и Днестром. На северо-востоке Молдавии, в Трансильвании, Марамуше, Банате,

1) A. Rosetti. *Istoria limbii romine*, Vol., 1, Ed., Stiintifica, 1960, p. 124—125; Э. Бурсье. Основы романского языкознания. Изд. ИЛ, М., 1952, стр. 499; Н. М. Печек. Исследования в области личных местоимений молдавского языка (эволюция, семантика и синтактико-стилистические функции). Канд. диссерт., Кишинев, 1963, стр. 54—55.

2) М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. Изд. ИЛ, М., стр. 115.

3) I. Jordan. *Diftongarea lui «e» si «o» accentuati in pozitile a, e*, Iasi Viata romineasca, 1920.

4) I. Patrut. *Rostirea noua, doua, etc.*, Omagiu lui Iorgu Jordan cu prilejul implinrii a 70 ani Ed. Ac., RPR, Buc. 1958, p. 661—666.

5) Al. Ionascu. *Cu privire la problema «diftongarii» lui e si o accentuati in pozitia a, e*, Omagiu lui I. Jordan, p. 425—432.

Востоке Олтении «о» представляет собой открытый звук, записанный *uo*, *o* (*puoia*, *poia*)⁶).

В арумунском диалекте *oa* > *a*: (*a*) *gaia*, «*goia*», *paio* «*paia*» *avao*, «*voia*», но существуют формы *piuia*, *paia* ...⁷).

В мегленорумынском произносятся *piuia*, *poia*, но и *paia*⁸). В истрорумынском дифтонг *oa* > *o*, таким образом, формами дат. пад. являются *po*, *vo*⁹). На вопрос, какие формы являются более архаичными, И. Пэтруц отвечает, что это слова с дифтонгом *oa*. Произношение *poia*, *voia* является более поздним. Следовательно, он предполагает на более раннем этапе (мы будем говорить только о местоимениях) формы местоимений *poio*, *voio* с вариантами *piuia*, *viuia*, *poia*, *voia*, встречающихся в древнерумынских текстах, как *noao*, *noo*, *noaA*, *noaoъ*, *noa X*, *noa*, *nyoX*; *voao*, *voX*, *vo*, *vyoX*, *voa X*, *voao*.

Позднее, по его предложению, *oa* > *o*. В заключение своей статьи он говорит, что подобно тому, как переход *o* > *oa* (*roata*) параллелен *e* > *ea* (*mearga*), так и произношение *poia*... соответственно формам *merge*, *trece*¹⁰).

Иными словами, И. Пэтруц считает, что переход *o* > *oa* параллелен *e* > *ea* и свойствен общерумынскому языку (до разделения его на диалекты)¹¹). Позднее *oa* > *o*, *ea* > *e*, дав формы *poia*, *voia*, параллельные вышеуказанным *merge*, *trece*. А. Ионашку другого мнения. Он считает, что ударные гласные *e*, *o* прошли через две фазы развития. Первая фаза в общерумынском языке дала:

o, *e* — если в следующем безударном слоге были — *i*, *u*;

o, *e* — в конце слова или если в последующем безударном слоге *e*, *a*;

1. Это положение и сейчас имеется в истрорумынском, мегленорумынском и дакорумынском (на севере) диалектах.

Вторая фаза имела после разделения общерумынского на диалекты: в большинстве говоров арумунского и мегленорумынского:

o > *oa*

e > *ea*

в южных говорах дакорумынского:

o > *oa* или *o*

в зависимости от отсутствия или присутствия следующего округленного согласного:

e > *ea* или *e* в зависимости от отсутствия или присутствия следующего палатилизованного согласного¹²).

А. Вайан¹³), Е. Петрович¹⁴) склонны верить в славянское влияние появления *oa*, подобно *ea*.

А. Росетти в одной из своих последних работ высказывает предположение, что дифтонгизация *o* > *oa* имела место до славянского влияния, т. е. примерно в VI—VII вв.¹⁵).

⁶) I. Patrut. Указ. соч., стр. 661.

⁷) Указ. соч., стр. 662.

⁹) Там же.

⁸) Там же.

¹⁰) Там же, стр. 665.

¹¹) Указ. соч., стр. 662.

¹²) А. Ionescu. Указ. соч., стр. 432.

¹³) A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, T. 1, Phonétique, Lyon—Paris, 1950, p. 114.

¹⁴) E. Petrovici. Influenta slava asupra sistemului fonemelor limbii romine, Societatea de Stiinte istorice si filologice, Buc., 1956, p. 17—19.

¹⁵) A. Rosetti. Asupra diftongarii lui *e* si *o* accentuati in limba romina, Studii si cercetari lingvistice, an XV, № 5, 1964, p. 573.

Анализ вышеуказанных работ дает возможность сказать, что все исследователи пришли к единому мнению о том, что переход $o > oa$ (И. Пэтруц, А. Росетти), $o > oa$ (А. Ионашку), появление oa под славянским влиянием (А. Вайан, Е. Петрович) — явление, присущее общерумынскому языку¹⁶).

На основании наших наблюдений и исследований дако-фракийского языка мы считаем, что это фонетическое явление, которое в общерумынский период развивалось и крепло, берет свое начало в языке аборигенов. Славянского влияния здесь, на наш взгляд, нет. Подобное мнение высказывает В. Георгиев в работе, посвященной дакийскому субстрату в румынской фонетике¹⁷).

Следовательно, латинские местоимения *pobis, vobis*, утратив «s», претерпев изменения $b > v > u$, дали формы *poce, voce*, имеющие o . Это o в устах туземного населения дифтонгизировалось в oa , дав *poaie, voaie*. Трудно сказать, был ли этот дифтонг нисходящим или восходящим на первом этапе, но время, несомненно, подвергало эти местоимения большим фонетическим изменениям. Доказательством служат формы, встречающиеся в довольно поздних памятниках румынского языка, а также существующие в румынских диалектах. Несомненно и то, что решающим фактором в их огласовке была неустойчивость ударения, быть может, в связи с использованием этих местоимений в потоке речи.

Истрорумынский и мегленорумынский диалекты, имеющие в дательном падеже соответственно *po, vo, pa, va* (в качестве неударного), на наш взгляд, говорят о том, что все эти местоимения являются образованиями более древними и бытовавшими, быть может, параллельно с вновь нарождающимися *poaie, voaie*.

С. Пушкариу¹⁸) указывает, что у Г. И. Асколи для истрорумынского зафиксированы в дат. пад. формы *a po, poi, a voi*, что говорит нам о предполагаемой унификации форм для мн. ч. им., вин., дат. падежей. Майореску находят форму *poce, a poi* (дат., мн. ч., I л.)¹⁹), Сайовек находит славянскую (*de*) *nam*²⁰).

Дакорумынские формы *poaie, voaie*, однако, продолжали изменяться. Конечное e , а дало формы *apoaua, avoaua*²¹), для арумынского языка, который, однако, имеет и формы, утратившие o : *apaia, avaia*, а также *apaо, авао*, утратившие u .

Формы: *apoaua, avoaua*
apaia, avaia
apaо, авао

говорят нам о том, что дифтонг oa представляет в первом ряду звук с неударным кратким o , который зачастую и не слышится исследователем (запись 2-го ряда). Третий ряд местоимений повторяет положение: ua с неударным кратким u дает округленный звук o , видимо, неустойчивый и близкий к a . Наличие этих 3-х рядов показывает, что формы дат. пад. мн. ч. и сейчас не представляют единства, что ударным является слог с a : *apoaua, apaia, apaо*. Утрату в них « o » можно объяснить и влиянием впереди стоящего a . Вернемся теперь к нашим дакорумынским формам

¹⁶) H. Tiktin. Rumänisches Elementarbuch, Heidelberg, 1905, s. 23, 32.

¹⁷) V. Georgiev. Dakisches Substrat in der Rumänischen Lautlehre, Studii si cercetari lingvistice, Omagiu lui Al. Graur cu implinirea a 60 de ani, № 3, an XI, 1960, p. 483. Die dakischen Glossen und ihre Bedeutung zum Studium der dakischen Sprache. Ling. balkanique, XIII, София, 1964, p. 10, 13.

Г. А. Щепаккина. Сравнительно-историческое исследование личных местоимений румынского языка. Канд. диссерт., Томск, 1965, стр. 50—81.

¹⁸) S. Puscariu. Studii istroromine. Buc., 1926, p. 158.

¹⁹) Там же.

²⁰) Там же.

поае, воае, давшим поаа, воаа, затем поао, воао. Здесь, как считает Н. М. Печек, видна тенденция закрыть распространенный дифтонг при помощи лабиального «о».

Мы полагаем, что дальнейшее развитие этих форм определено было общей парадигмой местоимения.

Когда языку нужно было выбирать основу между оа и о для местоимений дат. пад. мн. ч., то предпочтение было отдано основе с о и тем самым основа дат. пад. была уподоблена всей парадигме

Nom.	poi	voi
Dat.	poa	voa
Acc.	poi	voi,

а также словами:

- 1) ед. ч. ou «яйцо», мн. ч. ova < ovum, ova;
- 2) м. р. doi «два», ж. р. doua < duo, duae;
- 3) ploa «идет дождь» < plovía;
- 4) goa «роса» < ros, rotis;
- 5) м. р. poi, ж. р. poua «новый» < novus, nova.

Интересно и то, что Д. Детчев находит среди глосс фракийского языка название притока, записанное Νοης; Novas город Noval, Novae, Novai, Nobae²²). Формы эти говорят о том, что в языке дако-фракийцев наблюдался уже переход $b > v > u$, были дифтонги ou, ua, которые мы имеем и сейчас во всех вышеперечисленных словах, а также местоимениях.

Вполне возможно, что формы поао, воао и им параллельное поаа, воаа, поаа, воаа после монофтонгизации оа > о²³) и появления «w» в результате зияния²⁴) дали формы поаа, воаа.

Итак, на основании всего вышеизложенного можно сказать, что местоимения лат. vobis, vobis, претерпев целый ряд фонетических изменений, свойственных балканской латыни, подчинились также одному из фонетических законов, присущих дако-фракийскому языку: дифтонгизации о > оа, а позднее монофтонгизации оа > о в дако-румынском диалекте. Формы поаа, воаа являются поздними образованиями.

²¹) Мы уже говорили о том, что «а» в начале слов — характерная черта арумынского языка.

²²) D. Detshev. Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, s. 332.

²³) I. Patrut. Указ. соч., стр. 662.

²⁴) Н. М. Печек. Указ. соч., стр. 54.

С. У. РОДИОНОВ

ПРИЧАСТИЕ II В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистике вопрос о происхождении и развитии причастий трактуется по-разному. Бругман отмечает, что причастия на *-ent-*, *-nt-*, *-lneo-*, и *-ues-*, *-us-* происходят от прилагательного, хотя они стали причастиями еще в стадии праязыка. Он называет формы на *-to-*, *-по-* отглагольными прилагательными и считает их более поздними образованиями, вошедшими в глагольную систему позднее причастий¹⁾. Проводя различие между причастиями и отглагольными прилагательными на *-to-*, *-по-*, Бругман писал: «Отглагольные причастия отличаются, как известно, от причастий тем, что они образуются не от временной основы, а от корня слова»²⁾. В работах Мейе, Тумба, Прокоша и Гухман формы на *-to-*, *-по-* называются причастиями. Мейе пишет: «Страдательное причастие прошедшего времени восходит к индоевропейскому прилагательному на *-to-* или на *-по-*, связанному с корнем или с именной основой, но первоначально независимому от глагольной основы»³⁾. Далее Мейе указывал, что прилагательные на *-to-* и *-по-* в общиндоевропейском были чаще всего производными от имён: например, латинское *barbatus* и литовское *barzdotas* «бородатый» — от латинского *barba*, литовского *barzda* «борода». Многие из этих прилагательных были связаны непосредственно с корнями. В этом случае гласная корня была на нулевой ступени⁴⁾.

В германских языках причастия прошедшего времени на *-по* образуются у сильных глаголов присоединением суффикса *-по-* к корню, обычно с тематическим гласным *-о-*, иногда *-е-*. Перед такими причастиями употреблялись префиксы (*gi-*, *ga-*, *ge-*). В древнеанглийском употреблялся префикс *ge-*, который позднее перешёл в *i-*, *у-*; в древнесаксонском и древневерхненемецком он встречался в виде *gi-*, *ga-*, в готском — как *ga-*. Первоначально этот префикс имел перфектное значение. Слабые глаголы образовывали причастие прошедшего времени от основы, тождественной основе претерита в единственном числе, при помощи формативов *-th-* (*-d-*) *-t-*; ср. готск. *salbo-th-s* «помазанный», рун. *h(1)aiwi-d-aR* «погрёбённый», др.-исл. *kalla-th-r* «назван-

1) *Indogermanische Forschungen*, Band V, Zweites Heft, Strassburg 1895. К. Brugman. Die mit dem Suffix *-to* gebildeten Partizipia im Verbalsystem des Lateinischen und des Umbrisch — Oskischen, S. 89—90.

2) К. Brugman und Delbrück. Grundriss der Vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Vierter Band. Strassburg 1897, S. 483—484.

3) А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 214.

4) А. Мейе. Там же, стр. 214.

ный», др.-англ. *sealf-o-d* «помазанный и т. д.⁵⁾). В древнеанглийском языке причастия прошедшего времени обычно образуются от нулевой ступени корня прибавлением форманта *-ep-* для сильных глаголов и *-ed-* для слабых. Причастие II в этом языке появляется в ранних текстах как с суффиксом *-ip-*, так и с *-aep-*, ср. мерсийские формы: *forsleginum*, *gibaep*.

Суффикс *-ep* представляет собой вариант первоначального древнеанглийского форманта *-aep-* в таких формах, как например: мерсийское *gibaep* и нортумбрийское *hefaep*. Таково происхождение окончания сильного пассивного причастия прошедшего времени, которое нормально не имеет умлаута. Формант *-ip-* причастия II вызывал умлаут, если он был исконным, как, например, в мерсийском *sleginum*, нортумбрийском *woerrep* и т. д., но он не вызывает умлаута, если употреблялся вместо первоначального *-aep-*, ср. мерсийскую форму *Er. binumini*⁶⁾.

Корневая гласная причастий 1—3 классов сильных глаголов в основном совпадает с гласным претерита множественного числа, т. е. имеет нулевую ступень огласовки. Во втором и третьем классах германское и сохранилось благодаря гласным и или *i* последующего слога. Позднее древнегерманский гласный и перешёл в *o* вследствие того, что он стал безударным и утратил напряжение. Гласный *u* оставался неизменным, если за ним следовал носовой согласный. Гласный *i* сохранился в корне причастий прошедшего времени глаголов первого класса как элемент, вошедший в состав корня этого причастия на нулевой ступени гласного чередования. В 4 и 5 классах сильных глаголов причастие II первоначально также имело гласный чередования корня на нулевой ступени. В дальнейшем в этой форме появился редуцированный гласный, который развился в *u* и сохранялся перед носовым, расширялся в *o* перед плавными, а перед другими согласными развился в *e*. Поэтому мы имеем для этих классов глаголов причастия II типа: *stolen*, *pimen*, *metep*. Глаголы шестого и седьмого классов имели в претерите ед. числа ударный корневой гласный, а в презенсе — неударный. Формы причастия II имели неударный гласный и поэтому он совпадал с формой гласного чередования презенса. У глаголов 6 и 7 классов мы имеем следующие главные типы аблаута:

1) древнегерманскому чередованию *a*, *o* в древнеанглийском соответствует такое же чередование, например: *fagan*, *fôg*, *fôgon*, *fagen*;

2) древнегерм. чередованию *ai*, *ê* (< *êi*) в древнеанглийском соответствует чередование *a*, *e*, напр.: *hatan*, *het*, *heton*, *haten*;

3) древнегерм. *au*, *eu*; древнеангл. *ea*, *eo*, например: *beatan*, *beot*, *beoton*, *beaten*;

4) древнегерм. *al*, *el*; в древнеанглийском то же чередование: *fallen*, *fêll*, *fêllon*, *fallen*;

5) древнегерм. *an*, *en* в древнеанглийском соответствует то же чередование, напр.: *fanzan*, *fêng*, *fêngon*, *fangen*⁷⁾.

Рассмотрим синтаксические функции причастия II на материале ранних древнеанглийских памятников, таких как *Beowulf*, *Orosius*, *Bede's*

⁵⁾ Сравнительная грамматика германских языков (в пяти томах), главная редакция: М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, Э. А. Макаев, В. Н. Ярцева. Т. IV, М., 1966, стр. 273.

⁶⁾ *Old English Grammar* by A. Campbell, Oxford, 1959, p. 85, 204, p. 303, § 735.

⁷⁾ *Marco Mincof. English Historical Grammar*. Sophia, 1955, pp. 169—170, 44. 4. The Past Participle. В данной работе по техническим причинам древнеанглийские глухой и звонкий интердентальные спиранты передаются сочетанием *th*, а передний открытый гласный — сочетанием *-ae*. См. также: *Old English Grammar* by Campbell, pp. 304—305, § 736 (e), (i). В. Д. Аракин. Очерки по истории английского языка, § 21, М., 1955, стр. 197—209.

Ecclesiastical History, Die Gesetze der Angelsachsen. Причастие II могло сочетаться с глаголами *beon*, *wesan*, *weorþan*, *habban*. В одних случаях это были уже аналитические формы, в других — еще не полностью грамматикализованные конструкции, в которых составляющие глагольные элементы имели ещё более или менее самостоятельное лексическое значение. Аналитические формы могли иметь активное или страдательное залоговое значение. Конструкция, состоящая из глагола *habban* и причастия II, не разделённая дополнением, обычно имела действительное залоговое значение.

1. Рассмотрим примеры сочетаний вспомогательных глаголов с причастиями II, которые, по нашему мнению, уже в древнеанглийском языке образовывали аналитические формы глагола.

1. *Beow. 1975—1976: Hraþe waes gerumed, swa sa rica bebed fethegestum flet innanweard*⁸⁾.

«Быстро был освобождён воинам внутренний зал, как приказал этот могущественный».

Форма *waes gerumed* поставлена впереди подлежащего и отделена от него придаточным предложением. Причастие *gerumed*, следовательно, не может быть истолковано как определение к существительному *flet*, поэтому мы воспринимаем всю глагольную конструкцию как единое целое, как аналитическую форму со страдательным залоговым значением.

2. *Beow. 12—13: Thaem eafera waes aefter cenned*. «Им (этим) сын был потом рождён».

В данном предложении наречие *aefter* способствует восприятию формы *waes cenned* как временной аналитической со страдательным залоговым значением.

3. *Bed. 412, 14: Ic wat thaette thaes storm for me is cumen sendeð waes*⁹⁾.

«Я знаю, что этот шторм был послан и наступил из-за меня».

Форма *is cumen* показывает, что действие уже совершилось, и результат его связан с моментом речи. В древнеанглийском языке такие конструкции понимались как перфектные. В сходном значении они употребляются довольно часто и в современном английском языке в виде перфектных образований непереходных глаголов движения — таких как *was gone*, *am come*, *is risen* и т. д. Например: *You all thought I was gone for good*¹⁰⁾. Почему же такая конструкция не вытесняется формами типа *I have gone*? Как отмечают некоторые исследователи, причиной сохранения таких форм является то, что они воспринимаются как более выразительные.

4. *Oros. 178, 4: aefter thaem fleame Hasterbal wearth ofslagen from his agnum folce*¹¹⁾.

«После этого побега Хастербал был убит своими собственными людьми».

Здесь форма *wearth ofslagen* имеет страдательное залоговое значение, причём агенс действия выражается предлогом *from* и существительным в дательном падеже.

5. *Oros. 30, 12—13: 7 tha aet nyhstan he waes feohtend with Sciththie, on ane burh, thaer wearth ofscoten mid anre flane*. «И затем,

⁸⁾ *Beowulf and the Fight at Finnsburg*. Ed. by Fr. Klaeber London, 1922.

⁹⁾ *The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People*, Edited by Thomas Miller. Part 1, Section 2. London MDCCCXCI.

¹⁰⁾ John Galsworthy. *End of the Chapter*. M., 1960, p. 135.

¹¹⁾ *King Alfred's Orosius*. Edited by H. Sweet, Part 1, London MDCCCLXXXIII. Early English Text Society, Original Series 79.

наконец, он сражался с ирландцами у одной крепости и там был убит стрелой».

Форма *wearth ofscoten* выражает активное действие, как свидетельствует вспомогательный глагол *wearth*, и имеет страдательное залоговое значение, что вытекает из самой формы и подчёркивается предложным дополнением с предлогом *mid*.

6. Greg. 315, 1—2: *Be thaem waes swithe ryhte gecweden thurh thone witgan*¹²). «О чём было очень справедливо сказано пророком».

Благодаря предложному дополнению *thurh thone witgan*, форма *waes gecweden* воспринимается как действие со страдательным залоговым значением.

7. Greg. 331, 23—25: *Thaet iefre thaet ge aereſt aefter hiegiath aet sithesthan hit bith bedaeled aelcre bledſunge*. «То наследство, которого вы вначале добываетесь, будет под конец лишено всякого блага».

Глагольная форма *bith bedaeled* имеет страдательное залоговое значение и выражает действие, которое произойдёт в будущем.

8. Greg. 299, 12—15: *Aelc thara the bith geeathmed, he bith upahaefen ... Aelc thara the hine ſelfne upahefeth, he wierth gehined*. «Всякий, кто унижается, возвышается (возвысится), а тот, кто сам себя возвышает, будет унижен».

Автор данной статьи придерживается мнения Фрэри о том, что форма *bith geeathmed* выражает состояние (*state of humility*), т. е. имеет значение «является унижающимся (смирненным)»¹³). М. М. Гухман даёт такой перевод этого предложения: «Тот, кто унижаем, возвысится, а тот, кто сам себя возвышает, будет унижен». Временное значение форм *bith upahaefen* и *wierth gehined* таково, что их можно понимать как выражающие повторное действие в настоящем времени или как обозначающие будущее действие.

9. Greg. 401, 21—22: *theah (h)e thonne haebbe beflogen thone geſinſcipe, thonne naefth he no beflogen tha byrthenne*.

«Хотя он избежал супружества, он не избежал его бремени».

Форма *haebbe beflogen* соответствует значению перфекта действительного залога современного английского языка.

II. Довольно часто в древнеанглийском языке встречались конструкции типа: «причастие прошедшего времени + вспомогательный глагол *beon*, *wesan*, *weorthan* или *habban*». Такие формы в большинстве случаев понимались как аналитические, по аналогии с формами, в которых вспомогательный глагол стоял перед причастием II. Следует сказать, что в древнеанглийском языке форм с обратным порядком было очень много и что только в среднеанглийском языке окончательно установился твердый порядок слов этой конструкции, при котором вспомогательный глагол ставится перед причастием. Употребление конструкций с причастием II с обратным порядком слов в древнеанглийском языке свидетельствует о том, что процесс грамматикализации аналитических форм ещё не вполне закончился. Такие формы могли иметь действительное или страдательное залоговое значение. Перейдём к рассмотрению таких конструкций.

¹²) King Alfred's West Saxon Version of Gregory's Pastoral Care, Edited by Henry Sweet. Part 2, Early English Text Society. Original Series 50.

¹³) Louise Grace Frary. Studies in the Syntax of the Old English Passive with special reference to the use of *wesan* and *weorthan*. См.: «Language Dissertations published by the linguistic society of America» Number V. September 1929, p. 24. Ср. М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Изд. «Наука». М., 1964, стр. 193.

1. Bed. IV, 248, 6—7: Forthon Osweo sothlice ongeat, theah the he from Scottum afeded gelaered waere, thaette ... «Ибо, несмотря на то, что Освео был воспитан и обучен шотландцами, он вполне осознавал, что...».

Форма *afeded gelaered waere* показывает, что действие совершилось раньше, но его результат все ещё действовал в момент, когда происходило действие, выраженное глагольной формой главного предложения. Причём формы *waere gelaered* и *gelaered waere* уже стали пониматься почти как одинаковые, так как двойственность возможного расположения глагольных элементов причастных конструкций, учитывая их большую распространённость, нейтрализовала влияние порядка слов.

2. Bede 282, 10: *aer than the he biscop geworden waere* ... «... прежде чем он стал епископом...».

Интересно, что здесь причастная конструкция *geworden waere* имеет активное залоговое значение и временное значение перфекта. Эта форма могла пониматься как действие, т. е. как «стал», а не «ставший был», потому что значение одного причастия без вспомогательного глагола семантически было бы неясным.

3. A. S. Ges. (52, 1; p. 6): *Gif widobone gebroced weortheth...¹⁴⁾*. «Если будет сломана ключица...».

Сочетание глагола *weorthan* с причастием II выражает действие, относящееся к будущему, со страдательным залоговым значением.

III. Причастие II могло употребляться в функции определения, относящегося к подлежащему или дополнению.

1. A. S. Ges. (Wiht. 14—28): *Gif feorran cumen man oththe fraemde buton wege gange* ... «Если издалека прибывший человек или иностранец идёт не по улице...».

Большой интерес представляет употребление причастия второго *cumen* от непереходного глагола в функции определения при подлежащем. В современном английском языке причастие II *come* в такой функции не употребляется.

2. Sax. Chr. A, 796: *gebundenne hine on Mierce laeddon*. «... увели его связанного в Мерсию...».

Причастие II *gebundenne* согласовано с определяемым дополнением *hine* в роде, числе и падеже.

3. Sax. Chr. A 658, p. 33: *haefde hine Penda adrifenne, rices benumenne*. «...Пенда его прогнал и лишил королевской власти...». Дословно: «... имел его Пенда прогнанного и лишённого королевской власти...».

Определения, выраженные причастиями прошедшего времени *adrifenne* и *benumenne*, согласуются с определяемым дополнением *hine* в роде, числе и падеже¹⁵⁾.

Однако встречались причастия вторые, не согласованные с дополнением, следовавшим за глаголом *habban*. Поэтому они легко могли пониматься как часть глагольного сказуемого в перфекте. Это облегчалось тем, что уже в древнеанглийском часто встречались перфектные аналитические глагольные формы.

4. Beow. 1340: *ge feor hafath faehthe gestaeled*. «И сильно отомстил за враждебность...».

Дополнение *faehthe* стоит в винительном падеже единственного числа женского рода. Форма причастия *gestaeled* с дополнением не согласована. Такие конструкции были переходными на пути образования перфектных форм типа: *hafast beflagen*.

¹⁴⁾ Die Gesetze der Angelsachsen. Herausgegeben im Auftrage der Savigny — Stiftung von F. Liebermann, Erster Band. Halle u. S., 1903, S. 6 u. 14.

IV. В Беовульфе причастие прошедшего времени иногда входит в состав сложных слов в качестве первого или второго глагольного компонента. Если причастие было первым элементом сложного слова, оно употреблялось в виде своеобразной основы, которая по форме оставалась неизменной.

1. Beow. 1872—1873: *hruron him tearas blondenfeaxum*. «... и текли у него седовласого слезы...» Дословно: «... и текли ему седовласому слезы...».

Слово *blondenfeaxum* состоит из причастия *blonden* от глагола *blandan* со значением «смешивать, мешать» и существительного *feaxum* в дательном падеже единственного числа мужского рода. Следовательно, причастие не согласовано с собирательным существительным *feax* «волосы». Как отмечают многие исследователи, такое явление отражает очень древнее состояние строя индоевропейских языков.

2. Beow. 1936—1937: *him waelbende weotode tealde handgewrithene* «... но он себе ожидал неизбежные (предназначенные) смертные узы, затянутые (завязанные) руками».

В сложном слове *handgewrithene* причастие прошедшего времени *gewrithene* стоит в винительном падеже множественного числа женского рода. Существительное *hand* употреблено в виде несогласованной основы.

V. Причастие II могло употребляться в древнеанглийском языке в самостоятельном причастном обороте, в так называемом дательном-самостоятельном.

1. Sax. Chr. E. 560, p. 19; *Her Ceawling (Aelle feng to Northhymbra rice. Idan forthgefarenum) hyra aegther gixade. xxx. wintra*¹⁵). «Здесь Кеавлин вступил на престол в Уэссексе, а Элле вступил на престол в Нортумбрии, когда Ида умер. И каждый из них царствовал 30 лет».

В дательном-самостоятельном причастном обороте *Idan forthgefarenum* причастие II имеет форму дательного падежа единственного числа мужского рода, т. е. оно полностью согласовано с именем *Idan*.

2. Sax. Chr. E. 1086, p. 218: *Thissum thus gedone. se cyng Willelm cearde ongean to Normandige*.

«Таким образом, когда это было сделано, король Вильгельм снова уехал в Нормандию».

В дательном-самостоятельном причастном обороте указательное местоимение *thissum* употреблено в форме местоимения среднего рода, в дательном падеже единственного числа. Причастие II, следовательно, с местоимением *thissum* не согласовано, так как оно имеет форму *gedone*, а не *gedonum*. Это объясняется тем, что в причастии окончание дательного падежа постепенно исчезает. В хронике за 1090-й год той же рукописи мы встречаем дательный абсолютный причастный оборот, в котором причастие II *gedon* имеет ещё более сокращённую форму.

Вышеизложенный материал даёт нам возможность сделать некоторые выводы.

Анализ древнеанглийских форм показывает, что конструкции вспомогательный глагол + причастие II были широко распространены. Вспомогательными глаголами служили глаголы: *beon*, *wesan*, *weorthan*, *habban*. Употребление такого большого числа вспомогательных глаголов в сочетании с причастием вторым создавало очень сложную картину значений таких форм.

¹⁵) В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. Изд. АН СССР, М.-Л., 1961, стр. 223. Б. А. Ильиш. История английского языка. Изд. л-ры на ин. языках. М., 1958, стр. 116.

¹⁶) *Two of the Saxon Chronicles parallel*. Edited by Charles Plummer. Oxford, 1952.

В таких случаях, когда в конструкциях «вспомогательный глагол + причастие II» вспомогательный глагол стоял перед причастием II, не согласованным с подлежащим, эти формы воспринимались как аналитические, имеющие значение простого глагольного сказуемого. Особенно ясно выраженное аналитическое значение имеют формы типа *he hæbbe beflogen thone gesinscipe*. Восприятие рассматриваемых конструкций как аналитических усиливалось, если за глагольной формой следовало дополнение с предлогом *fram* (*from*), *mid*, *thurh*, причем предлог *fram* чаще всего обозначал действующее лицо¹⁷).

Конструкции, состоявшие из глаголов *beon* или *weorþan* с причастием II, обычно выражали активные действия со страдательным залоговым значением. Они могли обозначать однократные и многократные действия, относящиеся к настоящему, прошедшему или будущему, в зависимости от контекста. Иногда такие формы передавали активное действие, если глагол, от которого было образовано причастие II, был непереходным, например: *He waes geworden*.

Современные английские формы типа *She was gone* являются пережиточными формами от древнеанглийского перфекта, образуемого конструкцией «вспомогательный глагол + причастие II».

Частое употребление второпричастных конструкций, в которых вспомогательный глагол мог стоять до или после причастия II, сближало значение этих форм. Тем самым формы с обратным порядком слов тоже понимались как аналитические.

Следы первоначальной залоговой нерасчленённости причастия II видны в употреблении причастий от непереходных глаголов в такой функции, как *Gif feoggaþ simeþ maþ*. Причастия II могли входить в состав сложных слов в качестве первого или второго глагольного компонента. В таких словах причастия II имели ослабленное залоговое значение, так как они скорее всего употреблялись в виде своеобразных прилагательных. Помня, что сложные слова отражают древний строй, мы придём к выводу о первоначальной залоговой нейтральности форм на *-po-* и *-to-*. Если причастие II было первым компонентом сложного слова, оно употреблялось в виде застывшей основы, которая оставалась неизменной.

В древнеанглийском языке употреблялся дательный-самостоятельный, в котором окончания дательного падежа уже стирались.

¹⁷) В. Н. Ярцева. Цит. раб., стр. 166—168.

А. П. ДУЛЬЗОН

ОБЩНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ С УРАЛО-АЛТАЙСКИМИ

Формы словоизменения индоевропейских глаголов показывают целый ряд общностей с урало-алтайскими и енисейскими. Типологически общим между этими языками является прежде всего наличие двух серий аффиксов для образования личных (финитных) форм глагола, которые имеют аналогичное применение.

Для упрощения изложения и в целях экономии места в основу сравнения будут взяты из уральских языков преимущественно самодийские, в особенности селькупский, из алтайских языков — тюркские и тунгусские, а из енисейских языков — кетский.

В самодийских языках различают аффиксы объектного и аффиксы субъектного или безобъектного спряжения. Как мы увидим дальше, их лучше было бы назвать аффиксами форм действия (объектного спряжения) и форм состояния (безобъектного спряжения). Употребление указанных двух групп окончаний в самодийских языках зависит от значения глагола: первую группу окончаний принимают глаголы, выражающие активное действие, которое приводит к появлению объекта или к его видоизменению (переходные глаголы); вторую группу окончаний принимают глаголы, выражающие неактивное действие или процесс. В зависимости от конкретного осмысления один и тот же глагол может быть оформлен окончаниями обоих типов, например: ме:зак «я сделал (что-то)» — ме:зак «я занят был деланием»; кай межаранг «что бы мне сделать» (объект неизвестен); андокай межаранг «я занят лодкоделанием» (акцентирован процесс с отвлечением от объекта).

Рассмотрим сначала аффиксы объектного спряжения. Для селькупского языка эти аффиксы следующие: ед. ч. 1 л. — м, п, w, у; 2 л. — л, лы, лъ; 3 л. — т, ты, ть, ды, дъ; дв. ч. 1 л. — и, wi; 2 л. — li, liй, лый; 3 л. — ти, тиј, тый; мн. ч. 1 л. — мыт, мын. мът, мън, мет, мен; 2 л. — лыт, лын, лът, лън, лет, len; 3 л. — тыт, тьн, тът, тьн, тет, тен. Приведенные аффиксы обозначают одновременно лицо и число. Возникает вопрос: были ли эти два грамматических понятия первоначально разграничены и как именно?

Сопоставляя формы множ. числа с формами ед. числа, можно сделать вывод, что показателем множ. числа у них является аффикс т ~ н; он указывает на множественность одушевленного субъекта действия. Какой именно из этих двух вариантов является исходным, в данном случае является безразличным, но мы будем считать более древним.

вариант «н», поскольку он характерен для образования форм в енисейских языках.

Селькупские аффиксы ед. числа, поскольку они различны для трех лиц, надо считать фузионными. Если же допустить, что эти аффиксы первоначально кончались на гласный («а» или «е»), тогда окажется, что в это время все ед. ч. (ма, ла, та) оставалось не маркированным, т. е. имело нулевое окончание, как в енисейских языках. Что мы вправе отделить в этих местоимениях конечный согласный (т, н), доказывает наличие форм этих местоимений без «т(н)» в косвенных падежах, например: сельк. ме:га, ме:ка, менгга «мне» из *ме-нг-ка; машеп, мазым, масем, маш'ип «меня» (вин. п.) из *ма-сип; менгнаннь «от меня» из *ме-нг-наннь; те:кка, тенгга, тегга «тебе» из *те-нг-ка; ташть, таст, тазындь «тебя» (вин. п.) из *та-синть и т. д. При этом допущении исконные формы личных аффиксов обоих чисел будут: ма-мат, ла-лат, та-тат. Следует отметить, что в самодийских языках для выражения понятия числа (действия или состояния) применялась также вариация гласного, что доказывается, например, следующими иганасанскими аффиксами: 1 л. ед. ч. — мь, дв. ч. — ми, мн. ч. — мы? (показатель мн. ч. чередуется с гортанным смычным, кроме иганасанского, так же в энецком и камасинском языках); для упрощения изложения мы отвлечемся от этого случая.

Найденные нами путем логического допущения формы аффиксов совпадают с первой частью личных местоимений: ма-т или ман «я», та-т или тан «ты». На это обстоятельство указал уже А. Кастрен (стр. 218). Однако его утверждение о том, что исконным звуком в 1 л. является «м» нужно отклонить, так как встречающееся окончание «w» и «у» можно объяснить только из *ба(-а-ба); вот почему мы восстанавливаем для 1 л. окончание «б». В отношении конечного элемента (т, н) личных местоимений ед. ч. можно принять следующие положения: 1) они восходят к формам, кончающимся на гласный: ср. сельк. ман, мат «я», нен. ман' из *мани, иган. мьнь, эн. моди; 2) они не идентичны с аффиксом мн. ч. (т, н) в личных окончаниях, так как входят в другой ряд междиалектных звуковых соответствий; так, например, диалекты, меняющие «т» на «н» в личном местоимении ед. ч., сохраняют «т» как показатель множ. числа. Исходя из особенностей соответствующего формообразования енисейских языков, можно восстановить древнейшую форму личного местоимения 1 л. в виде *ба-ди.

В отношении личного окончания 2 л. считаю вероятным утверждение А. Кастрена (стр. 219) о том, что исконным аффиксом этого лица в самодийских и всех финно-угорских языках является «т(д)». Селькупскому «л» соответствует в других самодийских языках «лр» или (большей частью) «р».

Это странное несоответствие в обозначении 2 л. встречается также в венгерском языке. Его возникновение можно объяснить двояким образом. 1) Можно думать, что оно возникло из «у» путем его перехода в велярное «л» в формах с инфигированным объектом 2-го л.; ср. венг. varok «я жду» — varlak < varuak «я ожидаю тебя». 2) Так как «л» встречается только в субъективном спряжении, т. е. у глаголов, выражающих состояние, то можно считать оба встречающихся показателя 2-го л. в этом спряжении («с» или «л»), употребляемых в зависимости от предшествующего согласного, показателями состояния («с» — настоящего-будущего, «л» — заверщенного), получившими в результате переделки прежней классной системы в личную значение формантов лица. Покажем это на следующей таблице окончаний субъективного и объективного спряжений.

Следует заметить, что «пг» в обоих спряжениях — разного происхождения: в субъективном спряжении это бывший аффикс состояния, в объективном же — показатель множ. ч. общего рода¹⁾. Имея это в виду, мы можем отметить, что в субъективном спряжении окончания показателей лица не содержали, но могли иметь показатели класса («п» в 3 л. множ. ч.); в объективном же спряжении показатели лица четко выражены, а показатели класса полностью отсутствуют. Таким образом, в ед. числе личными показателями в ходе развития языка стали форманты, имевшие до этого совсем другое значение.

Значение двойственного числа в сельк. личных аффиксах выражено посредством вариации гласного («и»). Показателями лица являются: 1 л.—«б», 2 л.—«1», 3 л.—«д» или «k(Y)». В первом лице «б» во многих диалектах в позиции между гласными (а-би), перейдя в «w» (а-ви) выпало, так что осталось окончание «ай» (часто) или «ей» (реже), в котором показатель лица отсутствует («а» перед «и» представляет так называемый «соединительный гласный» (ам, ал, ат, ами и т. д.).

Следует отметить, что нередко все лица двойственного числа отмечены показателем «Y(Yи)», т. е. фактически не разграничены и могут быть узнаны только по предшествующему местоимению. Можно было бы подумать, что рефлексом этого согласного является «j», отмеченный в части говоров тазовского диалекта (ий лий, тий); однако этому противоречит тот факт, что когда употребляется «k» как показатель двойственного числа, перед ним обычно появляется гласный «а» или «о» (отмеченный уже А. Кастреном), который сливается с предшествующим ему соединительным гласным («а») в единый долгий гласный, чаще всего «о:».

Нам остается добавить несколько слов о первоначальном осмыслении рассмотренных «притяжательных» аффиксов. Можно ли подумать, что в выражении мат ме:aw «я сделаю, сделал» предикативное отношение было выражено possessивно («мое делание»)? Ни один носитель языка это отношение так не осмысливает, всегда считая себя самого активным деятелем, чем он фактически ведь и является. Сказанное надо подчеркнуть особенно в связи с тем, что во всех самодийских языках личные местоимения, при акцентировании лица, могут выступать в функции притяжательных (мат — «я» или «мой»). Отсюда выходит, что притяжательные аффиксы фактически не выражают притяжательного (possessивного) отношения, а соотносят действие с классом деятеля. Вот почему рассматриваемые формы было бы лучше назвать формами действия.

Рассмотрим теперь аффиксы безобъектного спряжения, которые в общем совпадают с предикативными аффиксами.

В селькупском языке эти аффиксы следующие: ед. ч. 1 л.—нг, к, н; 2 л.—нты, нть, нды, ндъ, ддъ, тъ (нен.—н, нган.—нг, эн.—д); 3 л. нуль; дв. ч. 1 л.—и, ви; 2 л.—ли, лий, лый; 3 л.—ди, ки, кы, Yi, Yы; множ. ч.

Лицо	Субъективное	Объективное
1	-k<ng	-m
2	-sz, -l	-d
3	—	-a, -i
1	-unk<muk< <nung	-uk<wuk< <wung
2	-tok<tong	-tok<tong
3	-nak<nang	-ak<ang

¹⁾ Об общем роде кет. языка см. Т. И. Порогова. Образование и употребление форм числа существительных кетского языка. Томск, 1968 (канд. диссертация).

полностью совпадает с «притяжательными» аффиксами, рассмотренными выше. Тут, очевидно, произошло смешение форм, которое возникло, когда первоначальное различие было утеряно; «победили» формы действия по их частотности.

Особенностью рассматриваемых форм является то, что перед аффиксом лица и времени вставляется аффикс «и», «инг» или «ин», например: сельк. *tüngak*, *tüang*, *tü:wang* «я прихожу, пришел» из **tü-инг-а-к*, **tü-и-а-нг*, **tü-и-б-а-нг*.

Предикативное отношение по своей природе содержит идею бытия и состояния. Отсюда выходит, что в рассматриваемых окончаниях нужно найти показатели, выражающие состояние, лицо и число субъекта глагола.

В формах единственного числа аффиксы «к, нд» и нуль являются фузионными, поскольку они теперь выражают лицо и число. Первоначально же ед. ч. было немаркированным (*tü-а-нг*, *tü:-а-нд*, *tü:-а*). Личный аффикс 1-го и 3-го лица, имевшего, вероятно, значение возвратно-объектного, восстанавливается по встречающимся вариантам в виде «б», например: *tü:wang* «я пришел», *tü:wa* «он пришел», *tö:want*, *tü:wadde* «ты пришел»; второе лицо имеет личный показатель в виде (н)дъ, (н)ть, т. е. тот элемент, который содержится в личном местоимении этого же лица: *та-т*, *та-н*.

Идея состояния выражена во всех этих формах аффиксом «и», который выступает отдельно или же в сочетании с аффиксами «к», «нг», «н», имеющими видовое значение в формах состояния енисейских языков: «и, нг» — неоднократный вид, «к» — однократный вид; «н» выражает состояние, наступившее в результате завершенного действия.

Что эти аффиксы имели когда-то свое специфическое значение, отличное от значения однозвучных аффиксов, выполнявших другую функцию, видно из того, что те и другие в междудialectных звуковых соответствиях входят в разные ряды, например, аффикс состояния «к» чередуется с «нг», а аффикс дв. ч. «к» не чередуется; аффикс числа глагольного субъекта «н» чередуется с «т», а аффикс состояния «н» не чередуется. Когда аффиксы «к» и «нг» потеряли свое исконное значение, их совместное сохранение стало излишним; они превратились в территориально-диалектные варианты, выражая в начале лишь идею состояния. При переделке старой системы противопоставленные в ней элементы стали диалектными вариантами; они могли ими стать потому, что утерян был лишь дифференциальный признак, а общее основание противопоставления — идея состояния — в них сохранилась.

Рассмотрим теперь тюркские глагольные окончания первой группы («поссесивные»), которые присоединяются к основе прошедшего времени на «-ды-», желательной формы на -ай и условного наклонения на «-са». Для большинства тюркских языков характерны следующие окончания: ед. ч. 1 л. — м, 2 л. — нг, 3 л. — нуль; множ. ч. 1 л. — быс, 2 л. — игнар, 3 л. — нуль или -лар. Что эти окончания нельзя рассматривать как притяжательные, доказал Н. А. Баскаков (Иссл., II, 267).

Попробуем найти в этих окончаниях показатели, лица и числа (в 3 л. и тот и другой отсутствуют).

В 1 л. ед. ч. чув. язык сохранил наиболее древнюю для тюркских языков форму -п, которая, судя по формам множ. ч. (пар—пер), должна быть возведена к*па—*пе < *ба, *бе.

Второе лицо можно возвести, судя по тат. форме множ. ч. -Уыз, якут. -гит, к*-Уынг, где в интервокальном положении отпало «У» — явление, часто наблюдаемое во всех тюркских языках. В некоторых тюркских языках, например, в алтайском, вместо окончания *-Уынг,

-Уинг употребляется предикативное окончание -синг, в котором, как показатель лица, можно выделить -сы, -си. Отметим еще, что тюрк. *-Уи, *-Уы имеет свое полное соответствие в енисейск. -Уи, -Уу < ки, ку.

Множ. ч. имеет в конце показатель числа в виде «с, з, р» (бы-с, сы-з, са-р, а-р < *ha-p). Таким образом, выходит, что ед. ч. оставалось немаркированным, а множ. ч. обозначалось посредством форманта «с, з, р». Этот формант, возводимый к прото-тюрк. «д», имеющий значение показателя одушевленного множественного субъекта действия, соответствует енис. классному показателю «н», встречающемуся в глагольных формах с тем же самым значением.

Вторая группа окончаний — полные или предикативные — в тюрк. языках следующие: ед. ч. 1 л. — ман, мен, мин, пан, пен, бан, бен, мьн, мын; 2 л. — санг, сенг, сынг, синг, сын, син, гин, кин (як.), һынг, һенг (башк.); 3 л. — нуль; множ. ч. 1 л. — мыз, миз, мыс, мис, пыс, пис, быз, биз, быс, бис; чув. мар, мер; як. бит, пит; 2 л. — сыз, сиз, сыс, сис, слер < си-ләр, як. гит, кит. Очевидно, что эти окончания представляют собой бывшие личные местоимения. Приняв это, мы должны допустить, что для ед. ч. первоначально существовало два варианта личных местоимений: ман, сан (им. п.), ма, са (косв. п.). Это доказывается фактически имеющимися вариантами форм косвенных падежей личных местоимений; ср. дат. п. узб. менга, тат. минг-а < минг-Үа, баш. минг-е < минг-Үе, уйг. манг < манг-Үа, кирг. ног. ма-га, кум. ма-Үа, хак. чул. ма-Үа, алт. ме-ге, чул. — тюрк. род. п. ме-нг «меня, мой», се-нг «тебя, твой» (аналогичные формы представлены также для местоимения 2 л.). Отсюда видно, что «н» в этих местоимениях — показатель имен. падежа, т. е. прежний классный показатель, который в других падежных формах мог отсутствовать; в самодийских языках ему соответствует «т, н», в енисейских — «д». Для 1 л. ед. ч., например, можно поэтому предположить исходную форму классного построения (исходя из норм енисейских языков) ба-ди и ба-да, в которой ба обозначает «я (меня)», одушевленного класса («д»), мужского (а) или женского (и) пола; ср. эн. моди «я», монг. бидэ «мы».

Относительно форм множ. ч. все основное уже сказано выше; добавим здесь только, что наиболее древнюю форму из всех тюрк. языков сохранил якутский язык: 1 л. би-т, 2 л. ги-т, где «т» < d²) является показателем множественного субъекта действия, которому в енисейских языках соответствует «н».

Тунгусо-манчжурские языки имеют вполне аналогичную систему аффиксов³⁾.

Приведем полные формы: ед. ч. 1 л. тунг. -w, лам. -w, негид. -w, -м, уд. -ми, -и, нан. -и, би; 2 л. тунг. -с, -ш, лам. негид. нан. -си, уд. -һи; 3 л. эвенк. эв. нег.-н, эв. уд. орооч. -ни, в остальных языках — нуль; множ. ч. 1 л. тунг. негид. -wун, лам. -wун, -ун, эв.-мит., уд. -у, нан. -пу; 2 л. тунг. нег. -сун, лам. -сан, уд. -һу, нан. -су; 3 л. тунг. -тын. В отношении этих окончаний нужно только заметить, что 3 л. ед. ч. тунг. «н» < «т», а в формах -у, -пу, -һу, -су, возможно, отпало «н» или «нг».

Встречающееся во 2 л. ед. ч. аориста окончание -нии Г. М. Василевич⁴⁾ возводит к -нси; неясным остается происхождение «-н»; в пользу ее предположения говорит соответствующая форма эвенского языка -нри⁵⁾. Однако встречающиеся другие варианты эвенк. -нди, эвен. -нчи,

²⁾ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 179.

³⁾ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 173.

⁴⁾ Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского языка. Л., 1940, стр. 101.

⁵⁾ В. И. Левин. Самоучитель эвенского языка. М., 1935, стр. 223.

-чи, ульч. -ти, нан., -чи⁶) позволяют считать исходной формой этого лица -нти.

Личные окончания индоевропейских глаголов представляют собой сложную систему, включающую в себя несколько рядов⁷). Мы рассмотрим сначала окончания действительного залога: а) первичные — ед. ч. 1 л. -mi (у атематических глаголов), -ó (у тематических); 2 л. *si, 3 л. *ti; множ. ч. 3 л. *nti; б) вторичные — ед. ч. 1 л. *-m, 2 л. *-s, 3 л. *-t, множ. ч. 3 л. *-nt. В других формах лица различий меньше: 1 л. множ. ч. тох. was, вед. -masi (перв.), -ma (втор.); греч. -μεν («v» по Мейе неорганическое⁸), дор. -μεε, тох. -mäε, -mät; употребление этих двух вариантов — одного в активе (mä-s), другого в медиопассиве (mä-t) говорит о возможном исходном различии этих форм⁹); хет. -weni, -wes; лат. -mus, лит. -mes; 2 л. множ. ч. скр. -tha (перв.), -ta (втор.), лат. -tis, хет. -teni.

Исходя из приведенного материала, можно возвести окончание 1 л. к «б» (bi, b), которое у тематических глаголов, перейдя в «w», отпало (о: <owo < о-ба).

Для 3 л. ед. ч. восстанавливается окончание «д»; оно, может быть, сохранено в ранней латыни¹⁰).

В окончаниях множ. ч. мы находим знакомые уже нам показатели числа глагольного действия «s» и «p» (А. Мейе¹¹), вероятно, ошибается, считая это «p» неорганическим).

В тех формах, где первичные и вторичные окончания четко разграничены, формы с «i» выражают настоящее время (наличный факт), в то время как немаркированным остается значение прошедшего времени; вторичные показатели, таким образом, являются более древними¹²).

Рассмотренные первичные и вторичные окончания и.-е. глаголов совпадают с т. наз. притяжательными окончаниями урало-алтайских языков¹³); они близки к личным местоимениям, но не возникли из них, а восходят к системе классных показателей, существовавшей до выработки личных местоимений.

Серия и.-е. личных окончаний, имеющаяся у перфекта и медиа, показывает несомненное сходство с предикативными окончаниями енисейских и урало-алтайских языков.

Для перфекта эти окончания следующие: ед. ч. 1 л. др.-инд. -а, греч. -а, хет. -ha; 2 л. др.-инд. -tha, греч. -θα, хет. -ta; 3 л. др.-и. -а, греч. ε, хет. -а; 3 л. множ. ч. др.-инд. -uh < -ug, ирл. -ar < *г, хет. -ег. Однако о материальном совпадении можно говорить лишь в отношении 2-го л; 3 л. совпадает в принципе построения (нулевое окончание). Греч. окончание перфекта α можно рассматривать как восходящее

⁶) О. П. Суник. Глагол в тунгусо-манчжурских языках. М., 1962, стр. 191; В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. II, М., 1961, стр. 104.

⁷) Е. А. Sturtevant. A comparative grammar of the Hittite language. Philadelphia 1933.

⁸) А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 191.

⁹) Тохарские языки. М., 1959, стр. 173.

¹⁰) В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 102.

¹¹) А. Мейе. Указанное произведение. Стр. 191.

¹²) Сравнительная грамматика германских языков, т. IV, М., 1966, стр. 248 и указанная там литература; И. М. Тронский. Общиневропейское состояние. Л., 1967, стр. 94.

¹³) Первичные окончания и.-е. языков с тюркскими сопоставлял В. М. Жирмунский; общность и.-е. окончаний с уральскими установил Б. Коллиндер.

к *m¹⁴); элемент *w в окончании перфекта 1-го л. обнаруживается также в санскрите, латинском, тохарском и армянском; это — показатель лица «б» (ба), о котором говорилось уже выше; вторичные и.-е. окончания и первичные медиума совпадают с предикативными самодийских языков. Из сказанного видно, что окончания перфекта стали фузионными вследствие отпадения показателя лица.

Рассмотрим теперь окончания греческого медиума

Единственное число		
Лицо	Первичные	Вторичные
1	μαι	дор. μᾶν, ион. -ат. μῆν
2	σαι	σῶ < sa° < sa°n
3	ται	τῶ < ta-n
Множественное число		
1	μεθα	μεθα, санскр. mahi ав. maide, санскр. mahé < -madhai
2	στε	στε индо-ир. *dhwai, скр. dhve, индо-ир. *dhvam, скр. -dhvam
3	υται	υτο

Первичные окончания для ед. ч. представляют собой стройную систему, в которой каждый звук оправдан; поэтому нельзя согласиться с тем, что μ в окончании μαι вторичного происхождения, т. к. в скр. bhāre «несу» он отсутствует, — логичнее предположить, что скр. bhāre < *bha-ga-wai. Не оправдано также мнение, что конечное «v» в окончании μαυ, не является органическим¹⁵). Симметричным образованием для 1-го л. множ. ч. следует считать индо-ир. *madhai, которое выводится из санскр. mahé, ав. maide. В окончании 2 л. -σ < τ¹⁶); первоначальная огласовка «ai» сохранена в индо-ир. *dhwai, скр. -dhvé.

Таким образом, первичные окончания содержали: 1) показатель лица + а + показатель времени-состояния («и»).

Если допустить первоначальную симметрию всей этой подсистемы, то мы должны найти в каждом вторичном окончании указанные три компонента. Первые два у всех окончаний имеются, но где третий, т. е. показатель прошедшего времени (достигнутого состояния)?

Если бы это значение оставалось немаркированным, то следовало бы ожидать окончания μα, σα, τα — μεθα, σεθα, υετα. Между тем 1 л. показывает в ед. ч. на месте «i» (ср. др.-инд. duhé кет. дуУоје дуУай-е «доит») первичного ряда звук «v», который имелся также в 1 л. множ. ч. по свидетельству Апполония Дискола в эол. (-μεθευ); 2 л. множ. ч. по индо-ир. *dhvam, скр. -dhvam, можно восстановить в виде σταυ (сравни окончание дв. ч. -στων, актива -των). Таким образом, окончания трех лиц получают удовлетворительное разъяснение: у них показателем достигнутого состояния оказывается «н». Оставшиеся три формы (σo, τo,

¹⁴) П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 246.

¹⁵) А. Мейе. Указанное произведение, стр. 191.

¹⁶) П. Шантрен. Указанное произведение, стр. 254.

вто) объединяются тем, что имеют «о» вместо ожидаемого «а». Может быть, что его возникновение объясняется исчезновением носового ($so < sa^o < sa^o n < san$).

В итоге сказанного мы получаем систему парно противопоставленных окончаний (i—n), выражавших основное грамматическое значение первичных и вторичных окончаний—наличное состояние и достигнутое состояние, категории, получившие свое четкое, при этом тождественное выражение в енисейских языках.

Лицо	Един. ч.	Множ. ч.	
1	м.	ба-да	ба-на
	ж.	ба-ди	ба-ни
2	м.	ку-да	ку-на
	ж.	ку-ди	ку-ни
3	м.	та-да	та-на
	ж.	та-ди	та-ни

Маркированность обоих членов оппозиции заставляет думать, что мы имеем дело с подсистемой, в которую первоначально входила еще одна пара оппозиций, где один член оставался немаркированным; предположительно это были две формы действия.

Исходя из приведенных данных и некоторых допущений, можно для большей части языков рассмотренного круга реконструировать следующую систему личных местоимений, относящихся ко времени до разрыва контакта между енисейскими и индоевропейскими языками.

Первая часть этих слов обозначает только лицо, вторая соотносила лица с классом одушевленного единства (д), одушевленного множества (н), мужского пола (а) или женского (и).

После устранения дифференциации по полу, соответствующие показатели, как потерявшие смысл, отпали (путем редукции), так что получилась следующая модель прото-урало-алтайской и прото-индоевропейской системы личных местоимений:

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1	бат	бан
2	кут	кун
3	тат	тан

Приведенная схема имеет условный характер; в ней не учтена возможность перегласовки при образовании форм множественного числа и вариации гласных в единственном числе, вызванной тем, что после перестройки классной системы для отдельных лиц были обобщены либо формы мужского класса, либо формы женского.

В предшествующем изложении мы для упрощения исходили из допущения наличия общей прото-енис. системы личных местоимений. Однако, как видно из следующей таблицы реконструкции древнейших форм для отдельных енис. языков, в прото-енис. языке личные местоимения не были единообразными (схема на стр. 118).

Как видно из этой таблицы, и.-е. языки в ряде случаев показывают более древние формы, чем те, которые имелись в некоторых енисейских языках.

Видоизменение указанной выше модели, просуществовавшей, вероятно, недолго, произошло по двум причинам.

1. Возможность образования форм числа посредством вариации гласного сделала излишним показатель класса, вследствие чего возникли формы типа сельк. ме «мы», те «вы», а отпадение классного по-

казателя множ. ч. могло повлечь за собой отпадение классного показателя ед. ч., т. е. появление форм типа лат. *tu* русск. «ты».

2. Третье лицо, как существующее самостоятельно, требовало разграничения от первых двух лиц, объединенных процессом коммуникации. Кроме того, показатель третьего лица должен был дифференцироваться, чтобы разграничить объект, совпадающий с субъектом («себя»), от другого объекта («его»). Для выражения первого значения был

Лицо	Арин.	Ассан.	Кот.	Кет.	Пумп.
я—м.	а-һа	а-һа	а-һа	ба-да, а-да	а-һа
ж.	а-һи	а-һи	а-һи	ба-ди, и-да	а-һи
ты—м.	а-һу	а-һу	а-һу	у-ка	у-а
ж.	у-һи	у-һи	у-һи	у-ки	у-и
он—м.	а-та	ба-ра, һа-да	һа-ту, һу-и-у	бу-да, ад	а-ду
ж.	и-та	ба-ри, һи-да	һи-та, һу-и-а	бу-ди, ид	а-ди
мы—м.	а-һан	а-һан	а-һан	ба-дан, а-дан	а-данг
ж.	а-һин	а-һин	а-һин	ба-дин, и-дан	и-данг
вы—м.	аһун	а-һун	а-һун	у-кан	у-ан
ж.	у-һин	у-һин	а-һин	у-кин	у-ин
они—м.	а-тан	һа-дан	һа-тун, һун-и-унг	бу-һанг-ан	а-дун
ж.	и-тан	һи-дан	һи-тан, һун-и-анг	бу-һанг-ин	а-дин

использован классный показатель «с» (сущий), сочетаемый в енисейских языках с морфемой «и», выражающей идею бытия или состояния, т. е. «си», в метатезе «ис»; ср. лат. *is*, гот. *is*, нем. *er* «он»; сюда, возможно, относится также окончание «г» 3 л. множ. ч., встречающееся в некоторых индоевропейских языках (хет. и-ир., лат., тох.)¹⁷⁾.

Разрыв связи с классной системой выражения понятия лица повело в ряде случаев к большим звуковым изменениям исходных форм. Приведем несколько примеров.

Ед. ч. форму 1-го л. гр. $\epsilon\gamma\omega$, лат. *ego*, гот. *ik*, др. русск. *азь*, ав. *azət*, др.-прес. *adam*, по-видимому, можно возвести к мужскому или женскому вариантам исходной формы (ба-да, ба-ди с перестановкой элементов (ма-да > ад-ма). Исходная форма косвенных падежей (ма, ме) сохранилась в большинстве и.-е. языков: ст.-слав. *мя*, гот. *mi-k*, лат. *me-*, *mi-*, греч. *-με*, гот. *mi-h* «меня», др.-нем. *di-h*, хет. *tu-k* «тебя», атик «меня», др.-греч. *σε-υε* «тебе». Отметим попутно, что «к» в последних формах восходит к классному показателю «к» енисейских языков, возникнув путем обособления из оборотов, подобных кет. *д-анг-ба-к-сет* «он привяжет меня».

Исходную форму множ. ч. сохранили гот. *weis*, др.-нем. *wir*, хет. *wes*, лит. *mes*, др.-пр. *mes*, скр. *vay-am*, ав. *vaem* (если возвести «-т» к «-п»); др.-слав. *мы*, уд. ульч. *бу «мы»*, образовано путем вариации гласного, почему прибавление согласного (показатели множ. ч.) оказалось излишним. В косвенных падежах мы встречаем основу на «н-», например, вин. лат. *pos*, др.-слав. *насъ*, в которой «н» сопоставляется с «д» в енисейских языках (ди-н).

¹⁷⁾ А. Мейе. Указанное произведение, 244.

Во 2 л. ед. ч. мы встречаем для им. п. повсеместно формы, начинающиеся с «t» или «k»: гр. τθ, σθ, лат. tu, др.-сл. ты, др.-нем. du, тох. tu, cu (косв.), арм. jez, ke-z «тебе»; множ. ч. скр. у́у-ап, тох. uas, ав. у́ús, гот. jús, лит. jus, которые можно объяснить из енис. Уи-н, а др.-инд. vas, лат. vós, др.-сл. вась разъясняются из енис. варианта ку-н, восходя к *ky-o-s.

Если это сопоставление правильно, то следует возвести формы с «s» к «Y»: греч. σθ, хет. ze-k (косв. tu-k): тюрк. се-н, си-н, башк. һун, як. ен; бур. ши, калм. чи; эвенк. нег. нан. ульч. орок. орооч. уд. си, эв. һи, зст. sa и др.; большей частью они обобщили первоначально женскую форму.

В ряде языков рассматриваемого нами круга, в личных местоимениях встречается показатель 3-го л. «с»; ср. эрз. мон «я», тон «ты», сон «он»; в тюрк. языках этот показатель широко употребляется в значении притяжательного аффикса 3-го л. -си, -зи, -сы, -зы, встречающегося также в финно-угорских языках, например, в мар. -же, в удм. -эз. Сюда можно отнести герм. si- «она, они». О древности этого показателя свидетельствует тот факт, что он в том же значении употребляется в енисейских языках (-с'и, -ши). С этим «с» не следует смешивать «s» в окончании 3-го л. в греч. (ион. атт. лесб.), где оно восходит к «t» (ти > т'и > тш'и > ши > си); что «s» второго лица и «s» третьего лица — звуки разного происхождения, доказывается тем, что они входят в разные ряды чередования.

Отметим еще, что второй компонент личных местоимений, уточнявший класс соотнесенного лица, сохранился в и.-е. языках в виде падежных окончаний (им. род. вин. дат. лок.). Наиболее ясно это видно по им. и вин. падежам ед. ч. В им. п. окончание восходит к -as, -os, -i, где «s» — показатель предмета одушевленного класса, а вокалические показатели указывали на пол (а — женск., о, u — мужск., i — вещь). Окончание вин. падежа восходит к «б» (аб, об, уб, иб); их возникновение можно понять из таких кетских оборотов, как ад дилти-иб-ет «я лодку сделаю», где дилти «лодка», а «иб» — показатель пассива глагола и — «становиться, быть» — я лодку (дилти) ставшей (иб) сделаю (д-ет).

В формах глагольного словоизменения финно-угорских языков сохранились реликты объектного спряжения, тождественного с енисейским. Наиболее развернуто это спряжение в эрзянском языке. Однако забвение или непонимание предшествовавшей системы привело к образованию в этом языке монологичных окончаний путем слияния объектных, личных и других показателей (времени, наклонения, залога), так что теперь трудно узнать и выделить былые составные элементы. В некоторых случаях отделение показателей лица от показателей объекта вообще невозможно, так как утеряны их дифференциальные признаки, например, в форме кундасамизь «ты нас поймашь, вы нас поймаете, он нас поймает, они нас поймают, вы меня поймаете, вы нас поймаете». В других случаях трудность вызывается тем, что нередко встречаются омонимичные аффиксы; ср. рамаса < рама-с-а «я куплю его» (здесь «с» — объектный аффикс 3-го л.); рамасамак < рамас-а-м-а-к «ты купишь меня», где «с» имеет предикативное значение: «ты купленным (рамас) меня сделаешь (амак). Аффикс «м», имеющий в данном примере значение «меня», может получить совершенно другое значение, например: сень-ш-кад-ом-с «посинеть», где он является формантом былого пассива (ом < об) состояния (с). Последний аффикс, в свою очередь, может выступать с функцией показателя многократности: ср. раман «куплю», рамсайн «покупаю», рамс-ик-ш-н-ан «от времени до

времени покупаю». Наконец, одно и то же грамматическое понятие может получить различное выражение, например: рамасть «они купили это» (сть — «они», объект — нулевой), рамизь (зь — «они», объект «и» одновременно является показателем времени). Окончательное объяснение всех этих сложных форм потребует еще и учета всех качественных оттенков соседних гласных, например, выяснение того, почему рамасть «он купил это» имеет «а» перед лично-притяжательным аффиксом, а рамить «он купил это» имеет «и». Иногда это объясняется тенденцией выравнивания соседних гласных, но в других случаях в этом можно усмотреть рефлексы былых значимых огласовок; так, например, приведенные последние два слова можно осмыслить так: рамас-и «купленное есть его», рам-и-ть «он (ть) это (и) купил».

Приведем теперь выделенные нами лично-притяжательные и объектные аффиксы¹⁸⁾.

Лично-притяжательные аффиксы объектного спряжения

Лицо	Наст. вр., условн. накл.	Прош. вр., сосл. и жел. накл.
я	а, ад, д, н<д	йа, д, нь<ни <ди
ты	к, т, ть<ти, зь<зи	к, ик, ть, ить, изь
он	ы, т, зь, зе, сь<си, м	ить, изь, зе, д, м
мы	д-зь, нек	д-зь, нек
вы	изь, зь, т-зь, нк<кн	изь, зь, нк<кн
они	д-зь, и-зь, зь	д-зь, и-зь, зь

Примечания. Окончание 3-го л. ед. ч. «м», отсутствующие в енисейских языках, объяснил Д. В. Бубрих¹⁹⁾. Окончание 1-го л. мн. ч. «нек» представляет собой форму множ. ч. от «н, нь», окончание д-зь — форма множ. ч. от «д» (ср. енис. ди-н); окончание т-зь «вы» — форма множ. ч. от т, ть «ты»; с окончанием нк «вы» ср. кет ку-н «вы»; окончание 3-го л. мн. ч. д-зь «они» представляет собой форму множ. ч. от д, т «он», ср. кет. ду-н «они».

Объектные аффиксы объектного спряжения

Лицо	Наст. вр., усл. накл.	Прош. вр. сосл. и жел. накл.
меня	м	м
тебя	т, нз<тз	т, нз<тз, и, зь
его	ы, с	ы, и, м
нас	ми	ми
вас	т-зь	т-зь, и, изь
их	ы, ын, сы, сын	ын

Все эти аффиксы тождественны с енисейскими и индоевропейскими. Соединение различных аффиксов для обозначения одного и того же

¹⁸⁾ Ср. «Языки народов СССР», т. III, М., 1966, стр. 187 сл.

¹⁹⁾ Историческая морфология финского языка. М., 1955, стр. 52.

лица говорит о том, что мордовский язык — язык смешанного образования; процесс смешения происходил еще на начальном этапе складывания этого языка.

Заканчивая на этом рассмотрение особенностей мордовского спряжения, отметим попутно типологическую общность в образовании императива с кетским языком: эрз. кундык «ты его поймал, поймай», кундыть «ты их поймал, поймай», кундынк «вы его, их поймали, поймайте» — здесь имеется полное совпадение форм императива с формами прош. вр. Где такого полного совпадения нет, эрз. императив, как и кетский, имеет вокалический показатель наст. вр.; ср. кундымизь «вы меня поймали» — кундамизь «вы меня поймайте»; кундымик «ты меня поймал» — кундамак «ты меня поймай».

Реликты былого классного построения глагола енисейского типа наиболее четко сохранились в т. н. сложном спряжении кельтских глаголов²⁰⁾: ед. ч. -da, множ. ч. -de, а также в префиксе брит. yd-, например: yd-wyf < id-bi-b «я есмь», букв. «сделан (b) ставший (bi) я (id, di).

Реликты былой системы инкорпорации лично-объектных показателей сохранили кельтские²¹⁾ и тохарские²²⁾ языки; ср., например: др.-ирл. fo-m-gaib «он меня находит», кет. дбоУбаУобет < д-б-ho-k-б-а-коб-ет (здесь кет. «коб» соответствует кельт. основе «gab») «он меня находит»; все, что содержит кельт. слово, имеется и в кетском, в кельтском отсутствуют только детали кетского классного оформления (д-б-к-ет).

Кельтское объектное спряжение содержит в несоотнесенных глагольных формах те же аффиксы, которые употребляются в енисейских языках. Приведем сравнительную таблицу этих аффиксов.

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	кельт.	кет.	кельт.	кет.
1	m < *b	б	mp < mp	да-нг
2	-t < *tw < *kw	ку	b < *Yw	ку-нг
3 м. р.	-a n- < *d	а	-s n-	а-нг, а-н
3 ж. р.	-s n- < *d	hid	-s n-	и-нг, и-н
3 ср. р.	-a, e-, нуль	и, б, нуль	-s n-	

Примечания. 1) кет. объектные аффиксы* имеют, как правило, показатели множ. числа общего рода -нг вместо -н; 2) кельт. n- в показателях 3 л. ед. ч. представляет собой формант, неидентичный с n- множ. числа; он восходит к классному показателю «d», имеющемуся в форме кет. hi-d; кетский средний род показывает нередко классный показатель «б» (класс вещей); 3) кет. hid идентично с кельт. hed «она», лат. id, гот. ita, нем. es «оно»; в кельтском объектном показателе «e» по вполне понятной причине классного показателя «d» нет, так что в обоих языках женский и средний род объединяются общим элементом «e, i»; 4) кельт. -s n- во множ. ч. ср. р. возникло в результате переноса формы одушевленного класса в неодушевленный.

Добавим к сказанному еще, что в кельтских глагольных формах, несоотнесенных с определяемым существительным другого (главного) предложения, появляется показатель d- (1-е л. ед. ч. dom-, 2-е л. dot и т. д.), который вводит объект данного глагола в класс определяемого

²⁰⁾ Г. Льюис, Х. Педерсен. Указанная работа, стр. 366, 367.

²¹⁾ Там же, стр. 241.

²²⁾ Тохарские языки. М., 1959, стр. 61.

в главном предложении. Такой соотносительной формой является, например, кет. дид, вместо гид, ид «ее».

В заключение нам надо остановиться на некоторых вопросах методики сравнительно-исторического анализа отдаленно-родственных языков. Об общих условиях, которые делают правомерным сопоставление языковых особенностей отдаленно-родственных языков или неродственных, но возникших предположительно в результате длительного контакта их носителей в древности, выдвинут ряд положений в статье, опубликованной в 1966 г.²³). Этими общими положениями поднятый вопрос отнюдь не исчерпан; здесь мне хочется остановиться только на проблеме создания приемов анализа конкретного материала, которые по всей точности и надежности не уступали бы приемам анализа современного сравнительно-исторического языкознания.

Известно, что приемы сравнительно-исторического анализа возникли в значительной части благодаря тому, что и.е. языки обладают давней письменностью. Когда производится анализ общностей у отдаленно-родственных языков или неродственных, имевших в отдаленном прошлом контакт между собой, дело идет о явлениях языка, относящихся к временам задолго до появления письменности. Поэтому получение дат здесь иное и характер дат тоже иной. Речь может идти только об относительных датах, определяемых временем контактирования конкретных языковых семей, например: индоевропейско-финно-угорское время, уральское (финно-угорско-самодийское), алтайское (тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурское), урало-алтайское, урало-алтайско-енисейское, индоевропейско-енисейское.

Характерные особенности для указанных отрезков времени могут быть получены путем установления ареальных общностей.

Само собой разумеется, все междиалектные и межязыковые соответствия, как и соответствия диахронического порядка, выявленные сравнительно-историческим языкознанием, полностью сохраняют силу, но только для того этапа их истории, из данных которого они получены; для более раннего времени возможны другие закономерности, устанавливаемые на уровне более широкого ареала.

Начало для установления соответствий более высоких уровней может быть положено путем выборочного опробования некоторого количества слов, в отношении которых можно предположить наличие очень древнего возраста, а также путем сопоставления некоторого набора заведомо древних грамматических средств, как это сделано в данной статье. Чтобы полученные таким путем соответствия получили характер надежных закономерностей, надо полностью учесть имеющийся конкретный материал по сравниваемым семьям языков и их диалектам. Такое изучение огромного фактического материала возможно только по частям и коллективно.

Рассмотрим теперь ряд примеров древних словарных общностей.

1. сельк. ла, ра «отделенное, кусок» < *лра, сельк. кет. I а-м < < I а-п «доска»; кет., I а-п-ток «откушу это»; с другой огласовкой: кет. лу «щепка»; ю-бет, ро-бет «работа»; др.-нем. ara-beit (здесь «i» — рефлекс енисейского ларингала «?»); тюрк. ла-р (аффикс множ. ч., параллельный сельк. -ла), др.-греч. лаκος «лоскут», сельк. лака «кусок», связаны с кет. ла «отделять»; тюрк. ал- «взять», сельк. оралгу «схватить», перм. лег-, селк. ла-к-кьгу «шевелиться», «работать».

²³) А. П. Дульзон. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков. «Ученые записки» Томского университета, 57, Томск, 1966.

2. и.-е. *k'el «укрывать, покрывать», др.-греч. *καλτα* «хижина, гнездо», лат. *color* (по) краска < *colós* «оболочка, поверхность», коми-зыр. пол' «пузырь», перм. кор «кожура, скорлупа»²⁴), гот. *huljan* «покрывать, окутывать», др.-инд. *sála* «ограда», *sálá* «хижина, дом», др.-греч. *καλυπτω* «облачаю, укрываю», др.-греч. *οίλος* «целый», кет. ол' «оболочка», кол' «оболочить».

3. и.-е. *k'em «покрывать», др.-нем. *hemidi* «рубаха», др.-сев. *hamr* «кожа, оболочка», сельк. кам «скорлупа», ка-и-гу «покрыть», др.-сев. *hams* «Schlangenbalg».

4. и.-е. *k'es «резать», лат. *castus* «свободный», первоначально «отрезанный», ст.-сл. «коса, серп»; др.-инд. *sásti* «режет», кет. *has'a* «резать», *kas'a* «отрезать», перм. керал «рубить».

5. и.-е. *kuoi* «хотеть», др.-перс. *quoí* «он хочет», кет. дкой «она хочет».

6. и.-е. *kualo-s «рыба», др.-исл. *hvalr* «кит», сельк. *kwал*, *куал* «рыба».

7. и.-е. *kuel «вертеть, проживать», др.-греч. *πελω* «двигаюсь», *πολω* «пребываю», лат. *coló* «проживаю», лат. *collum* «шея», гот. *hals* др.-исл. *hvel* «колесо», ст.-слав. коло; *kelia «колени», лит. *kelenas* «колени», ст.-слав. *koleno*; др.-греч. *πολος* «ось» (*Drehpunkt*), сельк. *пӱр*, пор «кольцо, круг», перм. бергал, венг. *fűgöl* «кругом вращаться».

8. и.-е. *kuo-s, фриг. *κος* «кто-то», гот. *hvas* «кто», др.-перс. *kas*, др.-нем. *hwer*, лит. *kás*, др.-болг. *къ-то*, перм. коди «кто», сельк. *ку* «где», *кут* «кто».

9. и.-е. *ká «любить, желать, жаждать», *ká-го* «милый», *ká-то* «желание», ав. *ká-* «жаждать», др.-инд. *káma* «вожделение, любовь», *kam-ga* «привлекательно, красиво», лат. *ságuis* «любимый», др.-исл. *hóg* «блуд», кимр. *saгаí* «люблю», сельк. *сораF* «люблю», *со:m* «красивый, приятный».

10. и.-е. *ai-ko «одноглазый, косоглазый», лат. *caecus* «слепой», кимр. *soegddall*, гот. *haihs* «одноглазый», сельк. *хайкътъ(1)*, *хайгыды(1)*, *сайгеды(1)* «слепой».

11. и.-е. *kat «детеныш», лат. *catulus* «детеныш», русск. «котиться», скр. *kot* «приплод, выводок», кет. *кат* «детеныш».

12. и.-е. *kau-l, *ku-l* «полый», др.-инд. *kulya* «яма», др.-сев. *holr*, англо-сакс. *hol* «полый», сельк. *кыл* «яма», кет. *kol*, *ко?l* «залив».

13. и.-е. *keis- «рука, бедро», др.-инд. *kisku* «предплечье», лит. *kis-ka* «подколенная впадина», лат. *cis-ka* «бедро», кет. *ки:c'* «нижняя часть ноги».

14. др.-инд. *ay-as*, гот. *ai-z*, др.-исл. *ei-g*, др.-англ. *á-g*, др.-нем. *é-g* «металл, бронза», кет. *е?*, *еУ*, *ей*, *е:* «металл, железо».

15. греч. *θυος* «дымокур», др.-инд. *dhúmas*, лат. *fúmus*, ст.-сл. дымь «дым», др.-нем. *tuim* «чад», кет. *ду?*, *дуо*, *ду:* «дым». Звук «-м» является отражением кетского м < б., представляющего собой показатель класса «б» (неодушевленный предмет, вещь).

16. др.-инд. *bhājati* < *bh-a-i-a-te* «он отделяет (долю еды)», др.-греч. *φαγειν* < *bh-a-k-ein* «есть (кушать) что-то» (здесь «bh» отражение кет. объектного показателя «б»), ср. сельк. *ам-гу* «есть», *апс*, *абь* *аб-а* «еда», *кот*. *баг* «еда», *эвен*. *деб-дэ:и* «есть». В тунг. формах (*деб*, *дев-де*) сохранился классный показатель «д» («одушевленный»). Это позволяет понять и.-е. формы — гот. *itan* «есть», лат. *edó*, др.-инд. *ad-mi* «ем», русск. *есть*, которые все включают этот показатель. Из кетских глагольных форм выделяется корень ?и, ?е «есть». К этому корню

²⁴) В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

можно присоединить классные показатели «и», «б», «с», «к» в функции несубъекта; ср. кет. и:с', кот. с'иг «еда», венг. eszik «есть», кет. бангда абороп «земля впитала», ад иУовон «я (ложка) пропиталась». В позиции классные показатели указывают на субъект: кет. дс'и:й < д-с-и?-и «кушаю (нахожусь в состоянии еды для себя)», ди:п, диеп, диепе, диewe «я ем это». В эвенк. девде-ми: классный показатель «д» в значении субъекта сохранен перед обеими частями сложного глагола: дев «еду» — де «делать».

17. др.-ид. *phalyam* «цветок», лат. *folium*, др.-греч. φύλλον «лист», сельк. мо:la «сук», кет. ?о?, ?о:, ?°:п, ?°:ф «лист».

18. лат. -que, греч. -τε, др.-инд. са, гот. -h, сельк. -се, кет. ке «еще, и».

19. лат. *focus* «очаг», арм. вос. «пламя», кет. бо?к «огонь».

20. и.-е. *dhé- «делать», др.-сл. делати, гот. *ga-déths* «дело», др.-инд. *dháman* «установление», др.-греч. ἀνα-δημα «установление», лат. *facio* «делаю», оск. *fakiiad* «делает», кет. де «делать» (форма действия), деи «делать» (форма состояния). Латинская основа настоящего времени *facio* («к» — каузативный аффикс) образована от формы действия, а основа перфекта *fécí* от формы состояния.

21. кет. д-тай-га «хожу» содержит корневой элемент га, встречающийся с тем же значением в некоторых и.-е. языках, например, в др.-ирл. *tiagu, tiagam* «я хожу, иду». Кетское слово членится так: д-га «я иду», тай — форма состояния (показатель «и»), т — директивный аффикс, а — «там, тут, подальше» (продвигаюсь в горизонтальном направлении). Форма прошедшего времени д-то:л'ига < д-то?-л'-и-га образована аналогично (огласовка то? указывает на направление вверх или в прошлое). Кетское га (форма действия) допускает образование форм состояния га-и, га-нг, с которыми можно сопоставить герм. *gá-, gé-* < *gai-, gei-*, др.-инд. *há < hai* «идти» (*hai* вм. *khai*). В енисейских языках виден процесс возникновения корня га < г-а; ср. д-боктайга (< д-б-ок-тайга «он (д) меня (б) подняв (ок) водит (ходит)»; богати «я иду, ухожу» б-ок-га:де-н «себя я (б) подняв (ок) прочь (га) дела (де)-юсь(н); асс. пулан-ажаа < пуланай-а-га «идти, ногами удаление (га) делать (а)». Ср. ирл. *tiagu* «иду» др.-греч. στείχω «брожу»; гот. *gaggida* «шел», содержит форму состояния *ga-ng-i* в сочетании с классным глаголом действия *da*, кет. да. Корень «га» < к-га и «га» встречается также в урало-алт. языках: сельк. пал'д'игу «ходить» < пал-дей-ко; *kwařagu* < к-пай-а-ко (енис. «h» ~ сельк. «п»); эвен. хул-дэ:и, хур-дэ:й «ходить», тюрк. бар-, пар- «уходить». При сопоставлении следует учитывать наличие аблаута в енисейских языках, получившего свое отражение также и в урало-алтайских.

22. и.-е. *kel- «бить», *kolo «битый», лит. *kalti*, латв. *kalt* «бить, ковать», русск. колоть, кет. кыл' «бить».

23. и.-е. *kogo-s, *korio-s* «война, войско», лит. *karas* «война», др.-перс. *kāga* «войско, армия», гот. *harjis*, др.-нем. др.-сакс. *heri* «войско», лит. *karias* «войско», кет. ка?л', ка?р «война, войско».

24. и.-е. *tuk «куча», норв. *mikka* «куча, скопление чего-то», сельк. мака, тур. манка «множество, куча».

25. и.-е. *pel «продавать, менять» < *pélio, др.-греч. ат. πωλη «продажа», др.-нем. *fáli*, др.-исл. *falr* «продажный» (*tauschbar*), сельк. пар-ал-гу «повернуться», пал'д'уругу «крутиться», лит. *perku* «продаю».

26. и.-е. *pelk'* «поворачивать, вертеть» (каузатив), др.-нем. *felga* «обод колеса», герм. **felgan* в др.-нем. *ungifolgan*; кет. halрей «загнуть, поворачивать».

27. и.-е. *pur, арм. *hur* «огонь», др.-греч. πυρ, др.-исл. *fúrr*, др.-нем.

iiug < *reugi, тох. А. rog, В. ruwar, хет. pahhur, pahhuwar, сельк. поръгу «гореть».

28. и.-е. *ró(i), pí «пить», др.-инд. ráti «пьет», др.-греч. λεσβ. πῶνω < *ró-но, лат. bibó «пью», rótus «пьяный, выпивший», др.-сл. пиво, русск. пью; русск. пою < *rói; кет. до?, до: «пить» (безобъектно), бо?, бо: «пить» (объектно), кот. опанг «я пью». Если это сопоставление правильно, то неясным остается, почему и.-е. начальный согласный совпадает только с частью енисейских языков (ар., асс., кот.). Восстанавливаемые и.-е. формы полностью разъясняются из протоенисейских языков: и.-е. ró-по-т «питье, напиток» < прото-ен.* бо-н-об; др.-инд. ráu-ayati «поит» из прото-ен. *бо-и-аи-а-де. Варианты представляют собой форму действия (ró) и форму состояния (rói).

29. и.-е. *síu, síu- «шить», др.-инд. sívyati «шьет», русск. шить, лат. suó «шью», др.-нем. siuwan «шить что-то»; др.-греч. ζῦμην «жила», сельк. сү:тку, öтку, кет. си-нг «шить».

30. кет. k-аг-де «гнать, преследовать», лат. agit, др.-инд. ajati, ав. azaiti «гонит, угоняет», тох. ák- «ездить, вести», др.-греч. αὔρα, йон. αὔρη «охота, ловля», αὔρος «поле», др.-нем. ascar «поле (выгон)».

31. кет. мымър «иноплеменник», др.-инд. barbara-h «бормочащий» (обозначение неарийских народов) от *balbal «бормотать»; ср. кет bal-бет «молиться».

32. и.-е. *bal- «кружиться, вертеться», др.-инд. balbaliti «крутиться», др.-греч. βαλλίζω «танцую», гот. plinsjan, русск. плясать, сельк. пал'-д'-уругу «крутить, кружиться».

33. и.-е. *bhedh «гнуть, сгибать», алб. bindem «сгибаюсь», гот. bidjan «просить», др.-инд. -bádth- «сгибать», сельк. мынъгу, мынъгу «гнуть».

34. и.-е. *bher «жарить, варить», др.-инд. bhurajanta «кипящий», лат. fertum «жественный хлеб», н.-перс. biris-tan «жарить», лат. frígó др.-греч. φρυγώ «вялить, жарить, сельк. пергу «жарить».

35. и.-е. *(s)kel- «быть должным» (только герм. и балто-слав.), гот. skulan, др.-нем. scolan, solan «sollen», др.-нем. sculd «долг», др.-лит. skola, лит. kalte «долг», kaltas «должник», сельк. кол.д'ä «долг».

36. др.-греч. φη-μί, дор. φα-μί «говорю», русск. баю, лат. fári «говорить», кет. тахи: < т-а-ба-н «hiñsagen, говорить», сельк. му-л'ембам «говорю» (делаю сказанным), арм. ban «речь, слово» («сказанное»).

37. и.-е. *deku- «десять», др.-инд. dasa, ав. dasa, арм. tash, брет. dek, гот. taihun, др.-нем. zehan, тох. säk, sak, др.-инд. dasat «десять»; кот. ар. асс. койб. -тук, др.-нем. zug; с метатезой: сельк. көт, пумп. hed'.

Если исходить из енис. норм, то фин. d-ek-sap «десять» позволяет понимание «два (ек) пять (sap)», причем «d» представляет собой притяжательный префикс; слово для понятия «два» совпадает с тюрк. ик, ике, эки, зыр. кик, венг. ket, кет. (д)-ын, ар. кин, сельк. сит; согласный исход (к, н, т) становится понятным при допущении, что «е» — имя действия (прибавлять, надбавлять). Кет. как, кот. *кек «пять» (для счета одушевленных предметов, каУъм, *ка:м (для счета неодушевленных) должно было иметь параллельные формы *кан, *кен, *кот, *кет, которые получили свое отражение в и.-е. языках в виде *kem < keУm, gin, hun, sun, sen, например: лат. tri-gin-ta, арм. ere-sun, др.-инд. trim sat «тридцать», русск. десять, гот. téhund «десять» < d-é-hun-d (2.5).

К кет. ко «десять», для которого возможны были формы *кот, *кон восходит, по-видимому, сельк. көт, а также, возможно, др.-греч. ton в слове εχάτον < e-ka-ton (2. 5. 10).

38. и.-е. *k'mtom < *dk'mtom, др.-греч. ἑκατόν., лат. centum, др.-инд.

satam, got hund, др.-сл. съто, тох. kánt, кет. ки, кот. асс. пумп. -там-, сельк. тон.

39. и.-е. *dhreugh «дрожать», лит. drugys, латв. drudzis «лихорадка», русск. дрожу, дрогнуть, сельк. тырУъ-ба «дрожит», кет. локнг «дрожать».

40. и.-е. *gem(e), др.-инд. jága-h «Freier» < *g'm-go-s, др.-греч. γαμεο «женюсь», кет. ки:м «женщина, жена».

41. сельк. колубъгу, kolwatпугу «говорить», скр. sraвах «слава», греч. κλ&Fog «молва», др.-сл. слово, др.-нем. hlút «громкий».

42. тел. маны «дикая кошка», сельк. ма:н-аl, ма:н-ай (долгота указывает на наличие в прошлом гортанного смычного «?») «дикий, бешеный»; англ. mad, др.-нем. gi-meit.

43. и.-е. *eg-, лат. egeó «нуждаться, Mangel haben», др.-сев. екла «нехватка, едва», др.-нем. ekoгódo «только», уд. э- «не быть», перм. э- «не быть», сельк. ек, öк, ик, ык «не»; юр. т'ере-си, т'ере-седа «без иглы»; кет. ек-тий «не трогать», кет. сым. ей-бачаје «не трогай меня»; сельк. -кида, -кеда «не имеющий, лишенный»; эвенк. ке:гаты: «косоглазый», венг. fül-etlen «безухий» (картв. *ka- «недоставать, нехватать», калм. хара: сельк. кйндъ-гал-ак «я — бозлошадный» — связаны с рассмотренным словом, но они другого образования); тюрк. -сыз, -сиз, башк. -һыз, -һез, чув. -сар, -сер, (хул)-сар «без (ухий)» < *Yad; и.-е. *né, *nei, *n < *ep, *aiñ соответствует кет. -ен, -ан, -һен, -һан, -фен, -фан, каб. -черк. -н (ахьшэ-н-шэ «не имеющий денег»), кор. ан- (анида, анира «не быть», ида «быть»). Здесь же отметим отрицание кет. бь°н, бен. ар. бон, асс. мон, кор. мот.

44. и.-е. *gúos м. ж. р. «рогатый скот» (ср. существительные «переменного» рода кет. языка); перм. мёс «корова», др.-инд. gauh, ав. gáus «Rind»; др.-греч. ат. βοус, дор. βωс, лат. bos, др.-ирл. bó, др.-нем. chuo «корова», др.-исл. kуг < *kúz, слав. говядо «Rind», тох. А. ко «корова», тох. В. kaurse «бык» < *guourso; кет. ку?с', ку°с', мн. ч. кус'ин «корова».

45. кет. сым. ?ур, имб. ?ул', ?улр, ар. кул, и.-е. uér-uer-, др.-инд. vág, vági «вода», тох. wár, war, алб. hug-de «озеро» (ср. кет. де? «озеро»), алб. shure «мочусь» (sh < s:s-ur-e), др.-сев. vari; корень auer- в фрак. гидрониме A'vrag, *a vra в avavrog «безводный».

46. и.-е. *sed- «сидеть», *sed-ti «процесс сидения, сидеть», *sed-to «сидевший, сидение», *sed-ter- «сидящий», *sed-lo-m, *sed-ro-m «приспособление для сидения»; ав. had- «сидиться», др.-инд. sádayati «сажает» (каузатив), лат. sedeb «сижую», др.-инд. sadas, др.-греч. εθός «сидение, пребывание», др.-ирл. suide, морд. сод. сельк. си:д'е «сажа», англосакс. sóт «осадок», др.-сл. сести «сидиться», ав. áste «сидит», хет. esa, гр. ησται, кет. тсесте д-сес-де «я сижую». Определяющая подоснова кет. глагола оформлена медиально: се — «самоподнятия», с — «есть». Из имеющихся других возможностей видового оформления в кет. языке укажем еще «т» (сет) — «состояние достигнуто» и «н» — «состояние налицо» (в результате завершения действия). Аффикс кет. «т» соответствует и.-е. «d»; кет. сет в самостоятельном употреблении означает «положение сидения»; русск. сяду др.-пр. syndens «сидя», можно поэтому не рассматривать как формы с вторичной назализацией гласного основы, а как формы, восходящие к се-н. Аналогично мы реконструируем и.-е. *sed-ter < se-d-t-e-s.

47. и.-е. *g'hel- «желтый, зеленый, голубой», др.-инд. hari «желтый», ав. zagi-zága «желчь», др.-греч. χολη, χολος, лат. fel, др.-сев. gall, др.-греч. χολος «желчь, злоба», др.-сл. зеленъ, зльчь «желчь», кет. кь'л, кь'л «желчь», кой, кь'л «злой (позеленевший)», кь'йбес «обозленный».

48. и.-е. *spreg-* «вертеть, вить», **(s)ker* «вертеть, гнуть»; др.-греч. *κνυτος* «изогнутый», лат. *curvus* (формант -uo-) «кривой, изогнутый», *cornina* «круглый сосуд, котел», кет. *къл, къл* «кривой», сельк. *квалти* «котел» (круглый сосуд), русск. корточка, ср.-ирл. *coг* «круг», кет. *кулем, пумп. фылым* «круг(лый)».

49. сельк. *твѣлгу, толгу* «украсть», и.-е. **(s)tái* «утаивать, красть», др.-инд. *stáyat* «тайный», ав. *táyu* «вор», русск. *таю*.

50. и.-е. **(s)ter-* «окоченеть», др.-греч. *στερεος* «окоченевший, твердый», др.-нем. *stara-blind* «starblind», нем. *starr* «окоченевший», гот. *staurknan* «окоченеть», др.-нем. *stars* «сильный», русск. *торчатъ*, кет. *тѣл, тол* «стынуть», др.-нем. *sterban* «умереть» (окоченеть).

51. и.-е. **su-*, *śu-* «хорош, здоровый», др.-инд. *su-*, ав. *hu-*, др.-перс. *u-*, др.-греч. *ὑγιης* «здоровый», ст.-сл. *съдравъ*, др.-инд. *su-dhá* «сок, нектар», *su-dhita-*, *sva-dhita-* «здоровый», лат. *suávis* < **suáduis*, др.-инд. *svádvi*, греч. *ἡθος* «сладкий», сельк. *со:*, *фа:*, *хва:* «хороший» (атриб.).

52. и.-е. **uádh-* «идти, подвигаться», лат. *vádó* «иду», *vadum* «брод», др.-нем. *wat* «брод», сельк. *wat*, *мыт* «путь».

53. англо-сакс. *lungere*, др.-сакс. др.-нем. *lungar*, кет. *лонг* «бойкий, quick to act», сельк. *лакько* «шевелиться», перм. *лой* «мять».

54. др.-сакс. *hé*, англ. *he*, нем.-диал. *hei* «он», башк. *hän*, як. эн, кет. *ки-де* «этот» (близкий); ср. лат. *ci-trá* «на этой стороне», др.-греч. *κεινος* «тот».

55. скр. *patih* «супруг, господин», др.-греч. *πατις* «супруг», гот. *-faths* «жених», кот. *hat-ки:т* «супруг».

56. др.-инд. *gurus* < *gu-r-u-s*, гот. *korus* (*kaurus*) «тяжелый», кет. *коми:* < *ко-м-ей* «тяжелое, тяжелым ставшее»; другой вариант этого слова имб. *с'о* < *сио* (вместо: *сои*), сым. *сѣ:* < *сои*; лексическая морфема этого слова восходит к **oh*». Отметим попутно, что, по-видимому, кет. *ь* вообще восходит к **oi*. Индоевропейское слово **kgos* в буквальном переводе означает «тяжело (о) ставшим (г) сделан (к) есть (s)»; стр. кет. *с'ос* «тяжелый (есть)».

57. кет. *деаксак* «слушаю» разъясняется из и.-е. **ak'-*, *ok'-* «острый», др.-греч. *ακη* < *ak'-ai* «острие» (*spitz gemachtes*), лат. *acus* «игла», др.-греч. *ακοω* «слушаю» (*das Ohr gespitzt habend*); кет. *д'аксак* (ди-ак-с-а-к) представляет собой форму состояния по обоим составным частям, смысл которой довольно точно можно передать нем. *ich bin* (д) *auf* (е) *gespitzt* (акс) *gemacht*(ак).

58. кет. *la, le* (формы действия), *лай, лей, лак, лаç* (формы состояния) со значением «отделять, быть отделенным» входят в состав многих глаголов и девербативов: сельк. *лакь-гу* «оторвать, отколоть», др.-инд. *likhati* «тесать»; кет. *лак-т-окс'* «лыжа» (отщеп дерева); др.-греч. *λαχαινω* < *la-g'h-a-in-ó* «копаю»; кет. *лас-к-е-б-тет* «отколю», от (т) *колотым* (*ласкеб*) *сделаю* (-ет); др.-инд. *lehayati* < *le-ha-i-a-ti* «позволить слизать»; др.-греч. *λειχω* «лизжу», др.-инд. *lihati* «облизать»; др.-инд. *lidhe* < *leidhei* «лизать», *lédhi*, *rédhi* < *lei, rei-dhe* «лизжет». Сюда относится, вероятно, также и.-е. **lei-* «лить, литься». Тот же компонент с несколько видоизмененным значением имеет кет. *ул'де* «тонуть, погружать»; вместо предикативного аффикса «л'» могут появиться другие предикативные же аффиксы, например, «н» или «й»: кет. XVIII в. *унханг* «погружающаяся сеть», *уй-билоYот* «отстоялось, осадилось это»; ср. перм. *вöй*, манс. *уји* «тонуть».

59. кет. *ул', ly?*, довольно точно соответствуя нем. *los*, часто встречается в глаголах в качестве преверба, например: *ул'тий* < *ул'-т-е-и* «отпустить, отвязать», но и самостоятельно (*ly?* «отщеп»); в др.-греч.

ему соответствует *lua* «разъединение», *luēiv* «развязывать», др.-греч. *λυ-σαι* «развязать» < *lu-s-ai*, *λυσαισται* «развязать себе» < *lu-s-a-s-dhai*; причастие меди *λυμενος* «развязываемый» точно соответствует форме кет. пассива **улабинос*; причастие актива *λυων*, род. п. *λυον-τ-ος* содержит енисейский директивный аффикс «т»; инфинитив меди *λυεσθαι* раскрывается из кетской формы состояния **уl-ис-деи*. Из других соответствий отметим еще гот. *fra-liusan*, нем. *verlieren*, др.-инд. *lú* «разорвать», др.-греч. *λυω*, лат. *solve* < *so-lu-o* «löse». Отметим попутно, что герм. *liu-* и кет. мягкое «л» < *li* указывают на то, что это — форма состояния (**lui*). Вариант без палатализованного «л» — имб. *дулакнг*, сым. *ду'рагинг* «выстираю» — содержит форму действия (ула), которую мы видим в др.-нем. *lós*, гот. *laus* < *lu-a-s* «лишенный чего, свободный». Аналогичная расстановка составных элементов наблюдается и в других случаях; ср. др.-инд. *sphyas* < *sphia-s*, др.-греч. *σφην* < *sphain* «кин», др.-нем. *spán* < *sphain* «щепка». По-видимому, метатеза вызвана в таких случаях стремлением устранить скопление гласных в целях более четкого отграничения составных элементов и избежания их слияния.

60. др.-инд. *phenas*, ст.-сл. пена, др.-нем. *feim*, др.-англ. *fám*, кот. *há-pag*, имб. хо-фыл, сельк. сый-пал-Юо.

61. и.-е. **uer(t)* < *bher(t)* «вертеть, вертеться», лат. *vertó*, др.-инд. *vartámi* «верчу», ст.-сл. врьтети «вертеть», гот. *wairthan* «становиться», ирл. *fiar* «скрюченный», вал. *gwug*, брет. *gwar* «согбенный, скрюченный», др.-англ. *wig* «провода», кет. имб. *haldий* «(по)вернуть», сым. *дитч'а-пол'* «верчу» (п < бh), *итч'арфол'* «верти», сельк. *палд'уругу* «крутить», эвен. *мэр-элдындэ:й* «вращаться» (здесь «м» < бh), венг. *íog-gat* «вращать» як. эр-гит «вертеть», чув. *ча-вар*, тифс. XII, XIII в. *чя-вүр* «вращать»²⁵), ойр. *айл-а-* «вертеть, окружать» (восходит к **hali-a-*, где **hali*, аил — форма состояния).

62. лат. *u-bi*, умбр. *pu-fe*, оск. *pu-f* «где» (это), др.-инд. *ки-ha* < **ku-dha*, ст.-сл. *къ-де*, *ку* «где».

63. и.-е. **s-* (перед согласными и гласными) восходит к енис. «с», аффиксу состояния: гот. *slaurjan* < *'s-lu-a-p-i-an* «снимать, отдирать», *siipurán* < *s-lu-i-p-an* «выскользнуть»; др.-нем. *slizzan*, др.-сакс. *slítan* < *s-lei-t-an* «расщеплять» (здесь «t» директивный аффикс); лат. *scabó* «скоблю», гот. *skabañ* «скоблить», лит. *skabu* «резать», кет. *кава* «резать»; русск. *слеза*, *слизь* «отделение», нем. *schlickern* «проливать», ср.-нем. *slík* «ил», нем. *Schleim* «мокрота», восходит к **s-le* или **s-le-i* (без «с»: русск. *ил*, др.-греч. *ἵλος* «осадок»); сюда же относятся: лат. *lêvo* «глажу», *límáge* «полировать, лощить», *lêvis*, др.-греч. *λείος* < *lei-uís* «гладкий», русск. *лоск* < **лъск* «блеск», эв. *бэл-дэ:й* «гладить», венг. *lêvág* «отрезать» (все эти формы, кроме русск. *лоск*, содержат указание на объект: *v*, *m* < *b*), кет. *у?л'*, *у:л'* «гладкий», *ул'ге* < *ул'-к-е* «гладко сделанный», *у:л'с'* «гладкий (есть)». Чередования гласных *e*, *a*, *o*, *y*, вполне понятные из кетского, здесь не могут быть рассмотрены.

64. и.-е. *sel-* «брать, получать», гот. *saljan* «передавать, жертвовать», др.-нем. *sellan* «передавать, продать», *sala* «передача», тюрк. ал- «взять», нем. диал. *langen* < *la-ng-en* «взять» (рукой), эвенк. ча-вари:ми: «схватить», сельк. *ор-анныw*, ур-ассак < урансак «я схватил».

65. др.-нем. *úz*, гот. *út*, др.-инд. *ud* «aus» сопоставляется с кетским провербом «у», встречающимся в вариантах *уй*, *ус'*, *ун*, *ут'* с тем же значением; ср. *у:с'-тет* «расколоть», *д-у:н-аб-а* «распорю это», *ду:ксий* < < *д-у:к-с-ей* «погашу огонь, разберу, разобранным сделаю», сым. *дутч'ифь?* < *д-ут-ч'и-фь?* «погашу огонь, разберу» (костер).

²⁵) В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

66. и.-е. dhé-, содержащееся в др.-греч. τιθημι, лат. fécí др.-инд. dadhámi «я дал», ст.-сл. дети «делать», гот. gadeths «дедание», соответствует форме состояния кет. классного глагола «деи» < дхеи «делать»; ср. суффикс инфинитива в эвен. -дэ:й; в эвенк. он содержит классный показатель «б»: -ми: < беи.

67. и.-е. stá-, sistá-, stái- «стоять» получает свое разъяснение из енис. языков. В енис. языках глаголы, выражающие понятие «стоять» (также «сидеть»), представляют собой формы состояния: кет. имб. ди:н, и:н, сым. ди?фан «стоять» («д» — классный показатель, «н» — аффикс достигнутого состояния; в сымском фа — «делать»: stehen tuend); имб. ди:нă, ди:нă < ди-и-н-а «стою» (bin aufgerichtet), сым. ди:фын < ди-и-фен «стою», имб. диккен < дик-пен «стою». Эти кетские формы трудно было бы связать с и.-е. формами, если бы мы не располагали данными из других енисейских языков: асс. ятыкен < и-ат-ик-ен «стою», пумп. ич'адинган < и-ч'а-динг-ган «стоите», имб. XVIII в. д-ат-ти-нин «стоять». Элементы и-ат, и-ч'а соответствуют кет. т-а-и «направленный вверх»; в имбатском слове содержатся те же составные элементы и добавочное «т» (первое), указывающее на однократность процесса. Компоненты «ик» и «динг» представляют собой формы глагола бытия («к» — факитивный аффикс, «д» — классный показатель, «нг» — аффикс, указывающий на длительность состояния). И.-е. формы ав., др.-перс. staya < s-tai-a «поставить, стать», оск. stait «стоит», stahint, eestint < *es-tai-ei-ent «стоят», др.-ирл. ad-táu «я нахожусь, емь» < *stá-ió, русск. стою, лат. stáre, оск. stait «он стоит», др.-нем. stán, stén восходят к ен. с-т-а-и-нен; др.-греч. ἵστημι «ставлю», ἵστασται «стою», лат. sistó «ставлю» содержит си, соответствующее се-, имеющему показатель «с» медиального значения; ср. кет. дсесте д-се-с-де «делаюсь» (д-с-де) поднявшимся (е-с). Попутно отметим, что форму инфинитива лат. stáre можно рассматривать, исходя из ен. данных, как состоящей из частей stá < s-t-a-i (формы состояния) «стоящим» ÷ se < s-e «сделаться».

68. др.-перс. aitiy «он идет», др.-инд. aya-té < ai-a-t-ei (медий) «он идет (?)» (t < dh?), др.-инд. yanti, др.-греч. ἵασι < hen-ti «они идут», умбр. eest < *ei-seti «пойдет»; хет. paimi < pa-ai-mi «ухожу», др.-греч. ἵμα «ход» («м» из классного показателя «б»), лат. eó < *ei-ó, вместо *ei-mi, др.-инд. émi «иду», ст.-слав. и-ти «идти», лат. íre < *ei-s-e «идти» связываются с кет. ен. «aufrecht sein», ср. кет. ?e:c', ?ейс' < e?c' «вверху находящийся» син. «идти».

69. и.-е. *labh- «брать, хватать»; др.-инд. labhaté, rabhaté «берет, отхватывает», lábha- «выгода», gabbhas «власть», др.-греч. λαφύρον «добыча, трофей», лит. lobis «имущество, богатство», русск. лапата, чеш. tíara < t-lar-a «лапа, ножища», русск. лапа, др.-ирл. lám «рука», чув. ала, баск. ра «рука» сопоставляется с кет. лангат, ланггат < ла-нг-ка-т «рука», дланай тис'а «ударю рукой»; с другой ступенью гласного: русск. лопата < ло-п-а-т-а; ср. еще фин. lapio, др.-ирл. game, н.-корн. gev «весло», сам. lábe? «весло», слав. рука, лит. ranka, русск. рвать, лат. ruó «вырываю», др.-инд. gavati «разбивает, раздробляет». Попутно отметим, что асс. кенгар < к-не-нг-к-ат сделано по сравнению с кетским несколько по-другому: поднятым (не-нг) сделать (к), (чтобы) взять (кат); оба слова содержат общий компонент «ка» < к-на, сопоставляемый с лат. са-р-ио «взять (это)», алб. kar, нем. Hand < kan-d.

70. англо-сакс. béo, béom, др.-нем. bim, нем. bin «есмы, существую», др.-ирл. bío «существую», ср.-кипр. bydaf < by-da-b «имею обыкновение быть», нем. диал. ich tue sein, эвен. би «быть, жить» с показателем наст. вр. (си) бисим «существую», лат. fió («f» < и.-е. *bh») «становлюсь», ст.-слав. бимь, 2 и 3 л. би, тождественно с кет. субъектной формой би

(наст. вр.), бо (прош. вр.), а также с объектной — соответственно иб, об(уб).

71. и.-е. *dhelbh-* «копать, отбивать, долбить»; балто-слав. **dilbó* «закапываю, выкапываю», лит. *delba* «лом», скр. *dlisti* «обрубать», англо-сакс. *defaŋ* «копать, погребать», слов. долбсти < *dol-bes-ti*, сопоставляется с кет. ил «щепка», дибет «отломить, сломать».

72. кет. бей «веять, ветер», асс. пей, ар. пай, где «и» — предикативный показатель; вал. *gwynt*, брет. *gwent*, лат. *ventus*, нем. *Wind* «ветер» < *k-be-n-tos*, где вместо показателя «и» появился предикативный же показатель «п» ввиду наличия в этом слове указания на неодушевленного деятеля (к); и.-е. слово т. о. означает: «вей (веять) стало (н) делающий (тос)».

73. и.-е. **es-* «быть»; др.-греч. εσι, гот. *im*, др.-слав. есмь, сельк. е:анг «*ich bin*», гот. *wisan*, сельк. е:гу «быть», сельк. е:занг, е:Yak, лат. егап «я был»; лат. *siet, sit*, умбр. *sei*, др.-нем. *si*, сельк. еи (3-л. конъюнктива); кет. си «быть» (про одушевленное), би. (про неодушевленное или «быть не по собственной воле»), сим (формант конъюнктива), манч. сем-би «намереваться, желать», кет. ес'анг, ис'анг «чтобы быть, стать, сделаться»; и.-е. **bhewə*, кет. бибе «делаться», др.-слав. бе, кет. бей «быть» (форма состояния), лат. (*in-cal*)-*esk-o* «становлюсь (теплым)», сельк. ес'гу, аз'гу «стать, становиться».

74. Оппозиция форм и.-е. медиума и актива, выраженная посредством «и» ~ нуль, соответствует противопоставлению форм состояния (и) формам действия кетского глагола; например: и.-е. **po* «пить» — **rói* «поить», **spel-* «расколоть» — **splei-* «расщеплять», кет. та «продвигать» — таи «передвинуться».

75. Формы инфинитива глаголов направленного действия кетского языка на ти < ти:, теи совпадают с формой инфинитива балто-славянских и индо-иранских языков на -*ti* < -*tii*, -*tei*.

76. Форма инфинитива среднего залога др.-греч. языка (по-видимому также и индо-иранских на -*dhyái*) совпадают с формой состояния классного кетского глагола «де» — деи < деи (привел себя в состояние сам или кто-то); форма действительного залога, например, е:евал «быть» < **es:evai*, разъясняется из кетской морфемы пассива состояния «бин».

77. кет. основа ка- < *kha-* «брать, занять» сопоставляется с нем. *haben*, др.-нем. *habén*, гот. *haban* (с корнем *habai*), лат. *capio* «захватываю, беру», лат. *habere* «иметь», др.-ирл. *gabim* «беру»; ср. еще кет. -*hap* «рукоятка», нем. *Hand-hab-e* «чем берут рукой», венг. *íogó*, сельк. пак' «рукоятка», др.-ирл. *gabil*, вал. *gall*, др.-нем. *gabala, gabel*, «вилы, вилка».

78. кет. ли-нг «светлый, блестящий», нем. *licht*, др.-нем. *liocht* < **li-ok-ed*; с другой ступенью гласного: др.-сев. *log* «пламя, свет», гот. *liuhath*, др.-инд. *gókas*, лат. *lux* «свет», др.-греч. *λευκος* «светлый, белый», слав. луч < *lu-k-i-os*, гот. *liuhtjan* «leuchten, strahlen», скр. *luc* «лучина», др.-нем. *loug* < **lu-og* «пламя, свет», лат. *lucésco* < **lu-k-i-es-co* «становлюсь светлым» — содержат форму действия (lu) и форму состояния (lui).

79. кет. и:т, и:та «зуб», восходящие к **ей?*-т-а, содержит словообразовательный аффикс «а», директивный аффикс «т» и корневой элемент е?, который может быть оформлен суффиксами предикации (ей, ек, ен, ес, ел, ет) и префиксами класса (де?, ке?, се?, бе?) или префиксом направленности (те?). Сказанное позволяет понять следующие вариации слова «зуб» в разных языках, состоящие из элементов, тождественных енисейским: хак. тис, як. тиис («направленный вверх есть»),

чув. шал («вверх поднявшийся стал»); зыр. *pin'*, хант. *penk*, фин. *pii*²⁶), венг. *fog* имеют начальный согласный, отражающий прото-енисейский ларингал (фарингал) **he?*; лат. *dens* < *d-en-t-os* содержит классный показатель «d» — «кем-то (d) сделан есть направленно вверх»; калм. *шӱдп* очень близко к лат. слову, но оно содержит значение «ставший вверх направленным (шӱ) сделан кем-то» (*дп*). Для последних слов при их создании исходным понятием было не «зуб», а понятие, содержащееся в нем. *Zinke*, др.-нем. *zinko* < **d-in-k-o*; на такое же осмысление указывает также сельк. *ти:в*, *ти:м* < *т-ей-б* «вверх направленным сделанное» («зуб пилы, *Zinke*»). Несколько по-другому сделано эвенк. *иктэ*, *икта*; оно содержит формант «к» с эргативным значением, который мы находим также в сван. *sdik*, груз. *kbil*, мегр. *kibir*, чан. *kibr-*, *kibr-*²⁷).

80. скр. *manue* «я думаю», гот. *manap* «вспоминать», др.-сакс. *ge-man* «думаю об», русск. *вспо-мин-ать*, кет. *б-ан* «моя дума».

81. н.-ирл. *gead*, скр. *had*, др.-греч. *χοθανος*, чул.-тюрк. *кот*. кет. *кот*, *коһт* «зад».

82. кет. *ес'* «бог» (наверху суший); ирл. *dess*, лат. *deus*, др.-греч. *θεος* представляют собой то же слово, оформленное классным показателем «d» (одушевленный, разумный, наверху суший); сюда же относятся кет. *ей* «остров», др.-ирл. *inis* < **enis* «(из воды) возвышающееся».

83. лит. *at*, ирл. *ad-* «опять, обратно» идентичны с кет. *ат* с тем же значением, встречающимся в глаголах, например: *дбатстак* < *д-б-ат-с-т-ак* «отправляюсь (вернусь), сбегая».

84. и.-е. *ati* «поверх чего-нибудь», которое Ю. Покорный связывает с предыдущим словом, др.-инд. *ati*, галь. *ate*, др.-ирл. *aith-*, *ad-*, идентично с кет. *ат* в том же значении, например: *датпак* < *д-ат-б-ак* «я лью на это», *даттай* < *д-ат-дай* «расту». Этот же компонент, с другой огласовкой, возможной и в кетском, содержит ирл. *ethaim* «я иду, *gehe aufher*».

85. кет. *ей*, содержащееся в таких глаголах как *д-ей-ба* *Уой*, он меня зовет, *ruft mich auf*, сопоставляется с др.-ирл. *egim* «я кричу», лит. *igt* «быть недовольным, жаловаться», лат. *aeger* «недовольный, *aufgebracht*».

86. кет. *и:с'* < *ни:с'* «рыба» сопоставляется с лат. *piscis*, др.-нем. *fisk* < *reis-ko-s* «(из воды) поднятое».

87. кет. *се?л'* «олень», по-видимому, является тождественным с др.-ирл. *elit* «косуля», арм. *eln*, др.-греч. *ελαφος* < *eln-bho-s* «олень», лат. *elnis*, русск. *олень*; кет. «с» указывает на то, что остающаяся часть — *е?л'* — имя действия (то же самое сигнализирует и.-е. «п»). Поэтому *е?л'* можно отождествлять с и.-е. **el*, *lá* «ехать, возить, продвигаться», так что *се?л'* обозначало «(животное), на котором возят, едут, продвигаются».

88. кет. *лы?к*, *лъ°:к* «калым, цена пушиной» сопоставляется с др.-ирл. *log*, *luag*²⁸ «цена, воздаяние, награда» < *lu-a-k* «отделенное», англ. *luck*, нем. *Glück* «счастье, доля», русск. *лыко* (отделенная кора); лит. *lunkas* < *lu-p-k-a-s* «отделенным (*lun*) кем-то (*k*) сделано есть (*a-s*). Формы с аффиксом достигнутого состояния («н») встречаются и в кетском, например: *д-лу:н-так*, *д-лын-так* «я отгрызу, отделю».

89. удм. *пи*, морд. *пијо*, фин. *poika*, англ. *boy*, нем. диал. *bu:*, множ. ч. *bu:we* «мальчик» можно сопоставить с кет. *б-ны:У* «мой мальчик, муж»

²⁶) W. Steinitz. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Berlin, 1964,

²⁷) Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, S. 107.

²⁸) W. Stokes. Urkeltischer Sprachschatz, Göttingen, 1894.

при допущении $Y \sim gh \sim w$; ср. ср.-англ. saugh, saw, гот. sahw «видел».

90. лат. senior, гот. sinistra «старший», ирл. sen, брет. hen, скр. sana «старый», удм. сис', морд. сий «гнилой» идентичны с кет. син' «старый, гнилой»; пермские соответствия показывают, что в кет. слове «н» — предикативный аффикс.

91. кимр. dryll «отломанный кусок», лат. frustum «откусанное, кусок», др.-греч. φραω «ломаю», как и др.-ирл. dluigim «расщепляю, обдираю», восходят к dhlu, dhla и содержат классный показатель енис. «д»; в отличие от них др.-ирл. brospa «обломанный сук», ср. в нем. brósem (крошка хлеба), алб. breser «град» восходят к bhra, bhre, bhro, содержащим классный показатель «б».

91а. Все и.-е. и урало-алт. варианты личных местоимений 3-го л. ед. ч. разъясняются из самостоятельных или объектных и предикативных форм местоимений енисейских языков, а именно: 1) а, *ад «его», ид «ее»; 2) с (*са «он», си «она» при предикации); 3) кид «этот близкий»; 4) *тад, туд «этот подальше»; 5) бу «он, она, себя». Форму ан < ад имеют тюркские языки (кроме якутского), балто-славянские и некоторые другие и.-е. языки; форму с «с» имеют удм., коми, эрз., нган., герм. и некоторые другие и.-е. языки; форму, восходящую к «кид» (кин) имеет як. язык; форму, связанную с енис. туд, тад, имеют хант., вод., эст., мар., манс., с некоторым видоизменением (таб, теб) селькупский; тунгусо-манчж. восходят к туд (> ну-н); форму с «бу» имеют нен. и эн. языки; монгольские формы восходят к бад, бид. Кетское ид «ее» имеет классный показатель «д» для различения от «и», указывающего на вещь, неодушевленный предмет; когда возникло лат. -id «это», прежний смысл форманта «d» был уже забыт. Вследствие того, что приведенные и.-е. и ур.-алт. формы значительно отличаются от соответствующих в кавказских языках, возникновение этих личных местоимений следует отнести ко времени после енисейско-кавказского контакта.

92. Слова для обозначения понятий «снег» и «дождь» трудно разграничить вследствие того, что у северных народов имеются детализованные названия для разновидностей этих осадков, в том числе для случая, когда дождь и снег идут одновременно. По-видимому, можно сопоставить сельк. сор, сър, сер, сыр, һър, хър, хыр с тюрк. кар, як. хаар, чув. юр «снег», эвен. хору:н «идет снег»; ср. с этим сельк. фер, сер, сов. «дождь», к'w'ера, swe:pa, хwера «идет дождь», ар. кур', бур. хура «дождь», кет. сым. урач'и, имб. ул'äта «идет дождь», перм. зэр, удм. зор «дождь». Падающий (мокрый) снег по-кетски называется бе?т, бе:т; берäта «идет снег». С этим словом, возможно, связаны эвен. иманра, еманра, орок. симана, улч. симата, нан. семата «снег», бур. бороо «дождь», тох. А swase «дождь». Некоторые из этих слов не конкретизируют, а обобщают понятие (снег-дождь-осадки); так, вероятно следует понимать кет. урес', улес' < ly-e-c' «отделяющееся, осаждающееся», как и лат. imber, др.-греч. ομβρος «дождь», если допустимо возведение начальной компоненты последнего слова к ало «сверху вниз», нем ab, с диссимиляцией перед (б) и последующим переходом звука «а» в «о» перед «м»; ср. ομφακη «незрелое (нехорошее) вино» < *av-φακη, φαθρος «чистый, блестящий», хороший, радостный», сельк. со:, хwa:, swa, фа:, фай «хороший», где фа: < *фа? — форма действия, а фай — форма состояния (в енис. языках этому слову соответствует кот. һама:, кет. акте < ак-де «хороший, хорошо сделанный»).

93. кет. ку?, ку?л', куол', имб. XVIII в. kohl, сым. куфыл, «(горящий) уголь», др.-нем. kolo, др.-ирл. gual, кимр. glo «уголь», др.-инд. ang-gāgas «уголь». Кет. һыл, фыл самостоятельно употребляется в значении

«грызть, жевать пожирать»; это слово сопоставимо с др.-иран. ав. *gaṅ-«глотать»*, лат. *vogó «глотаю, пожираю»*. Если отождествить др.-инд. *ang-* с и.-е. словами, обозначающими «огонь», то приведенное др.-инд. слово букв. означает «огне-жор, Feuerfraß». Приняв это, можно было бы подумать, что первая часть кет. слова (*ку*) тоже означает «огонь», что как будто бы подтверждается ар. *кот*, кет. *хот «огонь»*. Однако, кет. *дбок-ку-сит «разведу огонь, натоплю»* говорит против такого предположения; здесь «*ку*», очевидно, означает «еда»: «для огня (бок) пишу (*ку*) ставшей (с) делаю (д-ет)». Отсюда выходит, что кет. ар. *хот. кот* получили свое значение из *боккот*.

94. др.-нем. *saga «высказывание»*, др.-ирл. *saga «рассказ»*, *sagim, saigim «говорю, высказываю»*, кет. *сага-бет «говорю, высказываю»*, аскет «рассказ» < *са-к-ет*.

95. и.-е. причастие на *-теп* уже упоминалось (N59). Этот аффикс — сложный: первый компонент (*м*) соответствует кет. аффиксу пассива (*б, п, м*), второй — аффиксу кет. медиума (*н*). Аффикс «*м, п*» получил широкое распространение во всех урало-алт. языках; ср. к.-калп. етип «делая», кет. *бедибет «делает, делая (едиб)»* делает это (*б-ет*); к.-калп. *ыҮысып²⁹*) келди «собираясь пришли» кет. *д-иҮип-с «собравшийся есть»*; манс. *ба:јаим³⁰*), кет. *бајаим < бай-ай-иб «сделанный есть»*.

96. По-видимому, из кетских форм можно разъяснить основные типы пра-и.-е. глагольных основ. Так, например, тип **-е/о*, представленный в др.-слав. *мьн-е-ти «думать»*, аор. *мьн-е-хъ «думал»* — *мьн-и-ть «думает»* (ср. гот. *munaith «думает»*) находит свою аналогию в кет. форме состояния на *-ей, -ай*; ср. кет. *анангай «думать, думы (ан-анг) делающий»*, сельк. *манай < б-ан-ай «охваченный думой, сумасшедший»*. По-видимому, и все другие и.-е. способы синтетического формообразования разъясняются из енис. языков. Основы на **-а*, представленные формами слов многократного вида, например, в др.-сл. *гнѣ тати* отражают кет. чередование «*е*» — однократное или недлительное действие — и «*а*» — неоднократное или длительное действие, в сочетании с показателем формы состояния «*и*» (т. е. *ей-ай*).

97. Формы настоящего на «*и*»: лат. *amo < *amá-io*, ср. сельк. *tü:jak, гй:wak «я приду» < tü:и-wak*, кельт. основа наст. вр. *gaib-*, прош. вр. *gab-* «брать, взять», кет. *ди:jak < ди-и-ак «я схожу»*.

98. Формы будущего на **(ə)se/o, *(ə)sye*, др.-инд. **-sya-*, лит. *-siu*: лит. *lik-siu < lik-si-o «оставлю»*; греч. **-se/o: λειψω < le-ib-so «оставлю»*; лат. *sapsó < k-ha-b-so «возьму»*. Этот формант соответствует ен. *се-, си-*, например: кет. *до?н-си-т «нож (до?н) это будет»*. Сюда же следует отнести и формы сослагательного в лат. и ирл. языках: лат. *faxit < fa-k-si-t «я сделал бы»*, др.-ирл. *téis < *steik-se-t «шел бы он»*; ср. кет. *ад си-м ди:jak «я бы ходил»*, как и башк. будущее II, представлявшее собой форму состояния однократного вида: *ал-а-са-к-мын «я возьму»*. Этот показатель восходит к енис.-праиндоевропейскому «*s*».

99. Форма тюрк. будущего на *-ар*, башк. *-ыр* восходит, по-видимому, к енис. *-*лр'*, представляющего собой аффикс завершеного (и длительного) состояния: башк. *ал-ыр-мын «я возьму»*; ср. сельк. *тö-и-л'-а «приду, пришедшим сделаюсь»*. Это древнее «*л*» сохранил чул.-тюрк.: *ал-л-ук «возьму»*. Попутно отметим, что тюрк. будущее на *-ай, -ей* представляет собой форму состояния настоящего времени, получившую

²⁹) Н. А. Баскаков. «Кара-калпакский язык», т. II, М., 1952, стр. 461 сл.

³⁰) Sz. Kispál M. A vogul igenév mondattana, Budapest, 1966, стр. 270 сл.

значение будущего. Развитие этого «л» в «ш» в тюрк. языках представляет собой более позднее явление; ср. кет. эла; чув. алак, тюрк. эшик «дверь».

100. Формы прош. вр. на -ка, -га, -са. Сюда относится а) форма тюрк. перфекта, например: башк. ал-Үа-н-мын «я взял, взявший есмь»; б) др.-греч. сигматический аорист и соответствующие ему формы в других и.-е. языках, например: скр. aváksam, лат. vēxi, др.-сл. vьъзъ «я вез», дахъ «дал», дасть «ты, он дал»³¹). Этот показатель представляет собой рефлекс прото-енис. -ок, -го. Отметим еще, что в лат. произошло смешение показателей *s, *lg и *k вследствие их совпадения в одном звуке; ср. лат. eram «я был» < es-am, аналогично amábam «я любил» < am-á-bam (ср. др.-нем. bi-m «я есмь») — «Liebe tuend bin ich»; поскольку в лат. наблюдаются случаи рефлекса древнего «к» через «s» (ср. es «ты еси» < *es-si) можно считать, что «г» в форме eram «я был» восходит к этому «s», т. е. к *es-s-am; форму будущего же ego «я буду» можно возвести к *es-lg-o. При таком понимании лат. amávero «буду любить» приобретает для нас такой смысл: amávero < *am-á-b-elg-o «ich werde geliebt habend (amáv-) gewesen (lg) sein (e)». В плюсквамперфекте же — amáveram — компонент -eram возник из *es-s-am, так что в целом форма имела смысл: «geliebt habend (amáv-) war (es-s) ich (am)». Перфект -amávi < *amáb-ai представляет собой типичную форму состояния, не включавшую первоначально показателя лица: «Liebe tuend (ama) gewordenen (ab) bin ich, bist du, ist er (ai)».

101. Суффикс и.-е. действительного причастия перфекта скр. др.-греч. *wes, лит. слав. *-us³²), например: скр. tamg-ván «умерший», ж. р. tamg-usí, лит. ж. р. mīg-us-í, др.-сл. ж. р. мър-ъш-и, имеет свое соответствие в кет. -бес, например: кет. кь'й-бес «позеленевший», д'эвовет < <ди-еб-о-бес «заблудился, заблудившийся»; окончание *wet соответствует кет. -бет., например: ил'бет «сломавшийся, сломался»; кет. -бет представляет собой оформитель пассива (однокр. вида), а -бес — медиопассива (неоднокр. вида).

102. Причастие на -л, получившее широкое распространение в слав. языках (ср. поль. szedł), а также в арм. и тох. и единично представленное в других и.-е. языках, имеет тождественное соответствие в кетском языке; ср. thac'a < д-һа-с'-а «режу, резанный есть (һас') делаю (д-а), thal'a < д-һа-л'-а «я резал, резанный стал делаю»; аффиксы с'—л' имеют здесь четко выраженное предикативное значение. Грамматические форманты и.-е. языков выступают здесь, как и в других случаях, как обособившиеся компоненты контекста енис. глагольных форм; их обособление повлекло за собой возникновение и.-е. аффиксов. В связи с рассмотренным аффиксом «л'» надо остановиться на вопросе происхождения аффикса 2-го л. «l» в сам. венг. языках. Можно было бы подумать, что l < s³³). Однако, более вероятным является его отождествление с объектным показателем 3-го л. в манс. языке (äli-l-ъ-m «я убиваю его»). Здесь и там этот аффикс восходит к енис. «л'». Для развития этого аффикса в личный или лично-объектный имелись уже условия в енис. языках; ср. кет. етпедем «я знаю», еткум «ты знаешь», етәлем «он знает». Тут «л'» может осмысливаться уже как показатель 3-го л. Однако, сравнение с формой 2-го л., возникшей из *етл'-ку-м, показывает, что формантом лица (объекта) в форме 3-го л. является ä < a, т. е. эту форму надо понимать как «узнавшим (ет-л') он сделался (ам), его (а)

³¹) А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 204.

³²) А. Мейе. «Общеславянский язык». М., 1951, стр. 208 сл.; он же. Введение..., стр. 289.

³³) L. Szinyei. Finnische Sprachwissenschaft, Lpz., 1940, S. 114.

сделало (что-то)»; это же подтверждает др.-ирл. *g-a-fet-ar* «я это знаю». Первое лицо имеет еще чисто классное оформление: *et-ba-de-m*.

103. Окончание 2-го л. ед. ч. перфекта др.-инд. *tha, véttha*, др.-греч. *οισθα* «ты знаешь», восходит к енис. классному глаголу *де/да* (форма действия); ср. кет. *етпедем* < *ет-ба-де-б* «я знаю» (возвратно-пассивного построения). К этому же глаголу, но формы состояния (*деи*) восходит окончание 2 л. императива: др.-инд. *vid-dhi* «смотри», др.-греч. *ιδθι* «знай».

104. Следы былой просодической системы типа енисейских языков³⁴⁾ сохранил в наиболее полном виде др.-греч. язык в своих разновидностях интонации. Детали этих соответствий еще не выяснены.

Добавим несколько слов о методике сравнения отдаленно родственных языков, о чем речь шла уже выше.

Нет сомнения, что приемы сравнительно-исторического исследования отдаленно-родственных языков не уступающие по своей точности сравнительно-историческому методу в применении к близко-родственным языкам, могут быть найдены. Затруднения в данном случае заключаются главным образом в том, что соответствующие правила должны быть установлены главным образом путем внутренней реконструкции при наличии больших пробелов в необходимом фактическом материале по многим отдельным языкам и диалектам. Укажем несколько общих положений.

Первое требование — структурно-функциональный подход к изучаемому комплексу явлений. Исследование начинается при допущении, что рассматриваемый комплекс представляет собой систему. Путем выявления дистрибуции составных элементов и установления имеющихся оппозиций выясняются основные особенности этой системы и реконструируется модель, которая затем проверяется и уточняется путем опробования полученных функционально значимых компонентов системы. Сопоставлять можно только элементы, функционально равнозначные. Установив тождество функции данного элемента, можно перейти к разрешению вопроса о наличии (или отсутствии) материального тождества элемента системы одного языка с соответствующим элементом другого. Решить этот вопрос довольно трудно, даже при большом сходстве или полном совпадении сравниваемых элементов. Возьмем пример. В кетском языке из пар, подобных *бут* < *буд* «он» — *бур* «она» выявляются классные показатели «д» (живой, мужчина) и «р» (живое, женщина), совпадающие с даргинскими³⁵⁾. отождествить их, однако, нельзя, потому что в кетском «р» не является праформой. Это видно из того, что «р» в кетском является членом двух рядов: *д-н-р*, *лр-л-р*, а рассматриваемый аффикс входит только в первый ряд, что вместе с другими фактами доказывает вторичность его в кетском языке. В отличие от этого «н» этого ряда в значении классного показателя одушевленного множества должен рассматриваться как аффикс древнего образования. Это видно из рассмотрения показателей множ. ч. существительных, possessивных аффиксов (ср. *Ъ°т-на* «наш», *Ъ°к-на* «ваш», *бунг-на* «их») и классных показателей при глагольных формах:

Лицо	Ед. число	Множ. число
1	д-и	ди-н
2	к-у, к-н ³⁶⁾	ку-н, ки-н
3	д-у „он“, д-а „она“	ду-н

³⁴⁾ Г. К. Вернер. Звуковая система сымского диалекта кетского языка. Томск, 1966 (канд. диссертация).

³⁵⁾ Л. Н. Жирков. Классное согласование в даргинском языке. Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961, стр. 202.

³⁶⁾ По поводу разницы в огласовке (см. А. П. Дульзон. «Кетский язык», Томск, 1968, стр. 603).

В глагольных формах понятие одушевленного множества уже четко отграничено от понятия класса по лицу действия; можно допустить, что показатель одушевленного множества (н) возник путем удвоения д-д с последующим расподоблением.

Восстановление праформы тем легче осуществляется, чем больше число привлеченных диалектных (и диахронических) вариантов. Вот почему следует стремиться к полному учету этих вариантов; иногда неучет только одного варианта приводит к ошибочным выводам. Выходя за пределы данного языка, устанавливаются другие ряды, в которые входит лишь праформа данного языка. Приведем пример.

Сопоставляя енисейские языки с урало-алтайскими и и.-е., мы находим для классного показателя «д» следующий ряд: д—т—н—*θ—с—з—р; ср., например, кет. ко-д, сельк. ку-т, ку-д, бур. хэн (ед. ч.), хэд (мн. ч.), калм. кен, эвенк. е:кун, мн. ч. е:кур, нег. е:хун, мн. ч. е:хул, хет kwis, лат. quis < ku-is, тох. kus, нем. we-g, лит., латыш. kas, др.-инд. kas, гот. hwas. Для значения ед. ч. мы возводим все эти варианты к «д», исходя из особенностей языка времени енисейско-урало-алтайско-индоевропейского контакта, т. е. реконструируем архетип *ку-д, *ку-а-д, ку-и-д. Развитие показателя «д» по отдельным языкам или семьям проходило так:

д > т > *θ с
д > н > ђ > з > р

Показатель одушевленного множества прошел следующие этапы в своем развитии по отдельным языкам:

н > т > *θ > с
н > д > ђ > з > р

Древнейшую форму («н») мы устанавливаем на основании ее общности в енисейских, кавказских, баскском и вершикском языках.

Для успешного проведения этимологических исследований надо найти всевозможные синхронно-диахронные соответствия, связывающие разные языки и диалекты между собой. Без такого лингво-географического подхода реконструкция праформ немислима.

Приведем праиндоевропейско-кетские соответствия, которые могут быть выведены из указанных выше словарных и грамматических общностей.

Пра-и.-е. гласным а, о, и, е, і соответствуют, в енис. языках те же гласные. Однако фактическое соотношение гласных в конкретных случаях осложняется вследствие того, что аблаут е, а, о енисейских языков, в результате переделки классного языка в агглютинативный или флективный, получил в и.-е. несколько иную функциональную нагрузку и в зависимости от этого несколько видоизменился; кроме того, есть основания думать, что в прото-енисейском существовала оппозиция гласных «е, о» по открытости-закрытости.

Пра-и.-е. сонорным т, п, г, л соответствуют в енис. языках те же звуки.

Сложными являются соответствия согласных. Для примера приведем соответствия смычных согласных, восстанавливаемых для пра-и.-е. языка, с согласными кетского языка (стр. 137, и.-е. звуки обозначены латинскими буквами, кетские даны по алфавиту на русской основе).

Можно было бы указать также целый ряд закономерных соответствий с урало-алтайскими языками, например: кет. м ~ сельк. м ~ герм. m; сельк. м ~ лат. f; и.-е. kw ~ лат. k ~ герм. h ~ слав. k ~ греч. p ~ сельк. п; и.-е. w ~ сельк. w, м; лат. греч. k ~ кет. к ~ герм.

h ~ башк. h ~ як. нуль; и.-е. p ~ герм. f ~ сельк. p ~ арм. h ~ кет. h, ф; и.-е. s ~ кет. сельк. c; кет. л, р, лр ~ сельк. тюрк. p, л (чередование л ~ р в енисейских языках является диалектным, а в и.-е. и ур.-алт. языках использовано для семантической дифференциации).

Не следует думать, что приведенная схема соответствий является всеобщей и исчерпывающей; воссоздание всех соответствий — дело бу-

И.-е.	Кет.	И.-е.	Кет.	И.-е.	Кет.	И.-е.	Кет.
p	h	m (вм. b)	б	ph (вм. mh)	bh	bh	б
t	г	d	д	th	th	dh	д
k'	к	g'	г	k'h	kh	g'h	г
kw	к	gw	Г	kwh	kh	gwh	Г
k'w	к	g'w	г	k'wh	kh	g'wh	г

душего. Данная схема учитывает только некоторое число конкретных случаев фактического соответствия, оставляя в стороне многие другие. Трудность воссоздания полной картины соответствий заключается в следующем.

1. Пра-и.-е. языковые формы, найденные сравнительно-историческим языкознанием, представляют собой только рабочую модель древнейшего и.-е. языка, полученную эмпирическим путем (этим отнюдь не умаляется ее исключительная ценность для языкознания).

2. Все гласные, как это видно из данных енис. языков, могли сочетаться с двумя ларингалами, которые оказывали влияние на их природу. В енис. языках употребление ларингалов было связано с существовавшей у них системой интонации гласных. В этих языках ясно прослеживаются два ларингала — «h» (щелевой) и «?» (смычный), которые сами по себе фонематического значения не имели, но приводили к появлению различных тоном, использовавшихся для семантической дифференциации. В сочетании с одним гласным, например «а», возможны были (и фактически существуют в живом кетском языке) следующие девять комбинаций: а, ha, ah, hah, ha?, ?а, а?, ?а?, ?ah. В прото-енисейском ларингалах можно считать особенностью произношения гласных. В дальнейшем же, в связи с перестройкой языка классно-тонического типа в агглютинативно-флективный разрушается старая тоническая система и происходит обособление и выделение ларингалов в самостоятельные звуки. Так, например, ларингал «h» перед гласным мог перейти в «ф» и «п» (ср. № 26). Точно так же ларингал «?» перед гласным мог перейти в «к» (ср. № 45); после гласного ларингал «?» отражался в виде гласного близкой окраски с тем гласным, возле которого он стоял, что приводило в итоге к появлению дифтонгов или долгих гласных (примеров такого развития очень много).

3. Согласные видоизменялись по двум причинам: в зависимости от ряда соседнего гласного и в зависимости от природы соседнего ларингала. Перед «i», например, согласные палатализуются и проявляют тенденцию к переходу в другие звуки, например, «s» в «ш», «t'» в «ч» и т. д. Если палатализация возникла только в соседстве с «i», что можно установить путем выборочного исследования, то достаточно будет исследовать все сочетания согласных с этим гласным (it, ti, ik, ki и т. д.).

Что развитие согласных зависело от природы соседнего ларингала, с полной очевидностью выступает в приведенных нами выше примерах

енисейско-и.-е. общностей. Так, например, кет. «б?» отражается в виде и.-е. «bh» (см. № 16); ср. алб. *hug*, кет. ?ур «вода»), а кет. «б» плюс нуль в виде «w» (см. № 10); греч. «'» (*lenis*) сигнализирует кет. нулевой ларингал. Выявление всех случаев соответствия требует изучения всех возможных комбинаций, согласных со всеми гласными и ларингалами. Частный случай этих комбинаций представляет собой сочетание задне-небных согласных «*u > w*». По-видимому, оправдывается остроумная догадка В. Штрайтберга³⁷) о том, что и.-е. лабиовелярные представляют собой сочетания двух звуков. Но это относится только к древнейшему этапу их истории, пока оба звука сохраняли свой смысл; когда они его утериали, они могли стать едиными фонемами. Здесь, может быть, уместно заметить, что вообще произвольно (*blind*) мог измениться только звук, не имевший самостоятельного смысла, но не звук со смыслом (например, с грамматическим значением). Фронтальное звуковое изменение (*Lautwandel*) стало возможным только после утери отдельными звуками своего прежнего функционального значения. Возможности изменения звуков такого языка, как кетский, весьма ограничены. Это объясняется тем, что в нем по принципу построения каждый звук слова является идееносителем (звукоизолирующий язык).

4. Наконец, трудность реконструкции древнейших и.-е. согласных связана с тем, что и.-е. слово обособилось из до-и.-е. слога или слогов, входивших в цепочку строевых единств полисинтетического типа. Вследствие этого в и.-е. языках возникло фонематическое разграничение глухих и звонких, отсутствовавшее в предшествующем языке енисейского типа, где это разграничение уже имелось, но было связано с дистрибуцией согласных в развернутых речевых единицах (например: глухой в абсолютном начале или абсолютном конце, звонкий между гласными). Учет енисейских данных наряду с древнеиндоевропейскими позволяет уточнить как прото-индоевропейское состояние, так и прото-енисейское. Так, например, ряд чередования и.-е. *k' ~ s* не свойствен енисейским языкам и поэтому должен рассматриваться, как возникший в после-енисейско-индоевропейское время.

Другой же ряд и.-е. *d ~ ḍ ~ ḡ*, имеющий свою параллель в тюркских языках, дает основание предположить, что появление «*d*» этого ряда в енисейских языках представляет собой их инновацию, так как этот ряд связывает енисейские языки с тибето-бирманскими языками, т. е. с ареалом более древнего плана.

Кетской инновацией представляется также «*h*-», которому соответствует сельк. «*s*», и.-е. **k*; ср. с этим ряд: кет. *k ~* и.-е. **k ~* кот. *h ~* сельк. «*s*». Остальные члены группы звонких и.-е. придыхательных, имея в кетском соответствия *gh ~ γ*, *guh ~ Y* предстают в енисейских языках как образования более позднего времени, т. е. как возникшие после енисейско-индоевропейского контакта.

По соответствию енис. «*б*» ~ и.-е. «*m*» можно думать, что в древнейший период начала «индоевропеизации» исходного центрально-азиатского языка в начале слова «*б*» вообще не встречалось (ен. *б*- заменялось звуком *m*-), а в позиции -*б* или -*б*- это древнее «*б*» отражалось в виде звуков «*b*», «*m*» или «*w*».

Итак, мы пришли к выводу, что и.-е. языки возникли в результате переделки языка кетского типа. Возникает вопрос, почему это произошло.

Структура всякого орудия или приспособления сама по себе не изменяется по каким-то метафизическим «внутренним законам развития»;

³⁷) Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962, т. II, стр. 17.

ее всегда изменяют только люди, создавшие его для выполнения определенных функций, когда возникает в этом необходимость, т. е. когда оно перестает полностью удовлетворять возросшие или изменившиеся потребности. Однако полисинтетические языки, к которым относится кетский, обладают настолько совершенной структурой, что вполне способны удовлетворять самые изощренные требования современности. В некоторых отношениях полисинтетическая структура даже лучше той, которая ее заменила, а именно, она обладает большей краткостью (кетский текст в 1,5 раза короче индоевропейского) и минимальной избыточностью. Из сказанного выходит, что причину индоевропеизации должна вскрыть социолингвистика.

Приняв положение о том, что и.-е. языки возникли из языка полисинтетического типа (близкого к кетскому), становится вполне понятным, почему енисейские данные позволяют уточнить протоиндо-европейское языковое состояние и почему, наоборот, данных древних индоевропейских языков нередко очень способствуют реконструкции прото-енисейского состояния.

По приведенным данным наиболее архаичными из и.-е. языков оказались кельтские и тохарские, а за ними др.-греческий. Можно это объяснить тем, что древние носители этих языков раньше других племен оказались на периферии и.-е. ареала.

Примечание. По техническим причинам для нас оказалось невозможным точно передать традиционную транскрипцию и.-е. языков. Транскрипция языков Сибири дана по книге автора «Кетский язык», Томск, 1968; дополнительно надо указать, что курсивное «д» обозначает звонкий интердентальный согласный.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. П. Дульзон. Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения	3
П. М. Коптелов. О семантике таймырских гидронимов инганасанского происхождения	6
Г. М. Шатров. О словообразовательном типе глаголов <i>incessere, visere, iussere</i>	12
Г. М. Шатров. О происхождении морфологического типа глаголов <i>incessere, plectere, vertere</i> и др.	23
Г. А. Чупина. Конъюнктив в побудительных предложениях	36
В. Д. Фатнева. К этимологии латинского <i>pugus</i>	48
Л. В. Доровских. К вопросу об окончании винительного падежа единственного числа <i>i</i> -основ в латинском языке	52
Э. Ф. Молина. <i>Livia</i>	56
Э. Ф. Молина. Отглагольные производные на <i>-bundus</i> в латинском языке	62
Л. Т. Баженов. Постпозиция непроизводных латинских предлогов	67
В. Д. Фатнева. Морфологические особенности порядкового числительного «первый» в славянских языках	70
О. М. Соколов. О комбинационном сопоставлении морфем в рамках лексических единиц	78 ^w
В. Д. Фатнева. Конкретные основы порядкового числительного «первый» в некоторых индоевропейских языках	93
Г. А. Щепаккина. К проблеме эволюции личных местоимений румынского языка <i>poa, voia</i>	99
С. У. Родионов. Причастие II в древнеанглийском языке	103
А. П. Дульзон. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими	110

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ, вып. 2.

Томск, изд. ТГУ, 140 с.

Старший редактор издательства **Л. Г. Мордовина**
 Технический редактор **Э. Н. Страшкова**
 Корректор **М. И. Сваровская**

К300398

Бумага 70×108¹/₁₆,
 Заказ 5016

Сдано в набор 21/X-68 г.

Печ. л. 8,75;

Тираж 500

Подписано к печати 14 VIII-69 г.

уч.-изд. л. 11,9;

усл. п. л. 12,2

Цена 1 руб. 19 коп.

Томск, областная типография № 1, ул. Советская, 47.

